Кортни Лав : подлинная история

Поппи Брайт

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Кортни Лав всегда окружена хаосом, триумфом, болью и обаянием. Она была представлена как авантюристка, святая, персонаж комикса, героиня, мученица и образец для подражания».

Это — подлинная история — правда за ложью и восхваление одной из самых популярных альтернативных кумиров конца 20-го века — и она не менее противоречива. От хаотического детства до бунтарской юности со стриптизом на Тайване до рок-звёздности, от брака с проблемами с наркотиками до материнства и кровавой трагедии, ничего не пропущено. Содержащая более тридцати фотографий, включая некоторые ранее не публиковавшиеся и многие из частных коллекций, и с выдержками из писем и дневников Кортни Лав, эта биография — первый откровенный рассказ женщины, которая, кажется, настроена стать современной Мэрилин Монро.

- Поппи З. Брайт
- Предисловие
- Глава первая
- Глава вторая
- Глава третья
- Глава четвёртая
- Глава пятая
- Глава шестая
- Глава седьмая
- Глава восьмая
- Глава девятая
- Глава десятая
- Глава одиннадцатая
- Глава двенадцатая
- Глава тринадцатая
- Глава четырнадцатая
- Глава пятнадцатая
- Глава шестнадцатая
- Глава семнадцатая
- Глава восемнадцатая
- Глава девятнадцатая
- Глава двадцатая
- Глава двадцать первая
- Глава двадцать вторая
- Глава двадцать третья

- Глава двадцать четвёртая
- Глава двадцать пятая
- Библиография

Поппи З. Брайт
Кортни Лав: подлинная история

Кортни Лав известна и как движущая сила самой выдающейся девичьей рок-группы, «Hole», и как вдова Курта Кобэйна, легендарного ведущего вокалиста «Нирваны», который трагически покончил с собой на пике своей международной славы. Её резко критиковали в прессе как никуда не годную и безответственную мать, и осуждали фэны её покойного мужа за то, что она мало что сделала для предотвращения его смерти. Хотя о ней было написано много тысяч слов, в публикациях от «Vanity Fair» до бульварной прессы, Кортни Лав никогда не была предметом собственной отдельной биографии — до настоящего времени.

Поппи Зи Брайт родилась в 1967 году в Новом Орлеане. Она работала натурщицей, смотрительницей лабораторных мышей, стриптизёршей и, с 1991 года, писателем. Она написала четыре романа, и её работы также появлялись в многочисленных изданиях, включая «Rage», «Spin» и «Village Voice». Её новелла «Триады» написанная в сотрудничестве с Кристой Фост, появилась в антологии Дугласа Э. Уинтера «Тысячелетие». Поппи Зи Брайт живёт в Новом Орлеане со своим мужем, Кристофером, шеф-поваром и автором кулинарных книг.

Эбби, Эннабел, Борису, Чарли, Колму, Кристел, Гидеону, Марселю, Мари, Натану, Никки, Рексин, Средни Ваштару, Тодду и Томасу с любовью.

Этой книги не было бы сегодня в ваших руках без их помощи и любезности: это Бадди Д. Эрон, Карлин Бауэр, Робин Брэдбери, Неста Бринкли, Конни Брайт, Дженнифер Кодл, Брайан Селлер, Н. Кокс, Ричард Кёртис, Кристофер ДеБарр, Пол Эрли, Эмми из Техаса, Дэвид Фергюсон, Форрест Джэксон, Кёрли Джобсон, Кэйтлин Р. Кинан, Л. Мартин, Роберто Мартинес, Дэн Мэттьюс, Дин Мэттисен, Эми В. Мео, Дженн Мерино, Д. Мишел, Мэри Энн Нэйпл, Крэйг Нелсон, Кэролайн Оукли, Роберт Сэйдж, Люси Шэнкс, источники, пожелавшие остаться неназванными, Эверетт Трю, Лора Такер, Джэймс Т. Волкер, Элизабет Уонг и Урсула Уэйр.

Дыра проходит прямо сквозь меня

— Еврипид, «Медея»

Я — поклонница Кортни Лав, потому что я думаю, что она — женщина, которая переходит все границы, чтобы сказать то, что она хочет сказать, и делать то, что она хочет делать. Я думаю, что она прошла через ад и вернулась обратно, и она выжила!

— Холли из Солт-Лэйк-Сити Кевину Сессамсу, «Vanity Fair», июнь 1995 года

Предисловие

Я видела твоё отвращение
И оно очень тебе идёт

— Кортни Лав, «Teenage Whore»

Однажды вечером мне звонит Кортни Лав. Я не спрашиваю, откуда у неё мой номер, которого нет в телефонной книге; у таких людей, как она, есть Способы. Она в Новом Орлеане; ей понравился мой роман «Потерянные Души»; не хочу ли я чего-нибудь замутить? Я приглашаю её к себе. Она приезжает, опоздав на три с половиной часа, шлёпается на мой диван, вытянув ноги, выпивает половину «Дайет Коук» и наполняет мою гостиную электризующей энергией и скорострельным разговором.

Она в чёрном классическом платье, в чёрных чулках, в крутых туфлях на высоких каблуках с ремешком. Её глаза удивительные, зелёные, цвета морской волны, очень большие и очень ясные. Она непрерывно курит, но отказывается от нашего косяка («Я не могу курить траву»). Она проницательна, дружелюбна и чрезвычайно ясно выражается. Она царит в комнате.

Когда мы отправляемся в ресторан «Cajun» на Декэйтер-стрит с нашими разнообразными приятелями, Кортни на час забивает песни в музыкальном автомате. Несколько мрачный старый британский материал: «Siouxsie», «Echo and Bunnymen». Много из «R.E.M.»; она любит Майкла Стайпа. Мы пытаемся убедить её взять превосходного кролика и сосиски джамбалайя, но Кортни говорит, что не может есть крольчатину. Ей не нравятся морепродукты гамбо, которые она заказывает взамен.

К концу трапезы к нашему столу подходит ещё одна обедающая. Кортни несколько съёживается. Эта женщина не обращается к Кортни, но показывает на неё пальцем и говорит парню Кортни: «Она — вылитая Кортни Лав!».

«М-м-м, нет», — вежливо говорит он.

Женщина удаляется. Минуту спустя она возвращается и фактически хватает его за плечо. «Вы ответили это так быстро — словно вы всегда это говорите!».

Кортни говорит: «Вот что мне всё время достаётся, и это раздражает».

Теперь женщина оскорблена. Парень Кортни пытается её отвлечь, спрашивая, чем она зарабатывает на жизнь. Оказывается, что она — туристка из Нью-Джерси, в городе на каком-то съезде.

«Я — просто нормальный человек, из тех, кто платит зарплату рок-звёздам —»

«Я — СТРИПТИЗЁРША, Я НЕ ПОЛУЧАЮ ЗАРПЛАТУ. ПОЖАЛУЙСТА, УЙДИТЕ».

Вмешивается наша официантка, отправляет взбешённую фанатку подальше от столика, возвращается и спрашивает, не хотим ли мы, чтобы она отшлёпала эту суку. Мы отказываемся, но оставляем ей щедрые чаевые.

На выходе Кортни искоса смотрит на меня. «Добро пожаловать в мой кошмар!»

Для неё это верхушка большого и непрочного айсберга. Для меня это — откровение.

Пока мы ещё были в моей квартире, Кортни перетряхивала свою сумочку, что-то ища. Позже я нахожу под своим диваном два предмета косметики: тени «Poppy» «Mushroom» и помаду «MAC» «Diva». Это не случайно.

> Когда я получаю то, что хочу, потом я больше не захочу этого никогда
>
> *— Кортни Лав, «Violet»*

1997 год

Я заканчиваю эту книгу. Это была не её идея, но очевидно, что то, что мы с Кортни подружились, облегчило работу над ней. Однако это ничуть не облегчило её написание. На самом деле я нашла это несколько расстраивающим — иметь персонаж, который мог бы фактически позвонить мне, пока я о ней пишу.

В ходе моей работы Кортни пережила огромное количество изменений в своей общественной и личной жизни. Она всего на пару лет старше меня, и я знала, что мне всё ещё есть куда расти; я не ожидала, что она останется статичной. Но когда пишешь биографию живого, очень активного, чрезвычайно заметного персонажа, возможно, будет трудно понять, где остановиться.

Кортни Лав всегда окружена хаосом, триумфом, болью и обаянием. Что-то из этого выходило из-под её контроля; что-то она создавала сама, невольно или специально. Она была представлена как авантюристка, святая, персонаж комикса, героиня, мученица и образец для подражания.

В СМИ Кортни была препарирована, проанализирована и снова зашита. Её поведение, её сексуальная жизнь, её гардероб, её музыка, её поведение и, в последнее время, её чувство моды и стиля стали темами, вызывающими жгучий интерес во всём мире. Ей навешивали (а иногда она приклеивала себе сама) многочисленные и противоречивые ярлыки: восставшая девшшка,

рок-звезда, феминистка, антифеминистка, наркоманка, музыкальный новатор, отважная вдова, шлюха, сука, новый голливудский талант.

Цель этой книги не в том, чтобы осудить или защитить Кортни Лав — все, кажется, считают своим долгом делать или то, или другое — а в том, чтобы как можно точнее описать первые тридцать два года её интереснейшей жизни.

Глава первая

В Сан-Франциско была осень 1964 года, время ведьм. Кто-то в Хайте устроил вечеринку в честь джазовой легенды, Диззи Гиллеспи, и туда пригласили Хэнка Харрисона. Сам Хэнк полагал, что у него есть постоянное приглашение на любую вечеринку в Сан-Франциско, приглашал ли его кто-нибудь на самом деле или нет; его музыкальные связи были его пропуском куда угодно.

Хэнк бывал всюду. Его старый приятель по колледжу Фил Леш играл на басу в модной группе под названием «Warlocks», и Хэнк всегда хвастался, что Фил мог в любое время пристроить его в музыкальный бизнес. Он впоследствии утверждал, что руководил «Warlocks», которые в 1965 году сменили своё название на «Grateful Dead».

Крупный и круглолицый, с носом с горбинкой, неопрятными чёрными усами и волосами, начинающими редеть, Хэнк вовсе не был красавчиком. Но он был словоохотливым соблазнителем. Его дар разговорчивости и его музыкальные связи привлекали к нему множество девушек, и в тот вечер на вечеринке Диззи Гиллеспи они привлекли к нему Линду Ризи.

Линда была наивной богатой девушкой, впервые ставшей самостоятельной. Уроженка Сан-Франциско, она выросла в шикарном Ноб-Хилле и ходила в католическую школу. Теперь ей было девятнадцать лет, и она плыла по течению в этом городе, испытывая влияние расцветающих флюидов шестидесятых. Белокурая и стройная, аккуратная и язвительная, она не смешивалась с толпой Хайт-Эшбери. Именно поэтому она привлекла внимание Хэнка.

Приёмная дочь оптика (и наследница оптического состояния «Бош»), воспитанная в католической церкви, Линда приехала в Сан-Франциско после достижения совершеннолетия. Как очень многие другие молодые люди в этом городе, в том году, она искала что-то, что она не могла определить или объяснить. Она не нашла это в Хэнке Харрисоне, но некоторое время она думала, что нашла. В тот вечер они вместе ушли с вечеринки и шатались туда-сюда по крутым тротуарам в волшебном свете похожего на карнавал Хайта, пока не добрались до грязной квартиры Хэнка.

Линда уже была беременна, когда выходила замуж за Хэнка в Рино через несколько месяцев после их знакомства. Хэнк продолжал вешать ей на уши лапшу по поводу того, как эта комбинация их генов — его ума и её внешности — породит прекрасного ребёнка. У Линды не было возможности узнать, что половина генов Хэнка передалась от сильно пьющего отца, и,

будучи удочерённой, она ничего не знала о своих собственных генах. (Впоследствии Линда якобы обнаружила, что её биологический отец был психиатром из Нью-Йорка, а его отец был еврейским психоаналитиком из Вены, но поскольку она сама стала известным врачом-терапевтом ко времени этого «открытия», к этому надо было отнестись скептически).

Хэнк с тех пор утверждал, что Линда отказывалась пользоваться противозачаточными средствами из-за своих религиозных убеждений. Как бы то ни было, Линда не могла отказаться от этого ребёнка, даже если бы Хэнк этого от неё захотел. Её собственный приёмный отец был горьким пьяницей, и Линда считала себя изгоем, человеком, у которого вообще нет семьи. Этот ребёнок будет первым близким родственником, которого она когда-либо знала.

Линда Харрисон вскармливала свой плод крепким отваром страха и сахара: она постоянно жаждала конфет, печенья, всевозможных сладостей. Она набирала вес, её всё время рвало, она чувствовала, что беременность делает её ужасно уродливой. Хэнк, уже уставший от этих отношений, не сделал ничего, чтобы ослабить её страхи.

В 9:15 утра 9 июля 1965 года в Мемориальной Больнице Святого Фрэнсиса Линда родила дочь, в свидетельстве о рождении которой было написано «Лав Мишель Харрисон». Роды были долгими и мучительно болезненными. Линда пыталась представить себе, что должен чувствовать её ребёнок, вытолкнутый из гнезда матки, сжатый в течение нескольких часов в тесной трубе мышц. Она представляла себе, что ребёнок испуган и зол, и понемногу выпускала его из себя.

Хэнк не присутствовал при родах. Он спал до обеда, возможно, после концерта «Warlocks». Как знать? Но Линда и другие хиппи всё равно сделали из этого рождения важное событие: Кортни впоследствии утверждала, что они стушили плаценту Линды с луком и съели.

Линда, которой тогда было двадцать лет, безмерно обожала свою дочь. Она понятия не имела, как ухаживать за ребёнком, хотя она была уверена, что у неё есть хорошие «инстинкты» каждой мамы-хиппи. Этот голодный розовый рот, давящий на её тяжелые груди, эти свирепые глаза, смотрящие прямо на неё с беспокойным пониманием — это быстро стало самым важным в жизни Линды. Ни у одного ребёнка никогда не было более нуждающейся матери, и этот ребёнок, должно быть, ощущал бездну эмоциональной зависимости Линды.

Однако даже тогда чувства Линды к своей дочери были двойственными. Лав Мишель не всегда вела себя как нормальный

ребёнок. Она делала пугающие вещи: напрягалась и кричала, когда её обнимали; плакала до тех пор, пока едва не теряла сознание от недостатка кислорода. На фотографии, сделанной семьёй Харрисон на Рождество 1965 года, Линда напряжённо сидит с вымученной улыбкой на своём симпатичном лице, положив ногу на ногу, игнорируя руку Хэнка, обнимающего её за плечи; она явно выглядит отдалённой от ребёнка и кажется, не касается его. У ребёнка потерянный вид, и он тянет руки к Линде.

Харрисоны жили в большом викторианском доме, за который заплатили родители Линды. Поддерживая Хэнка, Линда часто готовила для всевозможных разношёрстных музыкантов, фанаток и уличных мальчишек. Малышка росла в мире фантазии, отчасти придуманном ей самой, отчасти нарисованном хиппи и художниками вокруг неё. Однако ни один из этих счастливых мечтателей-хиппи не подозревал, каким мрачным был внутренний мир самого ребёнка. Самые первые сны, которые она помнила, были кошмарами с призраками-скелетами, деформированными внутренними органами, отравленным молоком (последний — лейтмотив, который вновь появится в её стихах и более поздних песнях).

Тем временем люди вокруг требовали от неё, чтобы «она вела себя, как цветок», «танцевала, как весенняя пора». Её поощряли обогащать своё воображение и иногда со слегка чрезмерным рвением помогали его развивать. Когда ей было четыре года, говорила она, отец дал ей ЛСД. (Она об этом совсем не помнит, но впоследствии, во время развода Харрисонов, Линда и одна из подружек Хэнка свидетельствовали в суде по опеке над детьми, что это было так).

О воздействиях ЛСД на четырёхлетнего ребёнка трудно рассуждать. ЛСД больше всего известен тем, что вызывает галлюцинации, которые, возможно, были особенно пугающими для уже взбудораженного ребёнка. Но ЛСД также вызывает самоанализ и головокружительные полёты воображения. Насколько этот опыт казался отличающимся от её обычной крайне субъективной реальности? Было ли у неё улёт, и на что был похож этот улёт четырёхлетнего ребёнка? Наслаждалась ли она такими глубинами подсознания, которых взрослые даже никогда не надеются достичь? Она хотя бы заметила?

Она сказала, что в то время её отец был вовлечен в изготовление и продажу ЛСД, и что он, возможно, снабжал «Dead». Если так, его кислота, возможно, была чистой и без примесей. Хотя этот опыт может быть в психологическом отношении разрушительным, сам ЛСД не причиняет никакого физического вреда мозгу или телу. Возможно, она просто видела

цвета и красивые огни; возможно, это было даже временным спасением от неразберихи её повседневной жизни.

Хотя считалось, что во всём царили мир и любовь, её родители всё время ссорились, и отец пугал её. Она обрадовалась, когда Линда сказала ей, что Хэнк уедет навсегда.

Линда и Хэнк развелись в 1970 году, и оба судились за опеку над своей дочерью. В последовавшем судебном процессе были выдвинуты обвинения, что Хэнк давал ребёнку наркотики, и опеку предоставили Линде, которая немедленно изменила имя своей пятилетней дочери на Кортни в честь женщины, с которой она познакомилась во время своей беременности. «Лав» («Любовь»), очевидно, больше не применялась к продукту её союза с Хэнком.

Вскоре после развода Хэнк исчез с поклонницей «Dead», а Линда снова вышла замуж. Отец Лав был ужасен, но казалось, будто отчим Кортни мог быть хорошим человеком.

Фрэнк Родригес был школьным учителем из Портленда и организатором Дня Бумажного змея в этом городе. Он говорил с Кортни, как настоящий взрослый с настоящим ребёнком, а не нефильтрованным невнятным лепетом хиппи, который она привыкла слышать. Он также законно удочерил её и дал ей свою фамилию. Фрэнк был первой (и возможно, единственной) доброжелательной властной фигурой в её жизни. Впечатляло то, что она начала называть его папой, как только они с Линдой поженились, а Хэнк стал БиоПапой.

«Кортни была замечательным ребёнком, — говорил Фрэнк в интервью «Premier» несколько лет спустя. — У неё была сильная воля. Были вещи, которые она не хотела делать. Я хотел, чтобы она надела двухцветные кожаные туфли. Но она их ненавидела. Она хотела туфли с ремешком. Мы крутились вокруг таких вещей. Боже, она теперь наверняка их купила».

Семья Родригес переехала в Юджин, штат Орегон, где Линда начала посещать в университете занятия по психологии. Вскоре она решила, что психологическая работа — её истинное призвание, и вся семья подверглась терапии по её воле.

У Линды и Фрэнка было две общих дочери, Джэйми и Николь. Среди других детей, даже младенцев, Кортни снова чувствовала себя изгоем. Она становилась всё более и более капризной, даже жестокой. Она рисовала тревожащие рисунки, изображающие ужасные вещи, происходившие с её маленькими единокровными сёстрами. Линда, по-видимому, стала возмущаться, потому что улаживание проблем Кортни стало покушаться на время, проводимое со своими двумя более младшими дочерьми. У Линды и Фрэнка также были проблемы.

Они оба стали встречаться с другими людьми, и брак распался. Хотя Кортни продолжала общаться с Фрэнком, и её собственная дочь, в конце концов, будет называть его дедушкой, она, должно быть, чувствовала, что потеряла единственного отца, которого она когда-либо знала.

Вскоре его заменил Дэвид Минли, спортивный обозреватель и лидер экспедиции, с которым Линда познакомилась на рафтинге. Она привела его домой, вышла за него замуж и попросила удочерить её детей, дав Кортни её третью фамилию за восемь лет.

Дэвид не был таким же хорошим, как Фрэнк. У него был циничный юмор, которым Кортни восхищалась — это она замечала и в самой себе — но он мог быть порочным. Он постоянно курил траву, но это никак не сказывалось на его язвительной личности, а Кортни связывала запах дыма травы с БиоПапой.

В 1973 году семья Минли переехала из Юджина в ближайшую коммуну в Марколе, где они жили в том, что Кортни впоследствии описала как «вигвам». Это была большая хижина из грубо отесанных брёвен и уплотнённо-земляным полом, полная дыма, в которой жили ещё много других людей. Коммуна не одобряла гендерное «стереотипирование», и Кортни больше не разрешали носить девчачью одежду или играть в куклы, хотя у неё их никогда много и не было. Когда она жила в доме в Сан-Франциско, хиппи вокруг неё убеждали её выражать себя и быть творческой личностью.

Но условия коммуны были хуже первобытных. Кортни до сих пор рассказывает о том, что дети в её школе прозвали её «Описавшейся Девочкой», потому что никто никогда и не думал стирать её одежду. Фотография на обороте её второго альбома, «Live Through This», датирована этим периодом. На ней маленькая девочка, стоящая босиком на гравийной дороге, её кожа ужасно бледная, ее длинные волосы каштановые и волокнистые. Её рубашка в клетку слишком велика и расстёгнута больше, чем можно было бы счесть подходящим, скажем, для школьной фотографии. Трудно понять, что выражает её лицо.

В школе Кортни всегда была отстающей, несмотря на её очевидный уровень интеллекта. Большинство других детей сторонились её, а она — их. Один из её терапевтов поставил ей диагноз — лёгкий аутизм. Линде казалось, что Кортни большую часть времени испытывала боль: ненавидела, когда её трогали, кипела тихим гневом, удаляясь в мир, куда больше никто не мог попасть. Линда понимала, что с её старшей дочерью что-то не так, но никто не мог сказать ей, что именно.

Линда, теперь известный терапевт, недавно нарушила своё долгое молчание по поводу своей знаменитой дочери, сказав в интервью «Vanity Fair»: «Я думаю, что Кортни появилась с огромным чувством боли, — сказала она автору Кевину Сессамсу в 1995 году. — Она не слишком отличается от той, какой она была в два года… однако были времена, даже когда она была маленьким ребёнком, когда её очень глубоко что-то затрагивало. И когда это происходило, словно каждая часть её тела становилась немного мягче — включая её сердце».

«Когда она была во втором классе в Юджине, штат Орегон, у неё было много кошмаров. Я понятия не имела, что делать. Я отвела её к психиатру, только чтобы попытаться найти способ дать ей какое-то утешение. Психиатр сказал, что отчасти проблема с ней была в том, что ей нужно стать гёрлскаутом. Ей нужно было участвовать в обычных детских занятиях. Я послушно пошла с ней на собрание младшей группы гёрлскаутов…. Я могла бы сказать, что ей было очень трудно находиться в одной комнате со всеми этими детьми. Лидер младшей группы предложила им устроить художественную выставку. Она попросила всех детей что-нибудь нарисовать. То, что рисовала Кортни, всегда было потрясающим. Она не рисовала закаты и яблони. Она рисовала что-то вроде… раненых. Я всё ещё вижу её в тот день — её маленькое лицо, такое сосредоточенное, когда она рисовала. В конце этого учительница сказала группе, чтобы они посмотрели, какой рисунок нравится им больше всего, показывая их один за другим, и все аплодировали. Я знала, что для неё это будет ужасно. Когда пришла её очередь, она просто схватила его и подбежала ко мне, и мы ушли.

«Тогда, когда ребёнок выражает такую боль, какую выражала Кортни — много кошмаров, много плача, ненависть к школе и ненависть ко всему — лечение должно было в значительной степени попытаться сделать такого ребёнка тем, что они называли «стандартным» вместо того, чтобы говорить: «Что это за существо, и как мы сможем её такую заставить быть хорошей?». Вся эта система взглядов была для неё очень страшной».

Старая подруга Кортни Робин Брэдбери предлагает другую точку зрения. «Я не знаю, сколько в этом правды, но она мне говорила, что они думали, что она плохо влияет на своих сестёр, поэтому её заставляют спать в сарае, и

её пытались отправить в психушку, над ней ставили опыты и узнали, что у неё гениальный показатель интеллекта, но они [Линда и Дэвид] пытались говорить, что она сумасшедшая, и ограждали её от сестёр…. Ради Бога, она была маленьким ребёнком. Я просто не думаю, что у них было на неё время».

Кортни рассказывает о прослушивании для школьной постановки «Белоснежка» примерно в это же время, она была уверена, что предназначена для того, чтобы сыграть главную роль. «Я всегда учила роль Белоснежки и выучила, — вспоминает она. — А мне дали, даже без прослушивания, роль Злой Ведьмы». Было ясно, что школьные впечатления никогда не станут для неё счастливыми.

Когда Кортни была восемь лет, Линда и Дэвид Минли приняли неожиданное решение переехать в Новую Зеландию и основать овечью ферму на деньги Линды от «Бош». Это будет новая, лишённая шума жизнь, думала Линда. Она и Кортни стали истерично ссориться по пустякам, эти ссоры иногда заставляли Линду чувствовать себя моложе и слабее собственной дочери. В соответствии со своей новой, лишённой шума жизнью, она договорилась с подругой-терапевтом, что Кортни останется жить с ней в Штатах.

Кортни спасалась от этого отказа от неё, мечтая о славе, о времени, когда люди будут плакать и впадать в экстаз от одного её присутствия. Однажды она вылепила себя из глины и рассматривала с чем-то похожим на трепет: она имела абсолютный контроль над этой вещью, над этим своим изображением. Но этот контроль был только фантазией; в реальной жизни она не влияла на то, где она жила, с кем она жила, или даже как к ней относились. Она могла слепить и разбить эту глиняную куклу точно так же, как взрослые в её жизни могли сделать это с ней.

Школа стала активным источником ужаса. Кортни мечтала о том, чтобы крошечные люди сидели в тюрьмах и их морили голодом, о создании фермы для женщин, где она будет бить их и делать их красивыми. Она стащила таблетки дорал из сумочки подруги-терапевта и придумывала маленькие колдовские ритуалы в своей комнате. У этой подруги был сын, который дразнил Кортни уродливой и жирной, потом пытался делать другие вещи, когда никто не видел — хватал её, трогая её грязными руками. Однажды Кортни прокралась в его спальню, проколола свой палец булавкой и приложила кровь к его подушке. Вскоре после этого подруга отправила Кортни к её семье в Нельсон, в Новую Зеландию, в северной части южного острова.

Даже там Кортни была слишком большой проблемой. Хотя Джэйми и Николь жили с ними на ферме, Линда и Дэвид отправили Кортни жить к другой подруге. Однако Ширли вовсе не была похожа на подругу-терапевта с противным сыном. Она была самопровозглашённой старой девой с замечательной

коллекцией книг и садом, и она вела себя так, будто не возражает, что рядом Кортни, возможно, даже немного её любила. Школа в Новой Зеландии была не такой плохой, как в Штатах. Впервые, как может вспомнить Кортни, она позволила себе поверить, что её короткая, печальная жизнь улучшается.

Но Линда зашла в гости, и всё снова превратилось в ад. Ширли, как утверждала Линда, умоляла её забрать Кортни. Кортни доводила Ширли до «сумасшествия», и она «не могла с этим справиться». Кортни понятия не имела, что она могла сделать, чтобы настолько разозлить Ширли.

Было ли утверждение Линды правдой? Ширли была человеком, который ценил своё уединение; вполне возможно, что она нашла внезапную ответственность за заботу о маленьком ребёнке чрезмерной. С другой стороны, Линда, возможно, испытывала ревность к отношениям своей дочери и Ширли, которые для Кортни явно были более важными, чем её отношения с Линдой.

Независимо от причины Кортни пришлось уехать жить на овечью ферму с Линдой и Дэвидом. К тому времени они усыновили эмоционально неустойчивого мальчика. Кортни не разрешали играть со своими родными братьями и сёстрами, и она была вынуждена спать одна в крошечной хижине за главным домом. Кортни проводила большую часть времени, сидя на пастбище, мечтая о том, что станет ведьмой, делая маленькие разрезы на своей коже острыми лезвиями травы, пока кровь не стала сочиться по её ладоням.

У Линды и Дэвида был сын. Кортни считала ребёнка уродливым и думала, что у него невзрачный вид. Когда её единокровный брат заболел и умер в больнице до того, как его забрали домой, Кортни боялась, что её каким-то образом обвинят в его смерти. Однако она не могла не желать смерти всем младенцам Линды — всем, кроме неё. Тогда Линде пришлось бы её полюбить.

«Я всё время ощущала, будто я не здесь, — сказала Кортни автору Эми Рафаэл в 1994 году. — Я чувствовала это с тех пор, как мне было шесть или семь лет. Я помню первый раз, когда я это обнаружила. Я была на утёсе в Новой Зеландии. Но я никогда ничего с этим не делаю, потому что это моя обязанность — ничего с этим не делать. Если я не избавлюсь от этого в этой жизни, я не избавлюсь от этого никогда».

Ей надо было пройти долгий, долгий путь.

Глава вторая

На Рождество 1975 года Дэвид Минли подарил своей десятилетней падчерице её первое спиртное. Линда купила Кортни дешёвые, глупые подарки: пастельные мелки и масляные краски, в то время как её единокровные сёстры получили вечерние платья и туфли с ремешком-перемычкой. Линда всегда слегка перегибала палку, убеждая Кортни быть творческой личностью, но для Кортни эти подарки были полным отрицанием её собственной женственности. Алкоголь выявил всё её чувство обиды на свою семью. Кортни понимала, что на самом деле они не были её семьёй; никто не был. Она помнит, как истерично кричала на них и видела, что все они пятятся. В тот момент она чувствовала себя больше чем когда-либо похожей на чудовище.

Ночью Кортни заползла в кровать к Линде и съёжилась возле неё. Но когда она проснулась, всё ещё пьяная, и снова начала кричать, её мать выкинула её из кровати, и Кортни, шатаясь, ушла. Она проснулась на следующее утро, покрытая грязью и рвотой, в загоне овечьей фермы. Когда она открыла глаза, она почувствовала себя старше на несколько лет, чем когда она в последний раз их закрыла. Она знала тогда, что никогда не будет нужна своей матери.

Её отправили обратно в Штаты — жить с Фрэнком Родригесом и его новой женой в Портленде. Как обычно, дети в школе её ненавидели. Большинство из них курили траву, а Кортни чувствовала себя жутко всякий раз, когда её курила — даже этот запах напоминал ей о самом раннем детстве, БиоПапе, отдалении Линды. Кортни видела в холодильнике шоколадное печенье с коноплёй, но когда она выпила немного хереса, Фрэнк потребовал, чтобы Линда её забрала. Линда отказалась, вместо этого отправив её в Нельсонский колледж для девочек, англиканский пансион в Новой Зеландии.

Кортни нравилось ходить в школу Австралийского Союза. Девочка, в жизни которой было так мало структуры, наслаждалась дисциплиной — вставать в шесть утра и застилать свою постель по-военному. Впервые она познакомилась с другими девочками, которые не боялись или не отталкивали её. Когда нескольких учениц исключили из-за того, что они пили «буравчик» с водкой, Кортни благоговела перед ними.

Её выгнали из этой школы — «за странность», сказала она. Директор школы, Элисон МакАлпайн, недавно говорила с прессой о своей знаменитой ученице. «Сказать по правде, мы не знали о её жизни, пока она не прославилась. Она в последнее время нас

смущала». По-видимому, девочки из Нельсонского Колледжа не предназначены для того, чтобы становиться горластыми знаменитостями.

Кортни отправили обратно в Юджин, где она жила у одного из бывших приятелей Линды Майкла, терапевта. Вскоре после того, как она поступила в американскую школу, она продвинулась вперёд на три класса. Очевидно, дисциплина Австралийского Союза хорошо на неё повлияла.

Линда, теперь расставшаяся с Дэвидом Минли, вскоре тоже вернулась в Орегон. Но Кортни жила у Майкла. Она рассказала «Melody Maker» в 1991 году:

Я вернулась из Новой Зеландии, и мне пришлось ходить в такую жёсткую школу. Я тогда ничего не знала о парнях, но я знала, что их положено желать, и они лучше, чем лошади, «Sweet» или «Bay City Rollers».

Я была в той школе неделю, и я была популярна, потому что у меня был такой акцент, и я увлекалась одной вещью Боуи. Там был такой парень, его звали Гэри Грэфф, и он был очень любезен со мной, милый, крутой и забавный, и он ходил за мной, и всё такое. Поэтому мы ушли в то место, где все курили, и он поцеловал меня и поставил мне на шее засос.

А потом такие две безумно популярные девочки спросили меня, откуда у меня засос, а я была очень горда и сказала: «О, это тот парень, Гэри Грэфф», и они стали смеяться и прямо лопались от смеха. Дело было в том, что Гэри Грэфф был самым большим идиотом в школе, и все над ним потешались. Я не хотела, чтобы это случилось со мной, поэтому я его игнорировала. Я сделала это с ним.

К тому времени Кортни свыклась с тем, что плохая компания — её единственная надежда. У Майкла всегда были запасы марихуаны, поэтому она крала её и делилась с детьми-курильщиками травы, которые тусовались в молле Юджина. Её побили, но она предполагала, что тусовка с плохой компанией обязательно сопряжена с риском.

Когда сотрудник службы безопасности магазина поймал Кортни, укравшую в «Вулворте» футболку «Kiss», найти Линду не удалось. Кортни поместили в «загон для скота», окружную исправительную школу. Пока она там находилась, её показали в местных новостях. Персонал не разрешил ей пойти в комнату с телевизором, чтобы их посмотреть, и Кортни в ярости разорвала простыню. Когда её дело дошло до суда, обвинения за кражу в магазине были сняты, но она была признана виновной в

«преступно причинённом вреде» за уничтожение государственной собственности (простыни) и отправлена в Скипуорт, арестный дом для несовершеннолетних правонарушителей со строгой изоляцией.

После прохождения комплекса тестов показателя интеллекта психиатры решили, что Скипуорт — не место для Кортни. Её наказание было заменено двумя годами пробации, которую она вскоре нарушила, сбежав из дома. На этот раз её отправили в Хиллкрест, учреждение для детей с преступными наклонностями от одиннадцати до восемнадцати лет в Сэйлеме, штат Орегон.

Её единственной подругой в Хиллкрест была Джинива*, девочка, с которой она быстро познакомилась в Скипуорт. Джинива была хронической беглянкой, созданием, столь же изолированным и сильным, как сама Кортни. Её отец принуждал её к сексуальным отношениям, и у неё была привычка предлагать себя всем, кто оказывал ей малейшие знаки внимания; в то же время она была жестокой, с опасной красотой и злым языком. Две девочки обычно ночью прокрадывались друг к другу в комнату и выли на луну, пока не приходил кто-то из дежурных и не отводил их в «Тихую Комнату».

Кортни не только сохранила свои записи из арестного дома, она годами использовала их в качестве почтовой бумаги. Сообщение, датированное 17 ноября 1978 года, гласит: «У Кортни проблема «язык как помело» — он всё время работает — она словесно нападает и оскорбляет бывших членов коттеджа — вызывая непрерывные перебои на занятии. Кроме того, в её непристойных выражениях нет необходимости, и они, в основном, происходят от плохого отношения, а не от фактического раздражения. Я не могу ни потворствовать, ни терпеть такое поведение — я принимаю меры, чтобы гарантировать, что больше этого не случится».

В мае 1979 года Кортни взяла на воспитание в Портленд некая Сэлли Джонс. Никакой записи о том, почему мисс Джонс не смогла оставить у себя тринадцатилетнюю девочку, нет, но к сентябрю она вернулась обратно в Хиллкрест, где одно сообщение гласит, что её вытащили из своей комнаты и отправили в Тихую Комнату за какое-то неназванное нарушение. Позже в том же месяце было сделано более интересное сообщение.

Кортни разрешили навестить своего отца Хэнка Харрисона в субботу в 4 часа вечера. Она вернулась из адм. здания около 6 часов вечера.

Около 6:30… ученики почувствовали специфический запах,

который, как они выражались, был марихуаной. Всех учеников отправили в свои комнаты. Поскольку в комнате Кристы* запах был самым сильным, её комнату обыскали. В шкафу был найден пластиковый пакет с горсткой марихуаны. Криста сказала, что они с Кортни немного покурили в её комнате. (Ни один ученик не казался дезориентированным, поэтому медсестру не вызывали). На 1-м допросе Кортни отрицала, что курила марихуану, хотя она призналась в этом позже. Она сказала, что она сама принесла её из адм. здания, поскольку ей дал это её отец.

Снова в Тихую Комнату, благодаря любезности БиоПапы.

Ещё одно сообщение из Тихой Комнаты, сделанное всего три дня спустя, показывает другую сторону Кортни. «Когда я вышла на дежурство, Кортни рассказывала Джэйни**сказки. Когда история закончилась, они сказали «спокойной ночи» и заснули. Никаких проблем в моей смене».

Ещё одно сообщение, датированное 29 октября 1979 года, взрослая Кортни украсила очертаниями серебряной ложки, голой женщиной и заголовком «МАДОННА — «МНЕ НЕ НУЖНА ПОМОЩЬ» — НО ОНА ХОЧЕТ ПОДПИСАТЬ КОНТРАКТ С «HOLE» И СВОЕЙ НОВОЙ СТУДИЕЙ. Оно радостно гласило: «У Кортни и Сьюзен*** были проблемы при обращении с усилителем, и они почти подрались. Я отправила их в свои комнаты, чтобы они успокоились. Кортни швырнула банку с крем-саше в своё окно, разбив её на маленькие кусочки, которые вылетели в холл».

Более зловещая история вошла в дело 11 ноября. «Кортни стала кричать и ругаться по поводу жучков в её комнате в 11:00 вечера. Отказывалась быть благоразумной. Она вела себя всё громче и настойчивее. Вызвали координатора, и Кортни сопроводили в Тихую Комнату …».

30 января 1980 года Кортни снова разбирали по поводу помещения в приёмную семью, и её дело проходило детальную проверку Студенческим Наблюдательным Комитетом Хиллкрест. Это сообщение воспроизведено полностью.

ОСНОВАНИЕ ДЛЯ СЛУШАНИЯ:

Кортни рассматривается СНК по поводу размещения. В последний раз Кортни рассматривалась Комитетом 5 декабря 1979 года в ходе регулярной проверки.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА:

Кортни поступила в качестве ученицы на полный день в школу Роберта С. Фэррелла. Сейчас она учится в десятом классе, и по утрам у неё основные занятия у миссис Ньютон. Её дневные

занятия включают американскую историю, драму и обучение в Медиа-Центре.

Адаптация Кортни к академической программе в школе Роберта С. Фэррелла превосходная. Она сохраняла замечательные оценки на всём протяжении своего пребывания в Хиллкрест. С тех пор как Кортни прибыла в Кэппа-Коттедж в сентябре 1979 года, она имела последовательно хорошую успеваемость в академическом отношении. В предыдущей школьной четверти, которая закончилась в ноябре, Кортни удостоилась чести попасть в почётный список учащихся.

В отношении поведения у Кортни были существенные проблемы в школьной программе. Она — очень смышлёная юная леди, которая имеет склонность перенапрягаться, поскольку имеет дело с людьми в школьной программе. Она очень откровенна и, кстати, имеет или порождает проблемы с программой из-за своего шумного поведения. В последние месяцы её неоднократно отправляли обратно в коттедж из-за проблем поведения в школьной программе.

Способность Кортни к учёбе рассматривается как намного превосходящая типичную ученицу Хиллкрест.

КОТТЕДЖ-ПРОГРАММА

Со времени своего приезда Кортни участвовала в программе УГВ [Управляемое Групповое Взаимодействие] в Кэппа-Коттедже. Проходила сессия приблизительно в шесть недель, во время которой Кортни удалили из группы из-за её отрицательного, пагубного поведения. Это, кажется, оказало на Кортни определенный эффект, когда она вернулась к групповой программе, она справлялась с этими вспомогательными сессиями гораздо более положительным образом. Главные проблемные области Кортни, кажется, в её низкой самооценке. Кортни не чувствует, что она так сильна, как кажется. Она старается произвести очень хорошее впечатление. Если внешне Кортни кажется очень сильной и способной, внутренне Кортни кажется очень напуганной юной леди, которая никогда не встречалась с особым успехом во всём, что бы она ни пробовала.

Кортни достигла некоторого прогресса в области улучшения своей самооценки; однако её злость и пагубное поведение по отношению к другим по-прежнему демонстрируется в коттедже. Кажется, что иногда Кортни тратит больше энергии, пытаясь найти способы бороться с этой системой вместо того, чтобы пытаться работать в её рамках, чтобы достичь своих собственных целей. Эта манера поведения была последовательна и в группах УГВ, и на поведении в коттедже. Сейчас Кортни выражает очень

серьёзное чувство страха относительно расположения в сообществе.

МЕДИЦИНСКИЕ И ПСИХИАТРИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ

Сейчас у Кортни хорошее физическое здоровье. Её направили к доктору Дэли, консультирующему психиатру, и она осматривается у него.

РЕСУРСЫ СООБЩЕСТВА

Планирование размещения Кортни было довольно трудным. Её биологический отец, Хэнк Харрисон, даёт о себе знать Кортни, начиная с её возвращения в Кэппа-Коттедж. Она на самом деле провела День Благодарения с мистером Харрисоном в районе Сан-Франциско. Она вернулась после этого визита и заявила, что определённо не хочет жить с мистером Харрисоном. И мать Кортни, и Кортни указали, что она не должна жить дома со своей матерью. Её отчим, мистер Родригес, указал, что он не желает брать Кортни домой на размещение. Поскольку через два месяца Кортни должна выпускаться, это накладывает на неё настоящее бремя по поиску места для неё. Кортни принял приют Хайнс в Корваллисе, и она желает сделать усилие, чтобы попробовать разместиться там. Это, кажется, самое подходящее место, поскольку приют Хайнс мог бы продолжать присматривать за Кортни даже притом, что она выпустилась из ювенильной системы.

ОЦЕНКА И РЕКОМЕНДАЦИЯ

Кортни не достигла большого прогресса с тех пор, как её поместили в Кэппа-Коттедж. Это — третья попытка Кортни закончить программу здесь в Хиллкрест. Она, кажется, лучше разбирается в УГВ, чем большинство членов её группы, и имеет склонность не получать особой помощи, потому что она функционирует за пределами их уровня. Кортни находилась в Хиллкрест уже почти два года и кажется, что с возвращением Кортни в сообщество и, когда быстро приближается выпуск, возможно, неброская жизненная ситуация типа приюта Хайнс могла бы обеспечить Кортни наилучший ресурс.

Кортни, кажется, достигла некоторого прогресса в своих проблемных областях низкой самооценки, злобы и проблемы с властью. По существу, Кортни достаточно смышлёной, чтобы точно знать, что ей нужно сделать, чтобы быть успешной в сообществе. Это — вопрос того, желает ли Кортни вкладываться в своё собственное время. Одно из серьёзных соображений — то, что Кортни была в Хиллкрест почти два года и чувствует себя

здесь довольно уютно. Поскольку её выпуск быстро приближается, идея была в том, чтобы освободить её досрочно, чтобы она смогла достаточно адаптироваться перед своим выпуском.

Это рекомендация команде Кэппа-Коттеджа, в который Кортни будет помещена на воспитание в Приют Хайнс, вступающая в силу 1 февраля 1980 года.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Кортни предстала перед Студенческим Наблюдательным Комитетом по рассмотрению размещения. Кортни сказала Комитету, что она чувствует, что её снова выгоняют из Хиллкрест. Она чувствует, что достигла некоторого прогресса в своих проблемных областях, и помещается в Приют Хайнс.

Кортни чувствует, что это — её последняя отчаянная попытка выбраться из этой системы. Кортни близка к выпуску, и это — единственное подходящее размещение, которое кажется соответствующим. Кортни будет участвовать в программе обучения в Приюте Хайнс.

РАСПОРЯЖЕНИЕ

СНК распоряжается, чтобы Кортни поместили на воспитание в Приют Хайнс, 740 SW 57, Корваллис, штат Орегон, вступает в силу 1 февраля 1980 года.

Некоторые выдержки из этого сообщения («Кортни не чувствует, что она так сильна, как кажется. Она старается произвести очень хорошее впечатление… По существу, Кортни достаточно смышлёна, чтобы точно знать, что ей нужно сделать, чтобы быть успешной в сообществе»), точно отражают личность Кортни сегодня. Некоторые («Кортни кажется очень напуганной юной леди, которая никогда не встречалась с особым успехом во всём, что бы она ни пробовала») показывают, сколько работы ещё ей предстоит.

Кортни была помещена в Приют Хайнс 1 февраля и сбежала спустя четыре дня. Она не давала о себе знать до двадцатого февраля, когда она позвонила в Хиллкрест и спросила, не могут ли её отправить в место под названием Приют «Зеркало». Были пущены в ход необходимые связи, но ей сообщили, что это размещение было «крайне временным», поскольку «Зеркало» не хотело её принимать.

29 февраля Приют «Зеркало» потребовал её исключения. Местная Служба Защиты Детей отрицала, что Кортни пользовалась их семейным домом-приютом. Столкнувшись с

этими фактами, Кортни согласилась вернуться в Хайнс, а не отменять своё условно-досрочное освобождение.

Неясно, как долго она осталась на этот раз, но её точно забрали в апреле. Сообщение от надзирателя за её условно-досрочным освобождением, датированное 9 апреля 1980 года, утверждает, что «Кортни общалась с тем надзирателем из Калифорнии. Она живёт с молодой женщиной … которая хочет дать ей приёмную семью … миссис Линда Минли согласна принять освобождение Кортни под честное слово с разрешением жить в другом месте». Дело Кортни было закрыто в Хиллкрест 24 мая 1980 года.

Кортни жила с Алекс*, кузиной подруги Кортни Джули**, ещё одной девочки из Хиллкрест. Джули, маниакальная, неразборчивая в связях четырнадцатилетняя девочка, сбежала домой к Алекс в северную Калифорнию. Кортни присоединилась к ним из-за отсутствия какого-то лучшего места, куда можно было поехать, курила много травы и сидела на задних сиденьях «Камаро», слушая «Journey». Пара подростков, которая также жила в этом доме, проводила большую часть своего времени, крича друг на друга.

Приятель Алекс был «ангелом ада», напоминавшим Эпстайна из «Welcome Back, Kotter» по ТВ. Его интеллект и саркастическое остроумие привлекали Кортни, и они вдвоём проводили часы за разговором, но она не испытывала к нему никакого сексуального интереса. У него было волосатое лицо, боже упаси, и во многих отношениях она всё ещё считала себя ребёнком. Но Алекс так не думала. Вскоре Алекс позвонила её матери, крича о «нимфетках», и Кортни чувствовала себя всё более и более нежеланной ещё в одном доме.

Потом ей позвонила её старая подруга из Хиллкрест Джинива, та, с которой они проводили ночи, воя на луну. Джинива каким-то образом её разыскала. «Ты мне нужна», — сказала Женева и стала плакать. Для Кортни это было странное чувство — слышать, что она кому-то нужна. Это также было отличным предлогом, чтобы избавиться от психодрамы Алекс.

Кортни нарушила своё обязательство и убежала в дом отца Джинивы в Спрингфилде, штат Орегон. Дом был лачугой, а отец Джинивы — извращенцем, которого Джинива видела мастурбирующим у её окна.

Они убежали к дедушке Джинивы в Норд-Бенд. Дедушка жил в трейлерном парке, полном героинщиков, и все они пытались трахнуть девочек. Вскоре они украли бутылку виски «Блэк Велвет» и поехали автостопом в Юджин, где Кортни как-то сумел найти Хэнк Харрисон. Он предложил самолётом отвезти обеих

девочек к нему в округ Мэрин, и они согласились. После той компании, которая у них была, даже с Хэнком было в некоторой степени комфортно.

В первую ночь в округе Мэрин Джинива и Кортни экспериментировали друг с другом так невинно, как это могут делать две юных девочки на вечеринке для подростков, когда гости остаются ночевать у хозяев. Кортни испытала свой первый оргазм, и последний, который у неё будет в течение долгого времени. В ту ночь она почувствовала себя ближе к Джиниве, чем она когда-либо чувствовала к кому-то раньше. Но на следующий день она не могла смотреть в лицо Джиниве. Их дружба безвозвратно изменилась.

Обиженная смущением Кортни, Джинива стала проводить время — с кем бы вы думали — с Хэнком. Она вскоре уехала, но перед этим Хэнк потратил на неё много денег. Это была очередная вещь, за которую Кортни никогда не могла его простить.

Глава третья

У Хэнка были таблетки, трава, грибы, кислота, кокаин. Кортни принимала всё это, испытывая боль потери Джинивы. Не просто её потери, а её потери из-за Хэнка — что могло быть более гротескным?

В дополнение к наркотикам Кортни стала непрерывно курить, привычка, которая остаётся с ней и по сей день. Ей было пятнадцать лет, и впервые музыка, которая не была создана поколением её родителей, начала прокладывать путь в её сознание. В исправительной школе она слушала протопанк и панк-группы вроде «Runaways», «Stooges», «Sex Pistols», «Clash», «Pretenders». «Рок-звёзды» всегда казались ей такими устаревшими, как варёнки и держатель для косяка. Но это был новый вид рок-звёзд, или анти-рок-звёзд. Эти музыканты были компанией кричащих мутантов, которые явно врубали свою музыку не ради мира во всём мире. Кортни начала подозревать, что для неё могло бы найтись место в вычищенном до блеска мире рока.

Её волосы были длинными и перистыми, что получилось из первого из многих окрашиваний в лёгкий светло-золотистый цвет. Она была всё ещё плоскогрудой и носила маленькие майки на лямках и топы, которые подчеркивали её выпуклые соски. Хотя её можно было принять за группи, её отношение было чисто панковским.

Как и ожидалось, Кортни и Хэнк вскоре довели друг друга до белого каления. Снова и снова на всём протяжении подросткового возраста своей дочери Хэнк избавлял её от чувства вины, потом вдруг начинал на неё ворчать, ругая её, говоря, что она «удолбанная» и «негативная». Кортни, которая унаследовала его дерзость, отвечала ему тем же. Кортни строила планы по возвращению в Портленд, где жили Линда и её нынешний муж. Она не намеревалась с ними жить, но знала, что она могла вломиться туда, если всё станет жутко. Выгнал её Хэнк или она сбежала, неизвестно, но когда Кортни поехала автостопом обратно в Портленд, он не стал её искать.

Кортни в то время всюду ездила автостопом, и продолжала это делать в течение нескольких лет. Она знала, что Тэд Банди ловит жертвы в области Портленда; она знала об Убийце с Грин-Ривер, который перебрал массу подростков-проституток на севере Сиэтла, и об Ай-Си Киллере, который бродил туда-сюда по шоссе на Орегонском побережье. Но ей было всё равно. И её никогда не насиловали.

Несмотря на своё презрение к старым «рок-звёздам», которые появлялись в городе, Кортни ходила на концерт «Cheap Trick» в Портлендский «Coliseum». Группа девушек её возраста расхаживали вокруг на шпильках и в жакетах из кроличьего меха, их ламинированные проходки за кулисы заметно болтались между их выпирающих грудей. Кортни спросила, как они получили эти проходки, а девушки посмеялись над ней. Тогда одна из них сказала ей: «Тебе надо пройти через цепь тур-менеджеров. Для этого мы сосём у тур-менеджеров».

Кортни не могла поверить, как это было глупо. Если ты будешь сосать у первого попавшегося парня, зачем вообще утруждать себя проходом за кулисы? Почему просто не взять сутенёра? И Кортни — плоскогрудая Кортни в своих мешковатых джинсах и бургундском кашемировом свитере — подошла к тур-менеджеру и просто уговорила его дать две ламинашки.

Этого было недостаточно. Она смотрела концерт бесплатно, у неё были напитки за кулисами, она флиртовала с «Cheap Tricks». Но когда Кортни вернулась в дом своего отчима, она села в одно из старинных кресел Линды и заплакала.

Она видела эту группу из-за кулис, с их перспективы, и это заставило её понять, что она хочет не музыкантов. Она хочет то, что они чувствовали, глядя в зал: дикое месиво, безумные лица, зажигалки, пот. Она хотела их силу. Она хотела играть музыку — и зал.

Это желание не удерживало её от того, чтобы прокладывать себе путь на рок-концерты похуже; напротив, она хотела изучить всё, что можно, наблюдая за этими немногими привилегированными. Вскоре другие группиз соперничали за её дружбу и делились ламинашками. В сексуальном отношении она не заходила с музыкантами так далеко, как это делали другие; она потеряла свою девственность благодаря влагалищному зеркалу в Хиллкрест, но она будет сохранять невинность ещё год.

Кортни слишком завидовала этим музыкантам, чтобы хотеть изображать для них Лолиту. Скорее, она продолжала обманным путём проходить за кулисы, надеясь, что часть той неограниченной силы передастся, что она поймёт, как заставить зал кричать и просить ещё.

Когда в городе не было групп, она тусовалась со стриптизёршами, панками, геями и трансвеститами. Многие из неприглядных стрип-клубов Портленда желали нанять несовершеннолетних девушек-панков, и Кортни заработала немного денег танцами, хотя она утверждает, что была «слишком жирной и странной», чтобы зарабатывать хорошие деньги. Более вероятная проблема состояла в том, что она настаивала на

сохранении своей артистической неприкосновенности, танцуя под живую любимую музыку, большинство из которой клиенты ненавидели.

Даже в этом случае, раздеваясь за деньги — даже смятые долларовые купюры, предлагаемые неопрятными фаворитами забегаловок Портленда — давали ей вкус власти над залом, которой она жаждала. Возможно, что даже более важно, это иногда заставляло её чувствовать себя хорошенькой — опыт, которого у неё почти не было — опыт, который был ей почти незнаком раньше.

Приютом Кортни был «Metropolitan», дискотека для всех возрастов, где к ней по-матерински относились трансвеститы и учили её быть обаятельной. Эти высокопарные, сексапильные, пёстрые тепличные растения стали новыми образцами для подражания: лучшими, чем плохие девочки в исправительной школе, и даже лучшими, чем длинноволосые гитарные боги, которым она теперь поклонялась.

Она также познакомилась с язвительным тусовщиком Дином Мэттисеном, который до конца 1996 года вёл её хозяйство в Сиэтле. Театральная труппа Дина, «Негодяи»*, часто выступала в «Met». Однажды Кортни выразила желание принять участие в представлении, не зная, что будет происходить. Дин связал её, завязал ей глаза и бил мороженой рыбой, напевая «The Man Who Got Away».

В это время Кортни назначили нового социального работника, которая на самом деле потрудилась прочитать её толстое дело. Видя, что в наличии есть немного семейных денег, эта женщина порекомендовала, чтобы её подопечной предоставили юридическую и финансовую свободу от своих родителей. Суд установил трастовый фонд, который выделял Кортни около пятисот долларов каждый месяц. С этими деньгами и её доходом стриптизёрши она могла снять квартиру на северо-западе Портленда.

Лучшими подругами Кортни были Урсула Уэйр и Робин Барбер, две красивые девушки, которые были главными фигурами на портлендской панк-сцене примерно в 1981 году. Урсула работала в «Met» и называла себя Королевой Гомиков. Робин прекрасно пела. Они втроём решили создать группу, «Sugar Babylon», репетиционные сессии которой главным образом состояли из питья кофе в «Danny's» и разговоре об особняках, одежде и частных самолётах, которые у них будут, когда они достигнут вершины чартов.

Они красили свои волосы в иссиня-чёрный цвет и высоко их взбивали, пользовались размазанной, чёрной, как смоль,

подводкой для глаз и кроваво-красной помадой, драпировались в прозрачные пышные наряды из магазина поношенной одежды и носили чересчур много браслетов. «Больше было похоже на то, что мы, возможно, будем группой, — вспоминает Урсула, которая теперь поёт в портлендской группе «Candy 500». — Мы собирались и пили много вина».

Робин Брэдбери (урождённая Барбер) вспоминает, как сопровождала Кортни в гости к Хэнку в Сан-Франциско. «Он взял нас на концерт старой группы, аккомпанировавшей Джэнис Джоплин, — вспоминает она, — а потом он дал нам такой пластиковый пакет, полный таблеток ЛСД. «Вот вам, может, вы, девочки, сможете отвезти это домой и продать это вашим друзьям». Вот это да, спасибо, мистер Харрисон».

Примерно в это же время, вспоминает Робин, Фрэнк Родригес подарил своей падчерице зубную щётку. «Я не думаю, что она получала обычные вещи, которые дети получают от своих родителей. Я имею в виду, чтобы так разволноваться из-за грёбаной зубной щетки. Потому что Фрэнк на самом деле заботился о здоровье её зубов и купил ей эту зубную щётку, которая значила больше, чем, — Робин пожимает плечами — таблетки ЛСД».

Урсула Уэйр добавляет: «Каждый раз, когда Кортни получала деньги, она покупала своей матери духи «Joy», все эти дорогие подарки, и она возвращалась вся расстроенная, потому что никто не оценивал их по достоинству».

Потом появился некто Роджер и предложил Кортни шанс, который выпадает раз в жизни. Он приглашал детей на кофе в клубах, на улице. Он был своего рода агентом, говорил он, человеком, который мог помочь ей путешествовать по миру и заработать много денег. Делом Роджера было посылать несовершеннолетних девочек в Японию, чтобы работать в стрип-клубах. Его японские связи — мощная преступная организация, известная как Якудза — оплачивали проезд девушки и обеспечивали её жильём, как только она туда добиралась.

Кортни уже умела раздеваться за деньги, и она с радостью согласилась на эту возможность выехать из страны, не привлекая никого из своих родителей. Поскольку у неё уже был паспорт, всё для неё произошло быстро, и вскоре она летела на самолёте в Японию.

У богато одетого японца, встретившего её в аэропорту, не было мизинца (у Якудзы есть традиция отрезать суставы пальцев, чтобы умиротворить начальников, которых они рассердили). Он конфисковал её паспорт и в маленькой блестящей машине привёз её в стрип-клуб возле Токио, где она должна была работать.

Кортни раньше никогда не видела систему, подобную этой. Все танцовщицы спали на хлопчатобумажных матрацах в одной большой гримёрке, где постоянно горели сетки от комаров. За ними минимально присматривали мама-сан и папа-сан, которые подавали им каждый день две порции риса и рыбы. Бразильская девушка, от которой Кортни унаследовала свой хлопчатобумажный матрац, оставила кучу лобковых вшей, и Кортни их ловила. Сперва вся обстановка её не беспокоила; там было, как на Марсе. Она думала о себе как о нейтральном наблюдателе, детективе, который видит слишком много. Но не было ничего, с чем бы она не могла справиться за 2 500 $ в неделю.

Она работала в клубе в дневную смену и ездила на сверхскоростном пассажирском экспрессе в Токио, чтобы напиваться каждый вечер. В барах было полно японских бизнесменов, которые делали ей слюнявые, непонятные предложения. Когда пошёл второй месяц пребывания Кортни в Японии, клуб предложил ей повышение. Ей понадобилось несколько дней, чтобы понять, что они хотят, чтобы она оказывала сексуальные услуги за дополнительные деньги. «Я не понимала того факта, что то, что я была плоскогрудой и девственницей, делало меня более ценной для Якудзы», — признавалась она спустя несколько лет.

Кортни была не готова продавать себя какому-нибудь головорезу из Якудзы или служащему-садисту. Поскольку её паспорт был конфискован, она явилась в американское посольство, которое начало процедуру депортации. Тем временем, её поместили в камеру с ещё четырьмя женщинами, филиппинкой и тремя кореянками, которые постоянно трогали её бледную кожу и волосы; говоря по-японски: иностранка, иностранка. Их пальцы были нежными, но после четырёх дней это постоянное дёргание и влюблённые взгляды казались медленной пыткой.

Кортни всё время ожидала, что появятся мужчины в костюмах-тройках и без пальцев и уведут её. Она отвлекалась, задаваясь вопросом, отдадут ли её, в конце концов, в торговлю белыми рабынями, или просто порубят её на куски и выбросят где-нибудь в мусорный контейнер. Но в итоге её посадили в самолёт обратно до Портленда. Этот эпизод стоил месяцев похвальбы в «Met».

Вскоре после возвращения в Портленд Кортни избавилась от последних остатков своей стадии рок-группи. Настало время действовать. Она купила значок «сид ЖИВ», побрилась наголо и купила гитару. Она устала от того, что другие люди решали, как

она должна выглядеть, как она должна себя вести. Она жила независимо и училась играть на своей гитаре. На этой сцене она знала все входы и выходы. Судя по всему, успех в Портленде был ей обеспечен.

И, как ни странно, она снова решила уехать из страны.

Глава четвёртая

На этот раз она улетела в Ирландию, куда она получила приглашение погостить от Хэнка. Хэнк утверждал, что он преподаёт курс в Тринити-Колледже в Дублине (введение в «Grateful Dead»?). Это, конечно, оказалось, ложью. Он даже жил не в нормальном доме в Дублине, а в насквозь продуваемом старом особняке в захолустье графства Мит.

Кортни не хотела видеть БиоПапу, но, имея немного денег из трастового фонда в своём кармане, она была неспособна сопротивляться возможности уехать из страны и исследовать кельтские корни, которые, как она всегда подозревала, у неё были. Однако вскоре она пожалела, что приехала.

Накануне её отъезда Хэнк взял её в паломничество по нескольким менгирам в сельской местности. «Я спала под ирландской луной, — говорила она впоследствии, — между Кноутом и Доутом, с дикими молодыми лебедями, кричащими в реке Слэйни поблизости, звёздами на камнях и всем таким прочим».

Потом она поехала в Дублин и немедленно приступила к внедрению на музыкальную сцену. Она быстро обнаружила, что английским музыкантам нравится тусоваться в Дублине, потому что у дублинцев считается неприличным делать вид, что они признают кого-то известного. Кортни говорит, что она прослушала полтора семестра занятий в Тринити и стала фотографом ведущей дублинской музыкальной газеты, «Hot Press».

«Hot Press» официально отрицала, что Кортни когда-либо на них работала, но источник, близкий к газете, говорит, что их записи о работе за этот период времени загадочно неполные. Легко себе представить, что модная ирландская газета наняла эту дерзкую молодую американку, которая утверждала, что была гитаристкой; с другой стороны, не слишком трудно представить Кортни, кружащую по городу с камерой, прокладывая себе путь на концерты, говоря, что она работает на «Hot Press».

Работала она в этом журнале или нет, она так или иначе сумела связаться с Джулианом Коупом из «Teardrop Explodes». В её глазах Коуп быстро стал её дверью в кричаще безвкусное волшебство рока, которого она жаждала.

«Teardrop Explodes» был преуспевающим мрачно-поповым ансамблем. Глубокий вокал Джулиана дрожал от тревоги. Он был тощим, длинноволосым и золотоглазым. Кортни была восхищена. Она добилась внимания певца через тур-менеджера. Джулиан,

казалось, сразу же был ею очарован. «Ты знаешь Лидию Ланч? — спросил он её.

«Нет, а что?».

«Потому что ты — её грёбаный двойник».

«Я — нет».

Джулиан пригласил её принять с ним кислоту. Кортни отказалась. Он спросил, почему. Она сказала: «Потому что я буду ревновать, потому что ты — знаменитая рок-звезда, а я — нет».

Джулиан смеялся и смеялся. Потом, невероятно, он презентовал ей ключи от своего дома в Ливерпуле. «Я хочу, чтобы ты жила со мной», — сказал он ей.

«Ты шутишь», — сказала Кортни. Но она спрятала ключи в свою сумку прежде, чем он мог передумать.

Вскоре после этого Кортни уехала из Дублина в Лондон. Там она сняла квартиру, занималась на своей гитаре, писала много текстов, накупила много одежды и послала Робин Барбер деньги на билет на самолёт, сказав управляющим своего трастового фонда, что эти деньги — на «обучение». Робин вскоре приехала, и обе провели несколько восхитительных недель в Лондоне до того, как пощекотать нервы, нагрянув в Ливерпуль и посмотрев, настоящим ли было предложение Джулиана пожить у него.

На английской музыкальной сцене приблизительно в 1982 году доминировали поздний панк, ранняя готика и расцветающее движение Новой Романтики. С акцентом на синтезаторах, причудливым макияжем и вычурным стилем среди группы Новой Романтики были «Soft Cell», «Duran Duran», «Human League» и «Culture Club», а также «Teardrop Explodes» со своими приятелями, «Echo and the Bunnymen» (Джулиан Коуп играл с лидером «Echo» Йэном МакКаллоком в ливерпульской панк-группе «Crucial Three», потом выгнал МакКаллока из ранней версии «Teardrop Explodes».)

Они ходили по магазинам одежды, когда у них были деньги. В остальных случаях они прокладывали себе путь в клубы, воровала в магазинах косметику и сигареты, и бродили по улицам Лондона в своих наушниках от плейера, воображая, что они снимаются на видео. Робин впоследствии говорила о Кортни в Лондоне: «Она крала твою хрень, она ожидала, что ты украдёшь её хрень. У неё не было никакого понятия о деньгах. Мы потратили все деньги в первый месяц и купили платье, камеру и бутылку «Гранд Марнье», а потом мы голодали». Во время одного из периодов голодания они, наконец, продали мешочек Хэнка с ЛСД за десять фунтов, чтобы купить еду, потом поехали автостопом в Ливерпуль.

Когда они нашли дом Джулиана, самого Джулиана там не было, а его соседи по дому, естественно, с подозрением

относились к этим шумным американским красавицам, которые появились со множеством чемоданов и ключом от их дома. «Джулиан сказал, что мы можем остаться здесь», — утверждала Кортни.

«Жаль, что Джулиан мне не сказал», — сказал Пит де Фрейтас, ударник «Echo and the Bunnymen». Но, после долгих поисков Джулиана по телефону и подтверждения истории Кортни, ложь позволила девушкам остаться. Они были ужасно молоды, и им явно некуда больше было пойти, и Джулиан сказал ему, что Кортни «чертовски гениальна».

Жизнь в Ливерпуле была туманом из пинт пива, кислоты и сульфатных таблеток, нарядов и выходов, их наблюдений и наблюдений за ними. «Teardrop Explodes» были на пике своей славы, и члены группы говорили что-то вроде: «Вы, девушки, не знаете, в каком вы находитесь положении. Каждая девушка в городе хотела бы быть здесь».

Хотя их всегда принимали за туристок, они врали и говорили, что мать Робин родом из Ливерпуля. Их загадочным образом ненавидел Пит Бёрнс, впоследствии из «Dead or Alive», который работал в самом модном музыкальном магазине в городе и имел привычку стоять в его дверях в узорчатой телогрейке, отделанной мехом, оскорбляя людей. Он окрестил Кортни и Робин «Эти Отвратительные Американки», а они называли его по-разному: «сэр Задира», «Трусишка», и «Гадкий Щипатель За Задницу».

Однажды девушки пришли на свадебное торжество к подруге, принеся в качестве подарков комнатные растения. Там был Пит, и он начал громко утверждать, что «Этих Отвратительных Американок» на это приём никто не приглашал. Кортни так разозлилась, что бросила свой цветок, который стоил ей много денег, и ударила его кулаком.

В своих записных книжках она составляла длинные, детальные списки — её навязчивая пожизненная привычка. В списке того, что она любила в Ливерпуле, были сериал «Звёздный Путь», А. А. Милн, орегонские пляжи, цветущие вишни, Хэллоуин, Бодлер и «Танец Леденцовых Фей». В списке того, что она ненавидит, были Пит Бёрнс, Джим Моррисон, куаалюд со светлым пивом, Десмонд Моррис, Джоном Донн, Гардифф, кровяная колбаса и метод написания текстов Уильяма С. Берроуза.

Кортни по-прежнему слушала панк, гот и прочую злободневную английскую музыку, но она также постепенно стала уважать американских певцов-авторов песен, таких, как Том Уэйтс, Боб Дилан, Лу Рид и Пэтти Смит, а также канадца

Леонарда Коэна. Она любила шум и позицию панка, но она также обожала привлекательность симпатичной поп-песни. Её любимым роллингом был Кит, но её любимым битлом был Пол.

Они с Робин попытались возродить «Sugar Babylon». Кортни наняла басистку, Крисси, и ударника, Пола Эдварда. Робин вспоминает: «Дэйв Бэйлф [клавишник «Teardrop Explodes»], одолжил нам шестнадцатитрековик и, конечно, мы понятия не имели, что с ним делать, поэтому он стоял там, и мы нервничали по поводу того, чтобы что-нибудь на него не пролить. Мы не знали, что делали. Мы никогда не доигрывали до конца».

Даже если бы им это удалось, их усилия потерялись бы в захватывающем водовороте жизни с «Teardrop Explodes». Группа была на пике популярности. Когда Джулиан входил в какой-нибудь клуб, его окружала толпа, и Кортни любила находиться в центре всего этого. Но слава Джулиана только заставляла Кортни ещё больше желать свою собственную. Когда её ежемесячной платы из трастового фонда не хватило, чтобы покрыть расходы, Кортни написала Линде, утверждая, что она планирует поступить в институт в Ливерпуле, и ей нужны ещё деньги. Письмо заканчивалось так: «Группа, в которой я играю, скоро заключит контракт на запись, поэтому, возможно, я буду настолько богата, что тебе не придётся даже беспокоиться — с любовью, Кортни».

Джулиан Коуп имел огромное личное влияние на Кортни. Он был одним из первых людей, которые заставили её почувствовать себя сообразительной, и он убеждал её утверждать своё скрытое самолюбие. «Джулиан велел нам проживать свою жизнь, будто за тобой следит кинокамера, — говорила Робин Брэдбери. — Я помню, что она начала вести себя очень самоуверенно, ходить с поднятой головой, быстро. Она очень уважала Джулиана».

Один привлекательный фанат «Teardrop», который жил через улицу, Майкл Муни, был стройным блондином, Рыбами по гороскопу, который, как утверждает Кортни, привил ей пожизненную склонность к этому знаку. Они оба были влюблены в Джулиана, но они согласились на связь друг с другом, пока на заднем фоне играла «Isolation» «Joy Division». «После того, как мы сделали это, — впоследствии рассказывала Кортни «Melody Maker», — я пошла через дорогу за сигаретами, и у меня по ногам бежала вся эта кровь и жидкость». Майкл Муни отрицал, что эта связь когда-либо имело место.

Пит де Фрейтас, наконец, выселил приживалок из дома, оставив им записку. Кортни намечала пути, чтобы избежать своей ситуации. Она могла вернуться в Японию, чтобы танцевать стриптиз. Уход с ливерпульской сцены показал бы всем, как им её не хватает. Она сэкономила достаточно денег, чтобы купить

музыкальную аппаратуру, которая была ей нужна. И она тосковала бы по дому, и когда она вернулась бы, всё уже не казалось бы таким банальным и безнадёжным. Наступило лето, и она пыталась убедить себя, что скучает по Токио: сверхскоростные пассажирские экспрессы, макаронные магазины, переход от жарких, влажных и душных улиц в оснащённые кондиционерами коммерческие дворцы.

Пока Кортни планировала свой побег, Робин вышла и нашла дешёвую жилую комнату, которая убедила Кортни остаться в Ливерпуле чуть подольше. «Владелец сдавал её «Beatles», — вспоминает Робин, — поэтому мы были впечатлены и, конечно, это была дыра».

Спустя несколько недель после переезда Кортни написала:

Я не вдаюсь в описание Квартиры, потому что это было бы мучительно. Пластмассовые стулья с картинками, вид на мусор, сломанный холодильник/лампы/дверной звонок, тюремная дверь, разбитое окно и ковёр низшего класса с фальшивой обивкой с узорами из густой грязи земляного цвета, изящно гармонирующий с матрацем без простыни (на котором я провела жуткое время), текстурированные желтовато-коричнево-бежево-зелёные, коричнево-серебристые и белые стариковские обои. Неприятно раскрашенная кухня (будто входишь в лёгкое курильщика). И неизменный жар «Формайки». Роскошный.

Это ливерпульское приключение продлилось всего ненамного дольше.

У Кортни была необузданно романтичная мечта о Берни Олбрехте, гитаристе «New Order», несмотря на тот факт, что она никогда с ним не встречалась или даже не видела на фото. Она написала ему письмо об этой мечте, пригласив его на празднование своего семнадцатилетия, и закончила строчкой: «Я высокомерна и ужасна, но если ты скажешь мне, кто ты, я растаю». Как и многие послания Кортни, оно так и не было отправлено.

Она включила его в свой список желаний вместе с серым платьем «Хайди», черными шнурованными шлёпанцами, каким-то дешёвым любовным романом, временем на репетиции, альбомом для фотографий, новым дневником и (заранее иронически) «морской бушлат, фланелевую рубашку, синюю рабочую рубашку и штаны с заплатами».

21 июля, сразу после дня рождения Кортни, её виза истекла. Она удивилась, поняв, что ей всё равно. Её «дом» был более угнетающим, чем любое исправительное учреждение, в котором

она когда-либо жила. Они с Робин устали друг от друга после того, как шесть месяцев прожили в абсолютной близости (во время недавней ссоры Кортни бросила в Робин ручку и почти попала ей в глаз, что испугало их обеих). Её группа в своём нынешнем воплощении была посмешищем. Она заказала билет на самолёт обратно в Портленд, оставив Робин добираться домой самостоятельно.

Мать Робин заложила своё обручальное кольцо, чтобы заплатить за билет на самолёт. Робин фактически приехала домой раньше Кортни, невредимая, но истощённая. Она завалилась в свою кровать и спала почти сутки, потом проснулась, оделась в свою новую английскую одежду и пошла в центр города, чтобы повидать Урсулу. Когда Робин вернулась домой, мать встретила её в дверях и сказала: «Я не хочу тебя расстраивать, но здесь Кортни. Ей больше некуда было ехать из аэропорта».

Робин обнаружила Кортни в своей постели. Повсюду были недоеденные бублики, журналы и сигаретные окурки. Кто-то другой, возможно, раскаялся бы, но Кортни только смахнула клок высветленных волос со своих глаз, посмотрела на Робин и проворчала: «Не смотри на меня так, Барбер. Я надеру тебе задницу».

Глава пятая

По сравнению с Англией Тихоокеанский Северо-Запад казался унылым и скучным. Одной из немногих радостей Кортни было хвастаться одеждой и пластинками, которые она приобрела за границей, предметами, которые были недоступны в Штатах в следующем году и даже дольше. Она слонялась по Портленду в старом тренче Джулиана и утешалась немногими крайне редкими крутыми вещами, которые она могла найти в Америке: магазины подержанной одежды, пластинки Игги Попа, незрелый журнал «Sub Pop», издаваемый Брюсом Пэвиттом из Олимпии, штат Вашингтон.

Вскоре после возвращения в Штаты Кортни начала искать Джиниву. Она думала о своей старой подруге с тех пор, как увиделась с Хэнком: представляла, куда могла сбежать Джинива, какие необузданные мечты поддерживают её теперь. Наконец она добыла какой-то адрес.

Но её надежды разбились, когда она обнаружила, что Джинива вышла замуж за беззубого наркомана, принимающего ЛСД, она беременна, получает бесплатное питание от Армии спасения, её большие красивые глаза полны невменяемости и расстройства. Кортни умоляла Джиниву убежать с ней, обещая поддерживать Джиниву и ребёнка деньгами из своего трастового фонда, обещала, что они вместе создадут группу, едва ли не обещая жениться на ней. Но Джинива не поехала и, наконец, Кортни уехала одна.

(Спустя годы Кортни наняла частного детектива в попытке ещё раз определить местонахождение Джинивы. Его усилия были безуспешными.)

Дин Мэттисен, теперь управлявший «Met», был рад нанять Кортни в качестве своего ди-джея. Она только что провела шесть месяцев в Англии, у неё остался ливерпульский акцент и энциклопедические знания новой музыки. Она знала причуды портлендской сцены. И она была молодчиной: даже не держала на него зла за порку мороженой рыбой.

Хотя Кортни вскоре переселилась к Дину и нескольким другим «Негодяям», она недолго жила в доме «Napalm Beach». «Napalm Beach» была популярной местной группой, чей общий дом, в традиции домов групп с незапамятных времён, был сооружением, похожим на полую раковину, украшенным голыми матрацами, граффити, листовками с концертов и хламом. Лидер этой группы, Крис Ньюмэн, был гитарным богом весом в 450 фунтов. Кортни по-прежнему не очень хорошо играла на гитаре,

но она отчаянно хотела научиться. Когда работник, обслуживающий её трастовый фонд, вручил ей рождественскую премию, она купила усилитель. Она изучила каждое движение Криса, на сцене и на репетициях. Чего она в то время не понимала, так это то, что «Napalm Beach» во что бы то ни стало пытались звучать точно так же, как «Stooges».

Ньюмэн казался странным источником влияния. Но у Кортни могло быть и хуже, и вскоре она это доказала. Будучи отвергнутой своими родителями, Кортни на самом деле никому не позволяла достучаться до своей души, очень обижать её. Она нежно любила Джиниву и Джулиана, но она не позволяла им затронуть истинные струны своей души. Теперь она собиралась предложить их тому, кто с удовольствием их разорвёт.

Розз Резабек-Райт был глэм-рок-фантазией или кошмаром, в зависимости от вашей точки зрения: впалые глаза, как у птицы, испачканные макияжем, оставшемся с ночи, тонкие конечности, затянутые в спандекс, длинная шея, обмотанная цепями, розовато-оранжевая стрижка и начёс в стиле, возможно, наводящем на воспоминания о Зигги Страдасте или Сиде Вишесе, но безвозвратно больше склоняющемся к Роду Стюарту. Он пел в «Theatre of Sheep», слегка неоромантическом синт-поп-ансамбле, эмблемой которого был бокал шампанского с пузырями, проливающимися через край. В этой группе на клавишах играла невеста Розза, Лесли.

На друзей Кортни Розз впечатления не производил. «Я думаю, что его отношения с ней базировались на том факте, что у неё был рецепт на валиум и немного денег», — говорит Робин. Но он был воплощением мечтаний Кортни, созданием, полностью сотканном из блестящего гобелена рок-н-ролла. Ей было семнадцать; он был почти на десять лет старше. Она читала всё, что попадало ей в руки; у него было тридцать семь книг, все — разные издания «Долины Кукол», оды Жаклин Сьюзанн разбитым мечтам и наркотикам, которые их прогоняли. У Розза, по словам Робин, был серьёзный таблеточный фетиш: «Он всегда был в сильном подпитии, он всегда был на чём-то. Может, он сочинил столько дерьма о Кортни, потому что не может вспомнить, что было на самом деле».

(Розз, конечно, в последние годы сделал несколько удивительных заявлений о Кортни: например, он говорит, что тексты, которые он написал, впоследствии появились на альбомах «Hole», хотя он утверждает, что не слышал ни одного альбома «Hole». В 1995 году он пытался заключить контракт на выпуск книги, основанной на нескольких старых дневниках, которые Кортни оставила у него в квартире.)

Розз настаивал, чтобы их роман был тайным (странное условие, если он был таким платоническим, как он утверждал). Он не хотел, чтобы узнала Лесли, и он не делал никакого секрета из того факта, что его смущало, что его видели с Кортни. С этой неуверенной семнадцатилетней девушкой, считающей себя толстой и, если не уродливой, то, конечно, не хорошенькой. Розз сосредоточил внимание на этих чувствах и играл на них с компетентностью хищника. Если Кортни выказывала какую-то искру гордости, он всегда мог напомнить ей, что Лесли анорексична и великолепна, как модель.

Когда они в первый раз занимались сексом, Розз привязал шляпу Кортни к рамке её кровати, положил ей в рот две таблетки барбитурата, облил её шампанским «Свадебные Колокола». Утром он попросил её приготовить ему овсянку. Она занялась этим с особой тщательностью, положив в неё смородину, мускатный орех, корицу и цельное молоко. Розз бросил один взгляд на тарелку и швырнул её в кухню, где она медленно стекала по стене. «Ты глупая сука! Разве ты не знаешь, что певцы не едят молочных продуктов?».

Будто нуждаясь в дополнительной дозе тревоги, она впервые посмотрела Трамвай Желание». «Я подумала: это буду я? Я испугалась». Внешне может показаться неестественным, чтобы семнадцатилетняя девушка увидела себя в царственной тридцатилетней вдове. Однако стоит вспомнить несколько вещей о Бланш Дюбуа, созданной Теннесси Уильямсом и исполненной Вивьен Ли. Она — совершенно обесцвеченная блондинка. Она хранит свои аксессуары в шкатулке в форме сердца. Её изводят за то, что она шлюха. Её молодой муж и единственная настоящая любовь, поэт, выстрелил себе в голову. В 1994 и 1995 годах Кортни Лав-Кобэйн часто останавливалась в гостиницах под именем Бланш Дюбуа.

Они с Робин снова пытались возродить «Sugar Babylon», но у них обнаружились серьёзные музыкальные различия (Робин переживала стадию «Duran Duran»). Кортни делала урочную работу, писав Сообщение О Портлендской Сцене для «Maximumrocknroll», и через этот канал начала переписываться с девушкой из Лос-Анджелеса, Дженнифер Финч. Финч впоследствии возглавила продуктивную группу «L7», но тогда она была неистовой фанаткой «Red Hot Chili Peppers», которую можно было видеть исступлённо танцующей везде, где играла эта татуированная трэш-панк-группа. Она пригласила Кортни погостить у неё в Лос-Анджелесе и создать группу.

В Международном аэропорту Лос-Анджелеса Кортни встретила хамоватая брюнетка, которая выглядела как та, с кем

она хотела играть в группе. Вместо этого всё, что они делали — это ходили на рок-концерты, неистово танцевали, потом пытались попасть за кулисы. В то время среди лос-анджелесских групп была шутка, что ты знаешь, что добьёшься успеха, когда Кортни Лав и Дженнифер Финч стоят в первом ряду и снимают свои рубашки.

Вернувшись в Орегон, Кортни недолго посещала Портлендский Университет, надеясь специализироваться на философии. Хэнк послал ей метедрин, чтобы помочь ей пережить межсеместровые экзамены, а одна девушка из панк-группы, которая жила вместе с ней, предложила уколоться. Впервые Кортни колола наркотики и, как она рассказывает об этом, «я думала, что видела Бога. А потом та ломка была самым худшим переживанием в моей жизни. Потом она приняла ещё таблеток, а я поехала автостопом в Сан-Франциско с водителем грузовика по имени Каролина Дрэгасс».

Слишком много для межсеместровых экзаменов. Но Кортни бросила водителя грузовика и встретила в Сан-Франциско нового парня, который не был помолвлен и не думал, что она уродлива. Джеф Мэнн был приятным человеком, который (по крайней мере, сначала) укреплял уверенность Кортни настолько, насколько Розз её уничтожал.

«Это установило образец для отношений всей моей жизни, — говорила она впоследствии, — хороший приятель против злого приятеля-рок-звезды».

Она всё ещё считала, что любит Розза, и даже посылала демо-кассету «Theatre of Sheep» нескольким своим английским знакомым, ни один из которых не обратил на это никакого внимания. Однако она не всегда сдавалась Роззу. Однажды они вместе полетели в Сан-Франциско, куда Розз послал Кортни на приёмы к врачам — как можно больше. Она исписала свой дневник записями о дозировках барбитурата и проектами убедительных речей, которые она могла бы произносить докторам медицины. Она также оставила Розза одного в гостиничном номере, пока она ходила повидать Джеффа.

Розз развлекался тем, что написал в её записной книжке письмо, полное жалости к самому себе:

Портье говорит, что уже было 2 часа ночи. Я чувствую себя мерзавцем. В 181, должно быть, чарующий вечер, но во всей своей элегантности я вышел на поклон Туинала Нили O`Хара. Я полагаю, что Клуб 181 прекратил свою работу. Я надеюсь, что ты прекрасно проводишь время с Джеффом. Если ты хочешь возобновить, и/или продолжить своего рода интерлюдию мимолётного романа, не чувствуй себя обязанной защищать меня

— врать или оправдываться…. В своей нынешней ситуации я могу предложить тебе немного обещаний или обязательств и (независимо от приступов ревности) ничего от тебя не требую…. Делай, как тебе нравится, без сожалений, и не чувствуй себя обязанной врать мне или защищать меня сентиментальными устными вывертами. Моя любовь — без этой уродливой мишуры. Я просто люблю тебя — Розз.

Но по возвращении в Портленд, в День святого Валентина 1983 года, Розз оставил её одну. Кортни надела чёрное дамское бельё и футболку «Theatre of Sheep» и порезала свои запястья своим любимым обоюдоострым бритвенным лезвием «Уилкинсон» из нержавеющей стали. Её доставили в больницу на скорой и ненадолго подключили к капельнице, но никакого серьёзного вреда нанесено не было. Она выздоравливала в доме отчима Фрэнка, в том месте, куда она всегда приходила за успокоением, пила бренди, писала тексты и длинные письма.

Когда она вернулась в тот дом, который она делила ещё с двумя девушками, её швы на запястьях были всё ещё свежими, но её соседки по комнате вообще были не в состоянии это заметить. Одну скрутило в комнате для мусора в псевдокататоническом ступоре. Другая, художница, была в ванной, соскабливая запёкшуюся кровь Кортни с плиток, чтобы посыпать какую-то скульптуру.

Розз скрывался с Лесли и несколько дней не пытался связаться с Кортни. Когда он, наконец, это сделал, он повёл её в кино, напоил, накачался её валиумом и онанировал. Пока всё это происходило, Лесли как-то узнала, где они, и позвонила, угрожая покончить с собой, потом умоляла Кортни оставить её мужчину в покое.

У неё были огромные телефонные счета за разговоры с Джеффом, она знала, что могла бы иметь с ним разумные, прочные отношения, но была неспособна полностью порвать с тёмным блеском Розза. Они продолжали пытаться начать открытые отношения, но за те ночи, которые Розз проводил с Лесли, пока Джефф был далеко в Сан-Франциско, Кортни пришлось признаться себе, что секс более важен, чем она хотела бы.

Настолько важен, между прочим, что она не играла музыку, хотя всё время ходила по клубам и слушала всё. Её любимой музыкой того периода (из очередного списка) были «Flipper», «Echo and the Bunnymen», «Runaways», Билли Холидэй, «Soft Cell», «Dead Kennedys», Лу Рид, Кэйт Буш, Джони Митчелл, Фрэнк Синатра и «Bay City Rollers»; меньше всего она любила «Birthday

Party», саундтрек из «Долины Кукол» и «New Order». Она постоянно писала тесты и стихи, но её гитара пылилась.

Она сохранила свою давнюю привычку к терапии, выпрашивая множества рецептов, большинство из которых тратил Розз. Когда она спрашивала у своих различных врачей фактический диагноз её состояния, один сказал ей: «Твои истерики превращаются в спектакли, и у тебя болезненное чувство голода, потребность есть». Ещё один сказал, что она — «скопление ослабленных клеток, пытающихся сформировать обычный личностный кризис подростка-королевы».

Розз мучил её странной логикой, что, проводя время наедине с Лесли, он мог бы расторгнуть их помолвку. «Почему бы тебе ненадолго не свалить из города? — убеждал он Кортни. — Поезжай куда-нибудь и потанцуй стриптиз. Ты можешь посылать деньги мне, и я буду класть их на твой банковский счёт».

Трудно себе представить, что даже восемнадцатилетняя девушка клюнет на эту удочку, но Кортни начала строить планы по поводу поездки в Тайвань.

Глава шестая

Тайвань был жарким, многолюдным, шатким и чрезвычайно экзотическим. Кортни отоваривалась на уличных рынках, питалась свежими фруктами и суши и танцевала по ночам под именем Кристел. На ней были матовые тени для век, перья и фальшивые бриллианты, кукольные наряды в пастельных тонах. И азиатским мужчинам было всё равно, что она слегка пухлая.

У неё был собственный гостиничный номер со всеми удобствами бюджета Азии — ржавая раковина, сетка для комаров, даже телевизор с антенной. Пронзительное воркование и вопли азиатского телевидения сразу же вызвали воспоминания о её японской поездке два года назад.

Она написала Майклу Муни и прикинула стоимость его полёта из Ливерпуля в Тайвань к ней в гости, но он так и не приехал. Время от времени она скучала по Джеффу и/или Роззу и была одержима тем, чтобы создать группу. Она даже подумывала о том, чтобы Розз полетел в Токио, и она бы встретилась с ним в отпуске, но эти слабые фантазии бледнели по сравнению с её яркими мечтами о том, чтобы возглавить рок-группу.

Вместо этого Кортни сбежала в Гонконг. Это было самое странное место, в котором она когда-либо была, улицы клаустрофобно узкие и набитые шатающимися разваливающимися зданиями, бельё, колеблющееся, как флаги проповедника над головой, воздух был полон странных, пряных запахов. Все стриптизёрши принимали героин, и эти способы казались бесконечно застрявшими в семидесятых. Это немного походило на встречу с компанией азиатских Марш Брэйди на наркоте. В крошечном гостиничном номере Кортни без окон была круглая кровать с простынями в горошек и бобовый пуф.

Она устроилась на работу в одно место, где танцевали за гроши, и девушки были обязаны сдавать свои паспорта руководству. Когда она вошла в подсобное помещение на своей премьере, она обнаружила стаю молодых азиатских женщин, играющих в карты и балдевших. Один из них указала ей на старый бензиновый бак, полный вечерних платьев. Все платья были слишком коротки для Кортни, но она, в конце концов, остановилась на белом сатиновом атласном платье на бретельках со звездой из фальшивого бриллианта на левой груди.

В тот вечер Кортни танцевала с пузатым филиппинским промышленным магнатом торговых перевозок с сальными волосами, который начал громко говорить о том, что хочет принять кокаин. Другая танцовщица предложила пойти и достать

немного. Она ушла, а магнат продолжал давать чаевые Кортни буквально каждые пятнадцать минут, только чтобы она оставалась за его столом. «Если я застряну с ним до четырёх утра, — думала она, — я смогу заработать половину цены на билет на самолёт, чтобы улететь домой».

Танцовщица вернулась и бросила на стол упаковку белого порошка. Магнат тут же начал выкладывать линии. Кортни никогда не принимала кокаин и подумала, что немного понюхает. Оказалось, что это чистый китайский белый героин.

Она знала толк в героине в Сан-Франциско, но думала, что он для идиотов. Теперь она оказалась в блаженном оцепенении, и ей было всё равно, что магнат вынес её из клуба и перевёз её в свой гостиничный номер, где она вырубилась.

Когда она проснулась спустя несколько часов, магнат отвёз её за покупками и купил ей шубу, потом попросил её вернуться с ним на Филиппины. Очень тщательно играя в свои карты, Кортни согласилась. В восторге он дал ей 10 000 $ наличными и велел ей пойти и купить себе одежду для поездки.

И вот Лав Кортни Мишель Харрисон Родригес Минли оказалась в Международном аэропорту Чанг Кай-Шек в одном только белом сатиновом платье на бретельках, в шубе и с десятью штуками баксов. Она смогла пройти на самолёт, утверждая, что у неё украли паспорт. Когда она устроилась на своём месте в первом классе со стаканом вина, что-то заставило её вспомнить, как она в первый раз она встретилась с Джулианом.

Знаешь, — подумала она с некоторым удовлетворением, — держу пари, что Лидия Ланч никогда не делала ничего подобно.

Вернувшись в Портленд, она снова связалась со старой компанией. Розз исчез из вида, но отказался говорить, почему. Кортни удалилась к Фрэнку, который отвёз её на фестиваль хиппи, где ей гадали на картах Таро. Глаза гадалки расширились в тревоге. «Убирайся к чёртовой матери оттуда, где бы ты ни была, — сказала она Кортни. — Убирайся и ходи в школу. Не забеременей. Кто-то высасывает тебя дотла, и он не остановится, никогда, и тебе не придётся умирать».

Решив организовывать кризис за кризисом, Розз принял полграмма метадона и двадцать шесть таблеток валиума, потом бесследно исчез на улицах Портленда. Он был героинщиком из-за трагедии, пока она сосредотачивалась вокруг него. Кортни пошла его искать, устала ходить и, наконец, села, сгорбившись в дверном проёме, когда начался дождь. Голоса эхом отзывались в её голове. Розз: Я от тебя в ужасе. У меня нет возможности скучать по тебе. Робин и Урсула: Он — придурок, Кортни. Ты ещё пожалеешь об этом. Фрэнк: Твоя юность незаметно проходит,

пока ты подлизываешься к этому парню. И гадалка: Он — дьявол, он — вампир. Убирайся от него к чёртовой матери.

Пока Розза не было, Кортни пришла к нему в квартиру, разбила несколько вещей, выбила несколько окон, собрала все письма, которые она смогла найти, и ушла — навсегда, как она надеялась.

Некоторое время она жила с Джеффом в Сан-Франциско, получая продовольственные талоны, принимая наркотики и ходя на панк-концерты. Однажды вечером она со своим другом Джо Мамой поехала в Портленд, чтобы забрать некоторые свои вещи. «Theatre of Sheep» играл концерт. Кортни стремительно ворвалась на сцену на шпильках и в старинном чёрном кружевном узком комбинезоне (Розз утверждает, что она была в белом свадебном платье) и бросила несколько горстей пустых склянок от валиума к ногам Розза.

Кортни снова поехала за границу в 1984 году, на сей раз посетив Ливерпуль и чтобы, как она надеялась, увидеть Европу. Она связалась со старой компанией и завела нескольких новых друзей, среди них были героиновые наркоманы. Однажды она пошла в штаб-квартиру в Ливерпуле, чтобы купить два грамма. Героинщик, который там жил, уже его курил, когда пришла Кортни, и этот запах вызывал у неё тошноту. Она, тем не менее, немного покурила, словив невероятный кайф, и вдруг изумилась, когда поняла, что ей вообще плевать на мужчин. Отношения мешают честолюбию, решила она, и она не могла себе позволить их иметь. Майкл Муни, который сейчас был в туре с «Psychedelic Furs», осуждал её за то, что она принимает наркотики. Да пошёл он! Да пошли они все! Они ей не нужны! Теперь ей надо только постараться придерживаться этого убеждения, как только она вернётся в Штаты.

Когда она в один дождливый день, наконец, столкнулась с Джулианом, она получила от него разрывающее сердце оскорбление. Он притворился, что не заметил её, а когда она встала перед ним, он сказал ей: «Мне нечего тебе сказать. Теперь у меня сужение зрения». Кортни чувствовала, что очень устала от своего второго визита в Ливерпуль, поэтому она наскребла свои последние деньги и поехала в Париж. Но хотя она любила позолоченный упадок Парижа сам по себе, тысячи грациозных модных богинь, прогуливающихся по его улицам, только заставили её чувствовать себя бодрее, чем когда-либо. Пора было возвращаться домой.

Напоследок в Париже она приклеила в свою записную книжку открытку с декадентским поэтом Артюром Рембо, искупалась в свете полной луны и подумывала покрасить свои волосы в

зелёный цвет (решив этого не делать, потому что она знала, что скоро ей придётся устраиваться на работу). «Я родилась, во-первых, от чистоты, а во-вторых и, что самое важное, от отчаяния», — написала она.

Вернувшись в Штаты, она равнодушно возобновила метания между злосчастным, чудовищным Роззом и мягким, пассивным Джеффом, но вскоре потеряла интерес. Она начала сосредотачивать свою энергию на собственной работе и на мечте о создании группы вместо того, чтобы тратить свою энергию, обводя вокруг пальца неудачников.

Розз был таким же отвратительным, как всегда, а Джефф выглядел всё хуже и хуже. Больше не являясь хорошим другом, он просил Кортни переехать с ним в Лос-Анджелес и устроиться на «настоящую работу». Он не одобрял её музыкальные амбиции и пытался её убедить, что добиться успеха в качестве музыканта вероятно не больше, чем выиграть в лотерею. Сначала Джефф терпел присутствие Розза без особых жалоб, но теперь он отомстил, закрутив роман с одной из подружек Кортни.

По крайней мере, временно, её путешествия отняли у неё вкус к наркотикам. Она полагала, что процесс отказа от наркотиков делал её ещё менее привлекательной — и мы можем не сомневаться, что Розз не сделал ничего, чтобы рассеять это убеждение — но решил использовать её период возложения на саму себя уродства и ощущения моральной потерянности, чтобы культивировать её вкусы и укрепить её эмоции. Ей было нечего терять, и она могла получить всё.

«Psychedelic Furs» гастролировали по США с хитовым синглом, «Pretty in Pink» («Очаровательна В Розовом»), который впоследствии вдохновил на фильм Джона Хьюза с таким же названием. Кортни послала своему старому увлечению Майклу Муни дюжину белых роз с длинными стеблями в Де Кальб, штат Иллинойс. Услышав, что он восхищён этим жестом, она решила, что будет здорово увидеть его снова. Однако когда группа играла в Лос-Анджелес, она прилетела в украшенном бисером платье, которое когда-то принадлежало Фрэнсис Фармер — и в смятении отказалась от прохода за кулисы, потому что группу посетили «Bangles».

Позже Майкл встретил её за чаем и извинился. На Рождество в том году она послала ему жемчужину в сандаловом масле.

Теперь Кортни танцевала стриптиз в клубах Сан-Франциско, и эта работа казалась более грязной и более угнетающей, чем когда-либо. Чем дольше работаешь стриптизёршей, тем небрежнее обращаешься с косметикой, бритьём, позами. Ты перестаёшь беспокоиться о том, чтобы зашивать мелкие дырочки

на своих костюмах. Ты становишься ленивым циником, весь внешний вид которого кричит: «Просто дайте мне чёртов доллар и оставьте меня в покое, чёрт возьми». Только тот факт, что она теперь снисходила до того, чтобы обескураживать рок-хитами вместо экзотического глэм-панка, позволял ей зарабатывать вообще какие-то деньги.

Однажды вечером, когда она уходила от Розза, чтобы поискать наркотики, она столкнулась со старым знакомым. Клэй был переселенцем из Нью-Йорка, который стал партизаном-художником граффити, царапая и выводя спреем «СЕКС — ЭТО МЕСТЬ» по всему Сан-Франциско. Он выводил эту фразу за домом Розза.

Несколько недель спустя кто-то ответил на каракули Клэя своей собственной фразой: «ЛЮБОВЬ — ЭТО МЕСТЬ». Кортни не могла устоять. Она обошла весь город с маркером и спреем, выводя своё собственное имя поверх надписи так, чтобы читалось: «КОРТНИ ЛАВ — ЭТО МЕСТЬ».

Из Англии пришли угнетающие новости: Джулиан Коуп планировал бросить музыкальный бизнес, жениться на романистке по имени Дориан и переехать на Гавайи. Кортни на мгновение огорчилась. Он забыл её. Но её утешали свои фантазии: когда-нибудь, когда она будет знаменитой, она снова вспыхнет в его жизни, размахивая большим золотисто-розовым флагом, улыбаясь и бросая в него букетики. «Ну, что, — скажет она, — ты потерял свою славу — ты потерял свои мозги — но ты не потерял меня».

А пока она выбросила из головы Джулиана и Дориан как «эгоистичных, напыщенных и жирных». Потом она выписала шаблон для новой группы:

Создам к концу января 1985 года
Концерт фев. — март
Альбом к апрелю
Уэмбли — окт. 85 года

Глава седьмая

«Faith No More» была основана в 1982 году ударником из Сан-Франциско Майком Бордином и переехавшими из Лос-Анджелеса Билли Гулдом и Родди Боттумом на басу и клавишах. Трио увело из местной трэш-группы гитариста, Джима Мартина. У них был повторяющийся ряд вокалистов — одним из которых на неопределённый и горячо обсуждаемый период времени была Кортни Лав, которая сперва стала фанаткой этой группы, потому что они напоминали ей «Killing Joke». Устав от пост-панковских, одинаково звучащих групп, которые она слушала, Кортни хотела найти группу с более мелодичным звуком и более драматическими, глубокими стремлениями. Она нашла это в «Faith No More».

По крайней мере, в одном случае члены «Faith No More» признали, что Кортни была в этой группе, но прокомментировали: «Кортни не из тех людей, с которыми ты можешь быть в группе на равных. Ей надо руководить и говорить людям, что к чему. Она была диктатором, а в нашей группе всё было демократично, поэтому ей пришлось сказать, чтобы она отвалила».

Достаточно правдоподобно, кроме, возможно, последнего — гармоничная группа и демократии являются почти такими же обычными, как функциональные коммунистические правительства. Но в других версиях своей истории «Faith No More» отрицают, что Кортни когда-либо была в этой группе, разве что случайной добровольной вокалисткой из клубной аудитории. Одна рецензия в местном журнале, которая посчитала группу «обычной, если бы не ведущий вокалист», возможно, раздражала.

По сообщению самой Кортни, она пела с «Faith No More» почти год после того, как познакомилась с Родди Боттумом на концерте Лидии Ланч. Как «хардкор-дес-рок»-группа, они играли на разогреве у кровожадных, ориентированных на шум исполнителей вроде «Specimen», «Alien Sex Fiend» и «Butthole Surfers». Во время одного концерта Кортни разбила бутылку, кружилась по разбитому стеклу и подожгла свои волосы — дань одному из своих героев, Игги Попу.

Что бы они ни считали степенью её вклада — незначительное увеличение посещаемости на своих живых выступлениях или инъекции поп-чувствительности в их песни — другие члены «Faith No More» выгнали Кортни из группы где-то в 1985 году. Она была расстроена, но, вернувшись в Портленд, она встретила человека, который будет одним из самых важных музыкальных источников

влияния в её жизни.

Мать Кэт Бьёлланд ушла из семьи, когда ей было пять лет, и Кэт растил по большей части отсутствующий отец. Хотя она провела свои подростковые годы в команде группы поддержки и в баскетбольной команде, а не в заведениях для несовершеннолетних правонарушителей и не в стрип-клубах, она приходила домой после школы и «сижу в таком большом мягком кресле и слушаю Билли Холидэй, читаю Сильвию Плат, пью «Кайлуа» из бара моего папы и мечтаю, как я уберусь отсюда к чёртовой матери».

Она была склонна играть роль милой своевольной девочки, делая большие невинные глаза и произнося сногсшибательные циничные перлы тонким подростковым голосом. Это был образ, который она впоследствии отточит и профессионально культивирует, который привёл к конфликту с Кортни. Но в 1985 году они подружились.

Кэт встречалась с членом «Miracle Workers», панк-группой своего рода напоминания о шестидесятых. Кортни дружила с вокалистом. Две девушки встретились в кафе и обнаружили, что они обе — стриптизёрши, которые хотят играть в группах. Кортни подумала, что Кэт забавная, сексуальная и упрямая. Они пошли к Кэт, приняли валиум и пили вино, разговаривали и слушали Леонарда Коэна. «Она пыталась вымыть мне лицо, — вспоминает Кэт, — потому что у меня есть такая очень плохая привычка напиваться и идти спать, не смыв косметику, поэтому я научилась у неё, как заботиться о своей коже…. Когда я с ней познакомилась, она была очень крутая, энергичная и живая, и с тех пор мы стали очень близки. Это было как обретение единомышленника, личности вроде сестры».

Кэт играла на гитаре, и она несколько раз репетировала с Кортни и Робин, но у них троих не было никакого взаимного притяжения. Робин думала, что Кэт задаётся, а Кортни решила, что у Робин «сильное дурное влияние Лос-Анджелеса». Наконец, Робин велела Кортни выбирать между ней и Кэт. «Робин в то время носила футболку «Hard Rock Caf;», — впоследствии говорила Кортни, — поэтому я выбрала Кэт».

Как подобает человеку, в младенчестве прошедшему терапию, Кортни всегда находилась в поисках волшебного средства, чтобы избавиться от некоторых или всех своих проблем, и она занималась режимом экзотических лечебных средств от стресса всякий раз, когда она могла их себе позволить. Её любимые средства включали иглоукалывание, астрологию (которую она по-прежнему практикует), и гомеопатические цветочные средства Баха, сложную систему мистики, гомеопатии и ароматерапии.

Обуреваемая этими желаниями, она добралась до таблеток и, менее часто, до героина, она также начала время от времени посещать собрания Анонимных Наркоманов. Она надеялась, что эти поиски помогут ей контролировать свою зависимость от мужчин, чтобы сосредотачиваться непосредственно на своей собственной славе.

Ей приснилось, что у неё дома неожиданно появился Пит де Фрейтас из «Bunnymen». Во сне Кортни была толще, чем она когда-либо была в реальной жизни, и чересчур под воздействием депрессантов, чтобы она смогла поприветствовать его. В квартире воняло кошачьей мочой и запустением, и Пит уставился на неё с неприкрытым презрением.

Она решила, что пора убираться из Портленда. Они с Кэт совершили экспериментальную поездку в Сиэтл, где они жили у рок-промоутера Сьюзен Силвер, которая впоследствии будет руководить «Soundgarden» и выйдет замуж за ведущего вокалиста Криса Корнелла. «Мы видели всего трёх симпатичных парней во всём городе», — жаловалась Кортни.

За несколько лет перед взрывом гранджа, героин в Сиэтле уже свирепствовал. Кэт хотела его попробовать и умоляла Кортни дать ей немного. Кортни вместо этого дала ей кодеиновый сироп от кашля. Ей нравилось принимать наркоту, но она не хотела жить в городе героинщиков.

«Theatre of Sheep» только что распались, и Розз переехал в Сан-Франциско. Возможно, Кортни надеялась на него, или, возможно, она просто устала от Портленда и испытывала ностальгию по своему родному городу. Во всяком случае, она быстро приняла меры, чтобы вернуться в Сан-Франциско, взяв с собой Кэт, чтобы, наконец, создать группу. Они переехали в просторную квартиру с высоким потолком и украсили её разорванными кружевами, сухими розами, свечами и антикварными куклами, которых они обе обожали.

В Лос-Анджелесе Дженнифер Финч только что прослушивалась на басу для «Pandoras», которые сказали, что она недостаточно круто выглядит, чтобы присоединиться к их фото-Грирд-группе. Когда Кортни ей позвонила, Дженнифер была очень рада присоединиться к своей подруге в Сан-Франциско. Они сняли большой дом на Филлмор-стрит, принимали наркотики, ходили на концерты, спорили о достоинствах Сильвии Плат против Энн Секстон, радовались «Rumours» «Fleetwood Mac», затёрли экземпляры «Sgt. Pepper» и рассматривали гитары в витринах. Когда они увидели «Frightwig», одну из самых резких женских групп из всех, они поняли, что им надо создавать свою собственную группу.

В июне 1985 года Кортни Лав, Кэт Бьёлланд и Дженнифер Финч создали «Sugar Baby Doll» (усовершенствование Кортни «Sugar Babylon»). Эти три женщины будут возглавлять три самых важных группы с доминированием женщин следующего десятилетия. Однако «Sugar Baby Doll» не особенно являлась предвестником величия.

«Мы собирались делать самую неприятную музыку в мире, — вспоминает Кортни. — Однако у меня был врач, который выписывал мне сто успокоительных средств в неделю. Поэтому мы в итоге делали такую музыку типа имитации «Cocteau Twins», но у меня на самом деле не было голоса, и я пела в регистре, слишком высоком для меня».

Кортни по-прежнему исполняет одну песню «Sugar Baby Doll», «Best Sunday Dress». Гудящая мелодия, текст которой состоит из трёх строк, повторяющихся снова и снова, о платьях и о входе в огонь, у неё интересная аура угрозы, но она звучит упрощённо рядом с почти любой песней «Hole».

В городе она часто видела Джеффа Мэнна, в автобусах и на концертах, но он её избегал. Ему было достаточно конкурентов, достаточно попыток самоубийства, достаточно зрелищной силы личности Кортни. И он был глубоко увлечён кем-то другим.

Конечно, две личности, столь же сильные, как Кэт и Кортни, должны были действовать друг другу на нервы. Кортни, обычно сама прокладывавшая себе путь в мире, думала, что Кэт ужасно избалована. Она ничего не могла поделать с тем, что она была миниатюрной и хорошенькой, как дрезденская кукла, но она также была примадонной до мозга костей. Она бросила свою работу и отказалась звонить своему отцу из-за денег, поэтому большинство их расходов возлагались на Кортни.

Но Кэт была хорошей гитаристкой, и это сделало всё стоящим — до тех пор, пока на репетиции после их третьего концерта Кэт выгнала Кортни из группы. «Sugar Baby Doll» быстро распались, хотя эта троица продолжала жить вместе, потому что никто из них не мог позволить себе съехать.

Тем летом Кортни составила список различных наркотиков, которые она принимала в своей жизни. Список начинался с ЛСД, который ей давали в возрасте четырёх лет, и включал все основные группы наркотиков и несколько основных стимуляторов наряду с мясом, незаконным занятием домов, уродливыми парнями и смесью детского слабительного, кофе «Фолджерс», шоколадного пудинга и грязи.

В том же дневнике Кортни писала заметки гипотетическому ребёнку, которые больше были похожи на записки самой себе — хотя она на самом деле записала, что её первую дочь, возможно,

будут звать Фрэнсис. (Среди других вариантов были Клэр, Уиллоу и Вайлет). Среди её советов были: «Опиаты и кокаин не позволят тебе ничего достичь — они лгуны»; «Алкоголь и сигареты — это слабости, отвратительные слабости; не имей слабой плоти»; и «Чтение — это очень хорошая мысль — это уход от убожества».

Вскоре после того, как группа распалась, Дженнифер исчезла, оставив записку, в которой было написано: «Я люблю тебя, я люблю Кэт, но я люблю «Red Hot Chili Peppers» больше. Я возвращаюсь домой». Кортни не могла позволить себе жить одна. Она уехала, чтобы разыскать Дженнифер в Лос-Анджелесе.

Дженнифер собирала дополнительные наличные деньги, играя «панк»-персонажей на телешоу. Кортни приняла участие в этом действе, появившись на сцене ночного клуба в печально известном «панк-рок-эпизоде» «Куинси, Судебно-Медицинский Эксперт» (вот сюжет в двух словах: когда танцующего слэм панка убивают пестиком для колки льда в толкотне у сцены, лос-анджелесский коронер Куинси критикует эту музыку — и всю панк-среду — за то, что «вдохновляет насилие». В конце этого шоу мы слышим, как на заднем фоне играет Гленн Миллер, пока Куинси размышляет: «Почему все хотят слушать музыку, которая заставляет вас ненавидеть … когда вы можете слушать музыку, которая заставляет вас любить?»).

Работа в роле статистки была непостоянной. Вскоре Кортни устроилась на работу танцовщицей в печально известный «Jumbo`s Clown Room», в забегаловку с фольгой и джи-стрингами у Голливудского Бульвара. (Одна из её обложек «Rolling Stone» висит теперь за баром в «Jumbo».)

Именно тогда в её жизнь вошла Нэнси.

Глава восьмая

В своей книге «И Я Не Хочу Жить Такой Жизнью» Дебора Спанджен рассказывает о поведении своей маленькой дочери Нэнси в выражениях, жутко похожих на те, в которых впоследствии Линда обычно рассказывала о Кортни. (Я обнимала её, — пишет Спанджен о Нэнси в шесть месяцев. — Она реагировала, внезапно напрягая своё тело, как доску, всё время пиналась руками и ногами, голова откидывалась назад. Она кричала ещё громче»). У Нэнси никогда не обнаруживали аутизм, но она провела свои ранние годы, то и дело попадая в учреждения, потом нашла (по крайней мере, временное) утешение в расцветающей музыкальной сцене, также, как впоследствии сделает Кортни.

Нэнси Спанджен родилась 27 февраля 1958 года, синюшной и желтушной. Она росла, поклоняясь музыкантам, особенно английским. Рок-музыка и, впоследствии, панк были единственными утешениями, которые она когда-либо находила. Любовь её жизни, Сид Вишес, распотрошил её охотничьим ножом в гостинице «Челси», когда ей было двадцать лет, потом у него была передозировка героина.

Это была роль, которую Кортни могла понять. Она была влюблена в миф об этой замученной женщине, потому что она думала, что может его искупить. Она знала, что она может это сыграть с того момента, когда она впервые узнала о «Сиде и Нэнси». Этот фильм должен был снимать Алекс Кокс, который только что снял культовую классику «Экспроприатор». О кинопробах было объявлено в «Flipside» и «Maximumrocknroll». Явились пятьсот обесцвеченных блондинок, на которых было очень много косметики, и все они должны были играть сцену, где Нэнси видит себя в зеркале и вопит в ужасе: «Сид! Помоги мне! Я похожа на чёртову Стиви Никс в одежде хиппи!».

Снова Кортни смогла это понять. Из сотен актрис она была одной из немногих, кому перезвонили.

Когда подошла её очередь, Кортни отличилась, сорвав со стены картину и разбив её о голову Кокса. Он, возможно, был, или, возможно, не был очарован, но ему, конечно, напомнили о Нэнси. Однако Кокс был не единственным, кто принимал кастинговые решения. Ещё нужно было пройти повторные собеседования и каналы одобрения, прежде чем она узнает, стала ли она Нэнси.

Жизнь продолжалась быстро: её окликнул по имени странный мужчина в ресторане. Когда Кортни спросила, знает ли она его,

он ответил, что летел её рейсом в Лос-Анджелес, когда она была пьяна и, пошатываясь, шла по проходам, раздавая таблетки всем тем, у кого была крутая причёска. Она снова носилась с идеей относительно самоубийства, но отказалась от неё, чувствуя, что её шансы были явно слишком велики.

Она изучала «И Я Не Хочу Жить Такой Жизнью» и делала заметки, что должно быть у Нэнси. Этот взгляд, тлеющий проницательный взгляд, который обычно предвещает жестокость. У неё должны быть большие титьки (для собеседований Кортни набивала свой лифчик) и нью-джерский акцент. «Ходишь в школу, — инструктировала себя Кортни. — Чувствуешь ту старую деградацию. Потом идёшь на рок-концерт» (ещё одна её заметка гласила: «Прослушивание — напеки печенья. Подай им соответственно». Можно только себе представить).

Наконец, остались всего три актрисы. Было намечено заключительное прослушивание Кортни. Она недавно стала интересоваться дзэн-буддизмом и неистово пела. Когда оно, наконец, прошло, ей нужно было только ждать новостей. Она знала, что получила эту роль. Если по какой-то безумной вероятности она её не получила, она уедет в Гуам (который, как она думала, был зарубежной страной, а не американской территорией) и будет стриптизёршей до конца своих дней.

Она не стала Нэнси. Алекс Кокс по-прежнему хотел её, но британский продюсер думал, что она слишком молода для этой роли, а того, кто занимался подбором актёров, беспокоил её недостаток опыта. Роль досталась Клоэ Уэбб, которой в то время было двадцать восемь лет, и Кортни отправилась в Гуам.

Там она устроилась на работу в стрип-клуб Брэнди Хау возле базы Армии США. Брэнди Хау была крутой корейской предпринимательницей, которая, без ведома Кортни, ожидала, что её девушки будут обслуживать солдат. Она также хотела, чтобы Кортни сменила свой имидж при помощи парика и синих теней для век. Кортни ничего этого не делала, поэтому Брэнди Хау заставляла её танцевать в задней комнате вместо главной сцены. Снова и снова крутили три видео: японский порнофильм, корейский порнофильм и «Калигулу». До сих пор Кортни может цитировать огромные отрывки диалогов из «Калигулы».

Она провела у Брэнди Хау три недели, прежде чем её разыскал Алекс Кокс. Он написал для неё маленькую роль — Гретхен, одну из американских подруг Нэнси. Как обычно, ей пришлось совершать рискованный побег, поскольку у неё был контракт в Гуаме на три месяца. Она вышла из клуба Брэнди Хау так, чтобы её не заметили, но к тому времени, как она добралась до аэропорта, у неё на хвосте были два огромных самоанца. Они

преследовали её по аэропорту, пока она не подбежала к охраннику и не закричала: «Эти люди пытаются меня похитить!». Самоанцы отступили, и Кортни полетела домой своим рейсом.

Эпизоды в «Сиде и Нэнси», в которых появляется Кортни, были сняты в Нью-Йорке зимой 1985 года. Актёры жили в гостинице «Челси» на Уэст-23-стрит, и некоторые из них ритуально нюхали героин в номере 101, где умерла Нэнси.

Сперва было неприятно находиться на съёмках с кем-то другим в той роли, сыграть которую Кортни явно была рождена, но ей нравилась Клоэ, и ей пришлось признать, что эта более опытная актриса хорошо смотрелась в роли Нэнси. Алекс сделал всё, что было в его силах, чтобы для Кортни всё шло гладко; он попросил ее помогать подбирать статистов и устроил её друга Джо Маму работать костюмером. Эта работа хорошо оплачивалась, она была забавнее стриптиза, Нью-Йорк одержал полную победу над Гуамом, это был шанс получить точку опоры в кинобизнесе.

Кортни стала склоняться к тому, что она хочет быть актрисой. Распад «Sugar Baby Doll» временно отбил у неё энтузиазм к группам.

Премьера «Сида и Нэнси» состоялась на Нью-Йоркском Кинофестивале 1986 года в Линкольн-центре. Кортни появляется в четырех сценах. Она помогает любовникам купить героин в запущенной съёмной квартире; она хватает котёнка в дымном ночном клубе; она болтает о своём депрессивном парне; она в слезах доказывает полицейским, что Сид Вишес не мог убить Нэнси. У неё платиново-белокурые волосы с начёсом, её лицо слегка полноватое, её глаза, огромные, кажутся одурманенными и приковывающими внимание. После вечеринки в честь премьеры Кортни конфисковала лимузин и заставила шофёра устроить ей экскурсию по Гарлему.

После того, как съёмки закончились, Кортни вернулась в Сан-Франциско. Имея собственную квартиру и свой фильм «Сид и Нэнси», она упросила Кэт возродить группу. На этот раз они назвались «Babes In Toyland». Они также решили переехать в Миннеаполис, город с увлекательной и жизнеспособной музыкальной сценой, где подражали «Husker Du», «Replacements» и «Soul Asylem», и где теперь жил отец Кэт, думая, что новая домашняя база снова вдохнёт в них энергию.

Кортни находила Средний Запад экзотическим: «Это было таким захватывающим, была зима, это было похоже на поездку в Японию, это было пиво «Grain-Belt», клуб «CC», и все парни были симпатичные». Но её уверенность в себе была сильно уязвлена, когда Кэт снова выгнала её из своей собственной группы — снова.

Кэт была единственной, кто знал, как Кортни хотела быть музыкантом, кто делил это её необузданное стремление. Если Кэт всё ещё думала, что она слишком ужасна, чтобы с ней играть — ну, возможно, у неё вообще нет будущего в музыке. С этой мыслью она поняла, что абсолютно ничего другого, что она хотела делать в своей жизни, нет. Она провела месяц, плывя по течению, занимаясь в спортзале, посещая собрания Анонимных Наркоманов, пела каждый день.

В конце месяца ей позвонил Алекс Кокс. Он хотел, чтобы она приехала в Испанию и снялась в главной роли в фильме, и он заплатит ей 40 000 $.

Глава девятая

Снимающийся в Алмерии, в Испании, «Прямиком В Ад» был спагетти-вестерном, чтобы покончить со всеми спагетти-вестернами — буквально так, для тех, кто это видел как их первый пример жанра, который никогда не захочешь видеть снова. Алекс Кокс предположительно написал сценарий во время трёхдневного марихуанового кутежа, и он был навеян марихуаной. Проще говоря, «Прямиком В Ад» — отстой, он знаменит отстойностью, и почти все его участники открыто признаются, что это отстой. Но они замечательно провели время, снимая его.

Кортни играет Велму, напарницу грабителя банков — или, как она рассказывает об этой роли, «беременную суку из белых отбросов, несколько странную деревенщину из кровосмесительной среды, которая одержима чарами и магией. Она вся пошлая». Единственное доказательство чар и магии, которое мы видим — это старый череп коровы, который она подбирает в начале фильма, но пошлость подтверждается платьем для беременных в горошек с торчащим чёрным лифчиком, в которое она одета на протяжении большей часть фильма. Она выкрикивает большинство своих реплик (с тех пор она стала гораздо сильнее кричать) и умирает в пламени автомобильной катастрофы (она — один из немногих персонажей, кого не застрелили).

Среди тех, кто снялся в главных ролях и эпизодах, были Джо Страммер из «Clash», Шэйн МакГован и Кэйт О`Риордан из «Pogues», Элвис Костелло, Грэйс Джонс (о которой Кортни впоследствии рассказывала в «New Musical Express» как о психопатке), режиссёр Джима Джармуша и настоящий актёр Деннис Хоппер. В этом фильме есть несколько забавных эпизодов (город кофеманов, неудачливый продавец венских сосисок, эпизодическая роль Хоппера), действительно приличная игра Сая Ричардсона в роли хамоватого приятеля Кортни Норвуда и несколько потрясающих музыкальных номеров, но он не был предназначен для продвижения актёрской карьеры Кортни.

Испания напомнила ей Тайвань — «подавленная культура, коммунизм, социализм». Окруженная рок-звёздами, она увлеклась оператором. Она читала Жана Женэ, хотя из-за этого она чувствовала себя претенциозной. Два человека попросили у неё автограф, а Джо Страммер демонстрировал ей этикет того, как расписываться для других людей: «(1) Изящно (2) Датированно (3) Любезно». Но она несколько разочаровалась в

Страммере, когда они сидели возле бассейна гостиницы, пели старые песни «Clash», и он забыл слова «London Calling».

После окончания съёмок Кортни полетела в Лондон. Там она возобновила контакт с Джулианом Коупом (который на этот раз был, по крайней мере, вежлив, если не дружелюбен) и получила таинственное приглашение от Кэт вернуться в Миннеаполис и воссоединиться с «Babes in Toyland».

Обдумывая предложения Кэт, Кортни жила в подвале у одной английской рок-звезды, работая няней его детей. Близкий друг обоих утверждает, что этот рокер «использовал её в качестве сопровождающей для прикрытия его сексуальных интрижек. Он сказал своей подружке: «Я иду пить пиво с Кортни» и оставил её на два часа сидеть за стойкой бара одну, пока он пошёл и трахнул какую-то девушку». Она бросила работу няни и отправилась жить к ещё одной известной рок-звезде и его жене, которая выгнала её, когда та отказалась жить шведской семьёй.

Когда в Лондоне в марте 1987 года состоялась премьера фильма «Прямиком В Ад», сами же актёры почти осмеивали его за кадром. Потом Кортни и Джо Страммер пошли за выпивкой, и она сказала ему: «Я собираюсь переехать в Миннеаполис и создать гараж-группу».

«Замечательно, — сказал он ей, — хотя ты — самая плохая гитаристка из всех, кого я слышал».

«Мне по фиг».

Пресса ненавидела «Прямиком В Ад», но любила Кортни — они распознали хорошую историю, когда они увидели эту байку. Она появилась в «People», «Us», «Film Comment» и «Interview», в «Andy Warhol's 15 Minutes» «MTV» и «Cutting Edge». Они с Кэт часто использовали сокращение «ОЗКЯ» вместо «Они Знают, Кто Я». Теперь все в Лондоне знали, кто такая Кортни.

Она влюбилась в прессу. Она понятия не имела, что ей придётся из-за неё пережить. Расстояние, которое она прошла с тех пор, можно оценить по отрывку из письма, которое она написала одному из друзей в Штаты: «Сегодня вечером было ужасно. Рекс Рид назвал Клоэ [Уэбб] СТРАШНОЙ на национальном ТВ!! Я, наконец, совершенно счастлива, что не сыграла Нэнси Спанджен. О Боже, я бы умерла, если бы меня назвали СТРАШНОЙ по НАЦИОНАЛЬНОМУ ТЕЛЕВИДЕНИЮ».

Она всерьёз обдумывала приглашение Кэт. Наконец, теперь, когда премьера прошла, она решила его принять. Джо Страммер дал ей денег, чтобы лететь домой.

Вскоре стало ясно, что это воплощение группы с Мишель Леон на басу и музыкальным послом из Миннеаполиса Лори Барберо на ударных было таким же затруднительным, как и все

прочие. «Это превратилось в экзорцизм с высококачественными продуктами, а не продуктивным союзом», — написала Кортни всего неделю спустя.

Но Кэт старалась. Кортни написала:

Я уверена, что это продлится месяц, и ей надоест, но пока что она — милашка. Я полагаю, что это из-за того, что 80 % парней, которые ей нравятся, слишком боятся присутствия высоких шумных девушек, и они думают, что девушки должны быть такими, какой, по их мнению, является Кэт, что означает, что 80 % своих приятелей она нравится только потому, что она кроткая и прелестная, а вовсе не потому, что она умная или жёсткая, вот почему она их ПРОБИВАЕТ.

У неё был необычный разговор со своей матерью. Линда, которая теперь увлекалась буддистской теорией осознания — реинкарнации, спросила Кортни, почему она выбрала её и Хэнка в качестве родителей. Кортни сказала ей: «Потому что единственные родители, которые могли бы довести кого-то до славы, это те, которых нет».

Кэт несколько дней пряталась, решив, что Кортни мешает её прогрессу, и в очередной раз выгнала свою старую подругу из группы. В течение следующих нескольких дней Кортни только и делала, что писала в своём дневнике, резала свою руку бритвой и оставляла следы крови на страницах. Она много лет не наносила себе порезы, но этот старый ритуал был облегчением. Как всегда, эта физическая боль помогала избавиться от части эмоциональной боли.

Потом Кортни поехала в Нью-Йорк и сделала короткую, неудачную попытку возобновить свою актёрскую карьеру, тусуясь с Брэтом Пэкерсом и готовилась к фильмам вроде «Ниже Нуля», «Случайный Секс?» и «Земные Девушки Легко Доступны». Один агент сказал ей, что она — смесь Мадонны и Фэнни Брайс. Она продолжала получать предложения ролей забавных толстых девушек вместо романтических главных ролей, которые она хотела.

Дин Мэттисен и некоторые другие «Негодяи» были в Нью-Йорке, и одним из её немногих утешений было напиться и принимать с ними экстази в забегаловках Ист-виллидж вроде клуба «Pyramid» и «ABC No Rio». Иногда она играла роли в их удолбанных театральных пьесах, но только после того, как заставила Дина пообещать, что никакой мороженой рыбы не будет. Она получила главную роль в небродвейской постановке под названием «Борода», и всё, казалось, ненадолго улучшилось.

Но когда пьеса перестала ставиться, она не могла найти другую работу.

Неспособная иметь дело с жизнью за чертой бедности в Нью-Йорке, Кортни вскоре вернулась в Миннеаполис. Они с Лори Барберо организовали провальный рок-концерт в «Orpheum». Они взяли взаймы тысячи долларов, чтобы организовать и разрекламировать это событие, в котором участвовали «Butthole Surfers» и несколько других групп. Этот концерт потерпел фиаско. Они задолжали 25 000 $, неспособные заплатить группе, и подверглись остракизму большей частью музыкальной сцены Миннеаполиса.

Она встречалась с ударником по имени Дэйв, единственным компенсирующим свойством которого было лицо, такое изысканно красивое, как ожившая картина Боттичелли. Когда Кортни решила снова переехать, на этот раз обратно в Лос-Анджелес — Дэйв объявил, что едет с ней. Кортни не хотела, чтобы он ехал. Другие члены его группы ненавидели её за то, что она его «украла». Её трастовый фонд окончательно иссяк, и было трудно совершать совместный тур с приятелем, который не устраивается на работу, создаёт огромные неприятности, где бы он ни жил, и не понимает, что нехорошо есть чужую еду. Однажды он задолжал ей столько денег, что она пригрозила, что пойдёт работать в службу эскорта, если он не продаст свою стереосистему и не отдаст ей эти деньги. Он сказал ей: валяй, но вместо этого она снова стала танцевать стриптиз.

Однажды вечером, когда Кортни и Дэйв были в гостях, у одной подруги из местной панк-группы случилась передозировка у неё на кухне. Кортни впоследствии написала об этом другу: «Мы с Дэйвом реанимировали её тёмно-сине-фиолетовый телесный гробовщицкий латент обратно к жизни. Я нашла неприятности, а неприятности нашли меня».

Кортни и Дэйв переезжали из одной запущенной гостиницы в другую, иногда голодая по нескольку дней. Дэйв по-прежнему отказывался работать. Кортни неистово пела, но казалось, что ничего не улучшается.

В октябре Кортни отправилась в Лас-Вегас, надеясь заработать быстрые деньги стриптизом, но когда она приехала, ни в одном из клубов вакансий не было. Когда она позвонила домой, Дженнифер Финч сказала ей, что Дэйва отправили домой к родителям, и все его друзья и в Лос-Анджелесе, и Миннеаполисе говорят, что Кортни свела его с ума.

Она, наконец, устроилась на работу в один клуб в Вегасе. Там одна девушка сказала ей, что якобы здорово работать в стриптизе — где бы вы думали — на Аляске. Клуб под названием «P. J.'s»

переправлял туда девушек самолётом (не глядя!) и размещал их.

«Я решила переехать на Аляску, потому что мне нужно было собраться и научиться работать, — говорила Кортни в 1994 году. — Поэтому я предприняла такой своего рода обряд поиска видений.… Я избавилась от всего земного. У меня была моя крутая короткая одежда для стриптиза и несколько больших свитеров, и я переехала в трейлер с двумя другими стриптизёршами».

У одной из этих стриптизёрш был ребёнок. Кортни любила ухаживать за этим ребёнком. Она приехала в сезон круглосуточной темноты, и она часто видела фантастические цвета северного сияния, мерцающие в небе. Она оставалась в блаженном неведении о серийном убийце в этой местности, расчленившем множество жертв-женщин, некоторые из которых были стриптизёршами. Несмотря на бремя этой работы, которая, как оказалось, была не столь доходной, как она надеялась, Аляска была мирной интерлюдией в её жизни. В течение трёх месяцев она работала, писала, почти ни с кем не говорила.

И, как всегда, она слушала музыку. Был 1988 год, и на Тихоокеанском Северо-Западе происходили интересные вещи — не в Портленде, где всё ещё господствовала своего рода панк-этика шестидесятых, а в Сиэтле. Хотя Сиэтл породил несколько хороших групп, там никогда не было особой сцены, о которой можно было говорить. Теперь, несомненно, это было место, где она была.

Ранее в восьмидесятых музыкальный автор Брюс Пэвитт перебрался из Олимпии в Сиэтл, где он превратил свой журнал «Sub Pop» в новаторскую независимую студию звукозаписи. Его школьные друзья из Иллинойса, Ким Тэйл и Хиро Ямамото, последовали за ним в Сиэтл и основали группу «Soundgarden» с зачинщиком-вокалистом/ударником Крисом Корнеллом. В 1987 году «Sub Pop» выпустили дебютный EP «Soundgarden» «Screaming Life», который привлёк интерес ведущих студий звукозаписи к «саунду Сиэтла».

Ещё одна оригинальная группа из Сиэтла, «Green River», распалась, сформировав «Mother Love Bone» и «Mudhoney» (и, впоследствии, «Pearl Jam»). Тощий блондинистый ведущий вокалист «Mudhoney» Марк Арм привлёк внимание Кортни, а заодно и грязные, искажённые гитары. EP «Mudhoney» «Superfuzz Bigmuff», также с Sub Pop», целый год продержался в британских независимых чартах. Вскоре после его выпуска «Sub Pop» сделали ставку на «Love Buzz», первый сингл группы под названием «Нирвана».

Кортни считала EP «Mudhoney» одним из своих самых

больших источников влияния, но она не купила «Love Buzz» или что-нибудь ещё, выпущенное «Нирваной». Она слышала этот сингл, но его псевдовосточный саунд её не заинтересовал. Впоследствии, вернувшись в Портленд, она намеревалась купить сингл «Нирваны» в музыкальном магазине, где работал Дин Мэттисен. Проблема была в том, что она также хотела новый сингл группы под названием «Cat Butt», а у неё хватало денег только на один. Она посмотрела на фото «Курдта Кобэйна» на обложке в своей футболке «Харлей-Дэвидсон» и длинными волосами металлиста, вздохнула и выбрала сингл «Cat Butt». По крайней мере, они были сравнительно хорошо одеты.

Глава десятая

После трёх месяцев во тьме Кортни покинула Аляску и отправилась домой через Ванкувер, Британскую Колумбию. Она провела несколько недель в комнате без окон в оранжевых меблированных комнатах, всё ещё слишком толстая, чтобы устроиться на хорошую работу стриптизёршей, работая по воскресеньям, когда у гибких блондинок с силиконовой грудью был выходной. Вскоре она вскочила на «Грейхаунд» и отправилась в Сиэтл.

«У меня было мало представлений о Курте [Кобэйне] и Марке [Арме], - впоследствии рассказывала она рок-автору Пэмеле Де Баррез, — не в сексуальном плане, но… потому что в каждом городе есть такой вот парень, кумир-рок-звезда, король города. И про себя я думала: «Да, когда я соберу свою группу, ты будешь играть у меня на разогреве». Это было отличным способом брать ту энергию, сексуальную энергию, которая исходила от рока, и обмениваться ею».

Но этот обмен ещё не был отточен. «Я прошла два квартала и пошла снять комнату, — вспоминает она. — И за эти два квартала я поняла, что понадобится четыре месяца, прежде чем все в этом городе меня возненавидят».

Кортни вернулась на автовокзал и сумела убедить продавца, что её билет напечатан неправильно, и она на самом деле предполагает ехать в Портленд.

Кортни провела два месяца в Портленде, пытаясь собрать группу, и встречалась с владельцем музыкального магазина, красивым полумексиканцем с кожей цвета ореха и глазами шоколадного цвета, который поощрял её интерес к новой музыке. Однажды вечером она пошла на концерт «Dharma Bums» в «Satyricon». На разогреве играла «Нирвана».

За своей внешностью — волокнистыми белокурыми волосами, рычащим вокалом и грязью гастрольного тура — вокалист был удивительно красив — такой парень, которого можно было повесить на браслет с брелоками. Однако на неё не произвёл впечатления их концерт, и она отвергла их как «лавроркеров из Олимпии». Когда Курт Кобэйн проходил мимо её стола после концерта, он пристально посмотрел на неё, а Кортни посмотрела на него в ответ.

Он придвинул стул и налил себе пиво из её кувшина, эти безумно голубые глаза Чарли Мэнсона по-прежнему были сосредоточены на ней. («Я подумал, что она похожа на Нэнси Спанджен, — впоследствии говорил Курт. — Она была похожа на

классическую панк-рок-чувиху. Я на самом деле почувствовал, что она меня привлекает. Возможно, хотел трахнуть её той ночью, но она ушла».)

После того, как они обменялись неприятными комментариями, Курт вручил ей наклейку «Нирваны» с изображением Чим-Чим, его любимой пластмассовой обезьянки из «Гонщика Спиди». У Курта было несколько игрушечных обезьян, но Чим-Чим была особенно ему дорога, потому что она была очень реалистична — морщинистое маленькое существо с лицом, как у летучей мыши, и длинным тощим хвостом. Он клал ей на спину батарейки и проводил провода от этих батареек до электродов на её башке. На этой наклейке она, кажется, ела бабочку.

«На тебя дурно повлиял Дэйв Пёрнер», — сказала Кортни.

«Кто?».

Она посмотрела на него недоверчивым взглядом. «Парень из «Soul Asylem». Ты же, блин, думаешь, что ты — это он, правда?».

«Пошла ты … ооо, мне надо идти, вон моя подружка».

Кортни мельком взглянула в ту сторону клуба на Трэйси Мэрандер, чувственную девушку с огненно-рыжими волосами, для которой была написана язвительная песня «Нирваны» «About a Girl». «Она толстая!».

«Сука!». Курт столкнул Кортни с её стула и опрокинул на пол. Они пьяно грохнулись в болото пролитого пива и остатков сигарет. «Посмотрите на этого чёртова лав-рокера из Олимпии! — глумилась Кортни. — Да это совсем на него не похоже!». Как только эти слова вырвались из её уст, Курт наклонился и поцеловал её.

Если бы Курт не был с Трэйси, в ту ночь Кортни отвела бы его домой. К тому же, они больше не встречались полтора года — а когда они встретились, группа Кортни была на грани того, чтобы затмить группу Курта.

Портленд становился клаустрофобным. В начале 1989 года Дженнифер Финч убедила Кортни уехать в Лос-Анджелес. Маститая панк-группа Дона Боллза «Celebrity Skin» была одним из самых модных исполнителей в Голливуде. Кортни знала их несколько лет, даже писала о них в нескольких музыкальных журналах. Теперь она неожиданно появилась за кулисами, как дервиш. Впоследствии она узнала, что Дон и Тим, басист, в тот вечер заключили пари: если Кортни переночует у них, они добьются успеха. Если не переночует, то не добьются. Она осталась, потому что ей больше негде было жить. Во время вечеринки, которую устроили «Celebrity Skin», чтобы отпраздновать их новообретённый «успех», Дон отозвал Кортни в

сторону. «Ты вскоре повесишься, — сказал он ей. — Тебе будешь скучно».

Кортни посмотрела прямо в глаза этому тусовщику лет сорока. «Дон? Ты видишь это платье, которое на мне?». Она пригладила чёрный бархат на своих всё ещё широких бёдрах. «Ещё шесть месяцев, и в это платье смогут влезть три таких, как я. Так что заткнись».

Не обращая внимания на язвительность, это также наскипидарило ей задницу. Она решила бросить все свои побочные проекты — съёмки, посещения ночных клубов, раскрутку бездарных парней — и серьёзно сконцентрироваться на поиске группы. Она поместила объявление в «Flipside» и в «Recycler», известных лос-анджелесских информационных центрах для перспективных музыкантов: «Я хочу организовать группу. Мои источники влияния — «Big Black», «Sonic Youth» и «Fleetwood Mac».

Ожидая появления своих замечательных товарищей по группе, Кортни снова танцевала в «Jumbo Clown's Room», а также в «Seventh Veil» и «Star Strip», в местах, которые отказывались нанимать её, когда она была более крупной. Однако вскоре она уволилась: ди-джеи постоянно играли «Faith No More», и она не могла не думать об ухмылке, которая украсила бы точёное лицо Родди Боттума, если бы он узнал, что Кортни Лав раздевается под музыку его группы.

В нетерпении всё начать Кортни купила у своей соседки Лизы подержанный бас. Первым музыкантом, который откликнулся на её объявление в «Recycler», был Эрик Эрландсон, двадцатисемилетний продавец на «Capitol Records», который, как оказалось, обладает терпением нескольких святых. Прослушивание не походило ни на что из того, что он когда-либо видел раньше: «Это были Кортни и Лиза на басу без ударника. Я стоял там, играя такой шум, какой только мог придумать, а они бренчали на своих гитарах, крича во всё горло. Я подумал: «Вот это да, это будет интересно!».

«У него была черта Тёрстона [Мура], - вспоминает Кортни. — Он был высоким, тощим блондином. Он довольно круто одевался и знал, кто такие «Sonic Youth»». Она не представляла, что в её группе будут мужчины, но год спустя она наградит Эрика своей высочайшей похвалой: «[Он] играет, как девушка. Девушки играют с состраданием и яростью, и это может также быть ужасно и неприятно на слух».

В то время она была достаточно впечатлена, чтобы перезвонить ему и назначить встречу в кафе. «Она мне позвонила и просто оглушила своей болтовнёй, — рассказывал Эрик «Rolling

Stone». — Я подумал: «О Боже, о нет, во что я ввязываюсь?». Она схватила меня и начала говорить, и заявила: «Я знаю, что ты — единственный!». А я ещё даже и рта не раскрыл».

Эрик остался на долгие годы. После этого было много фальстартов. Лизу выгнали за то, что она была «за пределами дес-рока». Одна потенциальная гитаристка только что вышла из тюрьмы по таинственному обвинению в тяжком преступлении; она была меннониткой, в чьих текстах постоянно упоминались «челюсти Бога и Смерти». Наконец, они нашли басистку Джилл Эмери и барабанщицу Кэролайн Рю, и они обе оставались в группе в течение двух лет.

Первоначальное намерение Кортни состояло в том, чтобы назвать группу «Sweet Baby Crystal Powered By God» («Милая Малышка Кристел, Ведомая Богом»). Как только она опомнилась, из двух источников пришло название «Hole» («Дыра»). Первым был разговор, который был у Кортни со своей матерью, в котором Линда сказала ей, что у неё не может быть дыры внутри неё только потому, что она пережила проблематичное детство. (Чёрта с два не может! — подумала Кортни.) Вторым была строчка из трагедии Еврипида «Медея», в которой главная героиня говорит о дыре, проходящей сквозь её душу. Сексуальные подтексты этого слова никогда не были основной идеей, но они тоже не беспокоили Кортни.

Она стала флиртовать с Падающим Джэймсом Морландом, который был панк-трансвеститом, лидером группы под названием «Leaving Trains», а также до некоторой степени бывшим приятелем Дженнифер Финч. Дженнифер, которая теперь играла в «L7», не возражала; у неё было полно других, всё более и более молодых приятелей. Падающий Джэймс заехал за ней после работы однажды вечером и сказал: «Держу пари, что ты поедешь в Вегас и выйдешь за меня замуж».

Они перебрали дешёвых коктейлей, смешанных в казино в Лас Вегасе, где они поженились на совершённой на скорую руку церемонии перед самым рассветом. Когда они вернулись в Лос-Анджелес, Кортни заставила Морланда подбросить её в клуб «Lingerie», где она посмотрела, как «L7» играют на разогреве у «Gun Club» и рассказала всем, что она сделала.

Кортни и её друзья считали всё это шуткой, но Падающий Джэймс на следующий день пытался выломать дверь её квартиры, крича: «Я — твой муж!». Сейчас, спустя годы после развода и судебного решения о признании брака недействительным, Падающий Джэймс Морланд называет себя «Эдди Фишером панк-рока».

«Я думал, что женился на женщине-Джонни Роттене, —

рассказал он в интервью «New York Press» в мае 1996 года, — и это было политической ошибкой. Вместо этого мне досталась эта Филлис Диллер правого крыла». Он клеймит Кортни как ненавидящую гомосексуалистов консерваторшу (вообще не упоминая о её барабанщице-лесбиянке, геях, которые поддерживали её и работали с ней большую часть её жизни, о её собственных сексуальных экспериментах), и выражает параноидальный страх перед ней, утверждая, что во время их брака она «угрожала побить меня, когда я не делал то, что она хотела. Я так её боялся, что сразу же уступал.… Я [до сих пор] её боюсь».

Хотя эти заявления говорят гораздо больше о Падающем Джэймсе Морланде, чем они говорят о Кортни Лав, они также свидетельствуют о душевном состоянии Кортни. Слишком долго она слишком легко влюблялась; теперь она по закону связала себя с мужчиной, которого она вообще не любила, отчасти в шутку, отчасти для (хотя и временного) показателя того, что её муж — ведущий вокалист-трансвестит популярной группы. Хотя он был сопродюсером первого сингла «Hole», Кортни и Падающий Джэймс, в конце концов, стали настолько далеки, что семь лет спустя он мог по-прежнему говорить что-то вроде: «Большинство людей хотели бы покончить с собой, только узнав, кто она такая».

Каким бы коротким и необъяснимым, возможно, был их союз, вскоре Кортни образумилась. Она подала ходатайство в Верховный суд Калифорнии, чтобы аннулировать брак. Правовыми последствиями вынесения этого судебного решения о недействительности брака было признать этот брак недействительным с самого начала, ничтожным, тем, чего никогда не было.

«Это была самая глупая вещь, которую я когда-либо делала», — откровенничает она о своём браке. Что заставило её это сделать? Доказала ли она самой себе, что она может использовать мужчин так же легко, как они использовали её? Стимулировало ли предчувствие предстоящего успеха её давний порыв к самоуничтожению?

Как и можно было ожидать, Кортни также увлеклась Эриком Эрландсоном. Хотя они были любовниками полтора года, никто никогда на самом деле не считал их парой. «Странно, что никто не спрашивал, — рассказывал Эрик журналу «Kerrang!», — но мы были довольно близки. Я никому не советую встречаться с тем, с кем играешь в группе, но это — одна из тех вещей, которые просто иногда случаются. Вы работаете вместе и кончаете тем, что вместе спите. Это — часть жизни, но проблема в том, что оставаться в таком состоянии потом очень, очень трудно. Мы оба

теперь и ненавидим, и любим друг друга, потому что очень хорошо друг друга знаем».

Эрик влиял и по-прежнему успокаивающе влияет на Кортни. Их отношения не были очень романтическими, но они были более разумны, чем любые другие, которые у неё были. В отличие от её предыдущих приятелей он невозмутимо воспринимал её капризы, прихоти и тирады. Он обладает спокойствием, которое заставляет всякого рода оскорбления будто отскакивать от него. Когда Кортни пробудила у него интерес к буддизму, он тут же им увлёкся.

«Hole» играли свой первый концерт в «Raji's» в Голливуде, играя на разогреве у «L7», и вскоре их стали заказывать в панк-барах и клубах по всему Лос-Анджелесу. Многие из их ранних концертов не отвечали высоким стандартам Кортни. «Я начал играть такую новую вещь, — написала она об одном концерте, — и НИКТО НЕ ПРИСОЕДИНИЛСЯ, НИКТО, о, боже, это было так катастрофически и грубо. Как 3 отсталых ребёнка». Но они были достаточно хороши, чтобы вызвать интерес нескольких независимых студий.

Базировавшаяся на Лонг-Бич студия «Sympathy for the Record Industry» выпустила первый сингл «Hole», «Retard Girl», на обороте — «Phone Bill song» и «Johnnies in the Bathroom», в марте 1990 года. Отпечатанный на бледно-розовом виниле и содержащий на обложке фото Кэт Бьёлланд, показывающую свои трусики, этот сингл содержал листовку, в которой вкратце было написано:

ШУТКА. 1. Не имейте детей от людей, которые в будущем вас отвергнут…. Я СВОБОДНА ИЗРЫГАТЬ СВОЁ СОБСТВЕННОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ.

Глава одиннадцатая

После выхода «Retard Girl» «Hole» отправились в небольшой тур, играя в маленьких клубах и барах по все стране. В этом туре Кортни познакомилась с Билли Корганом, двадцатитрёхлетним ведущим вокалистом «Smashing Pumpkins», чей дебютный сингл «I Am One» был выпущен в 1989 году чикагской студией «Limited Potential». По слухам, они познакомились в доме наркоторговца, но на самом деле Билли предложил «Hole» остановиться в его квартире, когда они играли в Чикаго.

Билли был странным сочетанием чувствительной личности и человека, стремящегося держать всё под контролем. Тёмноволосый и тёмноглазый, с бледной кожей, он был на дюйм ниже Кортни, и у него была ужасная осанка и маленькое брюшко. «Билли Пампкин» никогда не был бы одним из её красавчиков — действительно, её описание его тела впоследствии вдохновит ревнивого Курта Кобэйна окрестить его «коробкой в форме груши». Сперва он не привлекал Кортни физически, но её привлёк его острый ум и временная лидерская доминанта.

Как и Кортни, в детстве Билли передавали различным родственникам, он был изгоем в школе, никогда не чувствовал себя по-настоящему желанным. «Почему вы меня завели, если вы меня не хотели? — вопрошал он своих родителей в прессе. — Почему вы меня завели, если вы не собирались заботиться обо мне?».

Хотя у Билли много лет была одна и та же то приходящая, то уходящая подруга, он и Кортни стали очень близки. Он вовсе не был тем единомышленником, которого, как она знала, она когда-нибудь найдёт, но он был гораздо ближе, чем Розз, и к этому времени Эрик Эрландсон стал больше напоминать ей брата. Также в их отношениях был задействован фактор, который Кортни раньше не испытывала: Билли Корган был достойным соперником. Теперь, когда мужчины-музыканты принимали её всерьёз, Кортни обнаружила, что она преуспевает в состязании. С тех пор она никогда не могла поддерживать серьёзный роман с тем, чьи таланты не соперничали с её собственными.

Говоря о соревновании, её некогда близкие отношения с Кэт Бьёлланд начинали её преследовать. На них всегда влияли одни и те же книги и фильмы (большой любимицей была Кэрролл Бэйкер в «Куколке», часто связываемая с инспирированием их вида «малолетней шлюхи»). Они менялись одеждой, риффами и текстами и, иногда, мужчинами. Теперь вышел первый альбом «Babes in Toyland», «Spanking Machine», и «Babes» гастролировали

по Европе с «Sonic Youth». Кортни чувствовала, что Кэт её обходит.

«Теперь она начинает меня беспокоить, и это — моя собственная вина, — писала Кортни одному из друзей. — Я не порождала её и не создавала её изобретательность, и не моя вина, что она ниже и симпатичнее меня, но, тем не менее, меня начинает беспокоить, что она делает успехи на моих трюках. Просто потому, что мой собственный трюк — это вдруг её трюк. Это безобразно. Я обучала её своему трюку, месяц за месяцем, год за годом, и вуаля! Чего я ожидала? Мои туфли больше не похожи на мои туфли. Я смотрю на платье и представляю, как это выглядело бы на ней, прежде чем его купить. Я ненавижу свою гитару, я хочу другую. Она говорит, что это судьба. Похоже на искупление».

Впоследствии у неё было другое мнение об этой вражде, которое Нил Карлен в своей книге «Babes in Toyland» назвал Войной Шмоток. «Я постоянно чувствовала, что мне докучают и меня обкрадывают, — говорила она в конце 1994 года. — Пока одна подруга не только написала обо мне, но ещё и отняла у меня часть моей собственной личности, и я изменила свою точку зрения. Видеть достаточно ценного в моей персоне, чтобы отобрать это у меня. Это был потрясающий комплимент, это был дар. Не моей душе, а моей личности; [Кэт] забрала её и создала из неё свой собственный мир. Это на самом деле подвигло меня на то, чтобы шевелиться и добиться успеха самой. Я ей благодарна».

Зимой 1990 года Кортни начала подолгу разговаривать по телефону с Дэйвом Гролом, ударником «Нирваны» и одним из приятелей Дженнифер Финч. Во время одного из их разговоров Кортни проговорилась, что она без памяти влюбилась в Курта, которого она прозвала «пикси-мит»*. Дэйв сказал Кортни, что она тоже нравится Курту, и что Курт страдает после недавнего разрыва со своей подружкой, барабанщицей «Bikini Kill» Тоби Вэйл.

«Я определённо искал ту, с кем я мог бы провести довольно много лет, — сказал Курт Майклу Азерраду, автору наиболее полной истории «Нирваны» «Приходи Как Есть». — Я хотел такой безопасности, и я знал, что этого не было с [Тоби]. Я просто устал от того, что не находил подходящую пару. Я искал всю свою жизнь. Я просто устал пытаться завести подружку, с которой, как я понимал, я, в конце концов, проведу не больше нескольких месяцев. Я всегда был старомоден в этом отношении … мне жаль, что я не способен просто играть на этом поле, но я всегда хотел большего, чем это». Трэйси Мэрандер была для него

«недостаточно артистичной». Тоби Вэйл был всего двадцать один год, она была слишком молода, чтобы думать о том, чтобы остепениться.

Кортни по-прежнему встречалась с Билли, но она не верила, что эти отношения куда-нибудь приведут: у Билли была постоянная подружка в Чикаго, и он странствовал всякий раз, когда ему заблагорассудится. Обнадёженная этим разрывом и откровением Дэйва, она собрала специальный свёрток для Дэйва, чтобы передать Курту.

Она много лет собирала шкатулки в форме сердца. Она выбрала викторианскую из шёлка и кружев, сбрызнула её внутреннюю часть своими духами и доверху упаковала её крошечными изящными вещицами: несколько морских ракушек и маленьких сосновых шишек, сухие чайные розы, кукла, набор миниатюрных чайных чашек. Она поднесла её к своему лицу, глубоко вдохнула её аромат, выдохнула в неё, как будто в её дыхании могло быть колдовство вуду. Потом она осторожно надела крышку, перевязала её лентой и вверила её заботе Дэйва.

Курт так и не ответил. Но Кортни никогда не сдавалась легко.

Глава двенадцатая

К началу 1991 года Кортни уже несколько месяцев делала заметки о дебютном альбоме «Hole»: добавляя и отвергая возможные песни, выбирая название, обдумывая иллюстрации и дизайн. Верная себе, она намеревалась сохранить как можно больше творческого контроля по каждому аспекту замысловатого процесса записи альбома.

В первый день нового года она написала черновик письма Ким Гордон из «Sonic Youth»:

Дорогая мисс Ким:

Вот плёнка нашей 7-дюймовки с «Sub Pop», которая, как предполагается, выйдет через неделю или две. Мы надеемся в следующем месяце записать LP. Мы встречались и думали, кого бы поискать в качестве продюсера, и помимо того факта, что мы бы предпочли работать с женщиной, нам очень нравится то, как звучит альбом «STP», и все на самом деле огроменно и (тут Кортни использует придуманное ею самой слово, чтобы изобразить крайнюю степень восхищения — Прим. пер.)* восхищены вашими работами. Если Вам вообще интересно, я дам Вам плёнку с репетиции. Для нас это была бы большая честь и восторг.

Это скромное официальное послание было украшено маленькими сердечками и подписано: «Спасибо, Кортни Лав».

На обороте страницы она перечислила аксессуары своего вида малолетней шлюхи, которым она была глубоко увлечена на тот момент:

Раньше пользовалась «Rembrandt» [зубной пастой], пока я не узнала, что они — спонсоры концерта Раша Лимбо. Мне нравится зубной порошок. Доп. пара нижнего белья (с высокой талией из белого хлопка из «Вулвортса»), «Carmex», 3–4 детских заколки, тушь «Great Lash» и тушь «YSL Moss», 2 чистых пуховки «Max Factor», доп. старинная белая комбинация, серо-коричневые тени «Bobbi Brown», карандаш «Christian Dior Holiday Red», «Wet'n'Wild Shiny Frosty Pink», моя четвёртая пара солнцезащитных очков с фальшивыми бриллиантами «Marilyn» от «Patricia Fields» (98 $, и я постоянно их разбиваю).

Этот стиль малолетней шлюхи, развиваемый Кортни и Кэт, так точно подходил расцветающему движению Восставших

Девввшек, что некоторое время «Hole» и «Babes in Toyland» считались первыми группами Восставших Девввшек. Но истинные корни Восставших Девввшек были в Колледже Вечнозелёного Штата в Олимпии, штат Вашингтон, где четыре молодые женщины основали феминистский журнал под названием «Bikini Kill», потом — группу с таким же названием. Расширившись до широкой сети журналов и групп, Восставшие Девввшки надеялись разрушить патриархальную структуру власти, и какого чёрта сперва учиться трём основным аккордам.

Первые Восставшие Девввшки были воинствующими панк-феминистками, но, как и любая тенденция, этот «вид» просочился во всё население. Вскоре девочки-подростки по все стране носили пластмассовые заколки, коробки для завтрака «Hello Kitty», приходили на концерты со словами типа «ШЛЮХА» и «СУКА», нацарапанными на их телах помадой или «Мэджик Маркером». Кортни сомневалась, понимают ли эти девочки иронию такого вида, или их просто поощряли казаться молодыми, привлекательными и безобидными. Она рассказала «Melody Maker», что боится, что Восставшие Девввшки стали слишком «мелкими, крошечными, обмочившимися, милашками. Я думаю, причина, по которой СМИ так возбуждены по этому поводу, это потому, что говорят, будто женщины глупы, женщины наивны, женщины простодушны, неуклюжи, своевольны.… [Но] я [тоже] носила те маленькие платья, и иногда я жалею об этом».

В марте 1991 года «Sub Pop» выпустили второй сингл «Hole», «Dicknail», с «Burn Black» на обороте. Это было в некотором роде достижением: «Sub Pop» выпустили большую часть музыки, которая вдохновила Кортни на возвращение к этой художественной форме. В то же время они записали свой дебютный альбом, с сопродюсерами Ким Гордон и Доном Флемингом (из «Gumball»). «Pretty on the Inside» («Хорошенькая Изнутри») часто описывается неэнтузиастами панка как трудный или даже невозможный для прослушивания. Слушатели, которые собаку съели на группах вроде «Sonic Youth» и «Minutemen», могут не согласиться, но этот альбом был, конечно, достаточно бескомпромиссным, чтобы удовлетворить тягу Кортни к восхищению среди городской молодёжи.

«Когда я сочиняла «Pretty on the Inside», меня только что выгнали из «Babes in Toyland», и я испытывала сильное желание подраться, — говорила она после выхода этого альбома. — Я говорила: «Я буду самой злой девушкой в мире, вашу мать!». Я не хотела иметь какие-то недостатки в своей внешности и помещать туда нечто резкое. Мне очень жаль, что я не поместила туда что-нибудь приятное. Я имею в виду, я довольна, что люди не ждут от

меня многого, но в то же время мне жаль, что они подозревают, что у меня есть подозрение, как писать».

В мае за кулисами на концерте «Butthole Surfers» / «Redd Kross» / «L7» в «Palladium» Кортни увидела Курта. Она ударила его кулаком в живот (возможно, за то, что он не поблагодарил за её шкатулку в форме сердца, возможно, просто от страсти), он ударил её кулаком в ответ, и они в драке упали на пол. «Это был ритуал спаривания для дисфункциональных людей», — говорит она.

«Нирвана» была в городе, записывая «Nevermind» в «Sound City», той самой студии, где «Fleetwood Mac» записывали любимый Кортни «Rumours». Оказалось, что Курт живёт всего в квартале от Кортни. В тот вечер концерта в «Palladium» больше ничего не случилось, но вскоре после этого Кортни позвонили в шесть утра. Это был Курт. «Я могу заехать? У тебя есть наркотики?».

Кортни и Эрик жили в одном многоквартирном комплексе, и они всё ещё иногда делили постель, хотя к тому времени их отношения были чисто платоническими. «Нет, у меня нет никаких наркотиков, и сейчас, чёрт возьми — шесть утра, и у меня свидание».

«Ну, просто позволь мне заехать».

«Ну… хорошо». Она сделала так, чтобы её голос звучал бесстрастно, пока они не закончили разговор, потом растолкала Эрика. «Эрик! Поднимайся наверх!».

«Почему?».

«Потому что едет Пикси-Мит».

Эрик знал всё о девчачьей глупости, которую она питала к Курту. Всё ещё полусонный, он побрёл наверх и завалился в свою собственную кровать.

Курт приехал с бутылкой сиропа от кашля — гикомина. «Ты, котик, — сказала ему Кортни. — Ты не должен это пить, это вредно для твоего желудка». (Она уже знала о его проблемах с желудком, которые были хроническими, но ещё не травмирующими). Потом она принесла бутылку сверхсильного викодина. «Нас связали фармацевтические препараты», — вспоминает Кортни. Но, хотя у них был секс, в то утро они не были связаны. Несмотря на своё более позднее утверждение, что Курт искал это всю свою жизнь, он отказывался так скоро заводить ещё одни серьёзные отношения после неудачи в последних, и он знал, что любые отношения с Кортни будут серьёзными.

«Она была похожа на яд, потому что я только что избавился от последних отношений, поддерживать которые я даже не

хотел, — сказал он Майклу Азерраду. — Я был настроен несколько месяцев быть холостяком. Мне просто пришлось. Но я понимал, что мне сразу же очень понравилась Кортни, что это была очень трудная борьба, чтобы держаться от неё вдали столько месяцев. Это было чертовски трудно. В то время, когда я пытался быть холостяком, беситься и жить жизнью холостяка-рок-н-ролльщика, я не переставал кого-то трахать или вообще хорошо проводить время».

У Кортни и без того было полно дел, чтобы пытаться гоняться за мужчиной, который не мог решить, интересуется он ею или нет. Их альбом был закончен, и у них были планы гастролировать по Европе с «Mudhoney». В июне «Hole» получили свой первый восторженный отзыв (озаглавленный «Инородное Отверстие») от автора из «Melody Maker» Эверетта Трю, который попал на их концерт в голливудском клубе «Lingerie»:

Кортни Лав, вокалистка «Hole», говорит мне, что я пишу, как влюблённый. Робкий влюблённый. Кортни Лав была бы никудышной любовницей — она однажды трахнет тебя, заставит тебя влюбиться, а потом уйдёт, решив, что ты мёртв. Однако любой опыт лучше, чем вообще никакого. Я полагаю. Как сказала бы Кортни, хрен с ним! Ты хочешь весь день кататься в грязи, ты хочешь без остановки мастурбировать, ты хочешь быть шлюхой четыре года? Хрен с ним! Ты не можешь изнасиловать того, кто этого хочет!

«Hole». Да, верно. Сегодня вечером в Голливуде, среди фильмов о стриптизёршах и историй о страдании и веселье я видел лучшую… нет, вычеркните это. Сегодня вечером я видел единственную рок-н-ролльную группу в мире. То, что делается с определённым количеством энергии, удачи, боли, страсти, злости, наполняет три мажорных аккорда, я полагаю. Кортни Лав попеременно описывали как «внебрачное дитя Мадонны и Лидии Ланч» и «Мадонну пьяницы». Точные описания, и то, и другое, разве что малость несерьёзные, на мой вкус.

[С]егодня вечером «Hole» заставляют меня забыть, где я, а мои ноги изо всех сил топочут, так, как они делают только от усталости или самых крайне экстремальных шумовых помехах. И если я не влюбился на этот раз, то я никогда, чёрт возьми, не влюблюсь. Проще говоря: потрясающе. Конечно, группы есть группы и глупые тупые создания, которые и мухи не обидят, пока она не приблизится и не скажет «ку-ку», сидя на носу, «Hole» считают, что они никогда не звучали хуже, открыто критикуя барабанщицу за её грехи и тяжёлые времена впоследствии. Эрик пытается бросить свою гитару в нашего отважного фотографа, вот

так вот. Боже! Это было плохо? Давайте не бросать в меня эту хорошую вещь слишком быстро, а? «Hole» — это чёртово открытие.

Так что давайте поговорим о песнях. О песнях, хорошо? «Teenage Whore» является почти что самой тревожащей вещью, которую я слышал с тех пор, как Пэтти Смит открыла «Piss Factory», а потом свалила, чтобы стать домохозяйкой средних лет, только это более личный путь. Типа, ты сочувствуешь своей матери, когда Кортни кричит на нас о том, как её вышвырнули из дома за то, что она валяла дурака. В «Garbadge Man» (запись в примечании) самая сексуальная концовка с тех пор, как Энн Магнусон из «Bongwater» ныла: «Я хо-о-очу одного» в конце «Nick Cave Dolls» — и это несколько сексуально, говорю вам. «Good Sister/Bad Sister» — это «Beat Happening», если бы они выросли феминистками, слишком много внимания уделяющими сексу, и нервными. «Baby Doll» — самая неубедительная, потому что она звучит как такие средних лет среднего класса идиоты-«Sonic Youth». Ну и чёрт с ними. Видеть Эрика и Джилл, неистово овладевающих (и поверьте мне, вы вообще не видели овладевания, пока вы не увидели «Hole») сценой стрип-клуба более чем компенсирует это. А Эрик играет «Black Sabbath» лучше, чем любой белый парень, которого я когда-либо видел.

О, чёрт. Давайте на это остановимся. «Hole» сексуальны, привлекают внимание, одержимы и совершенно, совершенно честны. Они заставляют Брета Истона Эллиса казаться никудышным шутником. Я приехал в Лос-Анджелес, думая, что я знаю всё, что мне надо было знать о роке. Я уехал, в сущности, новичком.

«Hole» — единственная группа в мире. Это единственный способ чувствовать.

После завершения «Nevermind» «Нирвана» провела лето, гастролируя по Европе с «Sonic Youth». Тур «Hole» с «Mudhoney» последовал несколько недель спустя, они играли во многих из тех же самых клубов, и Кортни сообщали, что Курт оставлял для неё загадочные граффити во всех гримёрках. На Фестивале в Рединге Кортни выпивала с Кэт и Ким Гордон, когда за кулисами появился кинорежиссёр Дэйв Марки, снимающий документальный фильм «1991: Год Панк-Прорыва». Кортни посмотрела прямо в камеру и нечленораздельно произнесла: «Курт Кобэйн заставит моё сердце замирать. Но он — дерьмо».

Он почти доказал это позже в туре, когда они встретились в одном клубе в Лондоне. «Скоро я буду рок-звездой», — сказал он Кортни.

«Не будешь».

«Буду. Я буду крутой рок-звездой. Я куплю своей жене антиквариат — очень дорогой антиквариат».

Вскоре после того Курт ушёл из этого клуба с двумя чувственными английскими девушками, убедившись, что это видит Кортни. Не желая позволять ему думать, что её это волнует, Кортни крикнула ему вслед: «Я надеюсь, тебя трахнут!».

Она наблюдала, как Марк Арм из «Mudhoney» почти каждый вечер прыгает со сцены, кидая своё длинное тощее тело в море ожидающих рук, и эта практика заинтриговала её. В «Astoria» в Лондоне она, наконец, решилась на этот шаг — и пожалела об этом. Сразу сотни рук оказались на всём её теле, ощупывая, царапая, овладевая. Когда она вернулась назад на сцену, она была почти голая и в слезах. Она обрушила на толпу поток словесных оскорблений, потом посреди этого она разбила свою гитару. «Она разбилась на миллион частей, — рассказала она «Siren» вскоре после этого. — Типа, как раз рок-вещь. Я её уничтожила. Я не думала. Я могу быть примитивной. Я могу делать это и не рассуждать, разбивая свою гитару на глазах у тысячи шестисот человек — вашу мать! Столько всего не получалось, и я просто так обезумела. Я, возможно, в тот вечер нанесла ущерб примерно на пять тысяч долларов».

«Я вернулась на сцену по существу голой, на всём моём теле были грязные руки… и т. д… — напишет она в Интернете спустя годы, вспоминая тот инцидент. — ЧТО ТАКОЕ И.Т.Д.? ну это было просто и т. д., я видела фото того момента, я улыбалась, притворяясь, что всё хорошо, я полагаю, до меня начало доходить, что я сама в этом виновата — из-за обесцвечивания, косметики и из-за того, что я была в «маленьком» платье…».

«Pretty on the Inside» был выпущен «Caroline Records» в сентябре 1991 года. Он был посвящён Робу Риттеру, другу-музыканту, который умер от передозировки героина в 1990 года, на его обложке было смазанное фото группы на ярко-розовом фоне, а на обратной стороне волнующе броский рисунок Джилл Эмери, и лист с текстами, частично написанный Кортни от руки и украшенный вырезанными фотографиями кукол, священных сердец и женских тел.

Этот альбом был единодушно хорошо принят. Эдвин Паунси из «New Musical Express» сравнил его с американскими панк-классиками вроде «Horses» Пэтти Смит и дебютных альбомов «Ramones», «New York Dolls» и «Television». В то время как большинство рецензий было сконцентрировано на выдающейся предводительнице «Hole», Паунси воздал должное другим членам группы. «Дикий крик женского блюза Кортни (тени Джэнис

Джоплин с её наилучшей подорванной бурбоном стороны) одинаково соответствует инструментальному аспекту «Hole», беспросветной стене звукового бетона, которая выдерживает всё, что Кортни может в неё бросить».

«Teenage Whore» была выбрана «Spin» Синглом Недели, а альбом добился успеха в списке «Adventure Picks» «CMJ», влиятельного журнала, направленного на колледж- и независимые радиостанции. Элизабет Вурцель (автор «Нации Прозака») написала в «New Yorker»: «Pretty on the Inside» — это такая какофония — полная таких резких, абразивных и неприятных сгустков шумов — что очень немногие люди, вероятно, выдержат это один раз, не то чтобы слушать его повторно, что вам потребуется, чтобы обнаружить, что это, возможно, самый сильный альбом, выпущенный в 1991 году».

Неделю спустя вышел «Nevermind» «Нирваны». Учитывая первоначальный тираж в 50 000 экземпляров, который составлял столько, сколько было продано «Bleach», вскоре «Nevermind» продавали за день больше, чем «Bleach». Но к тому времени группа была в туре и имела незначительное представление относительно своих собственных доходов от продаж. В Атенсе, штат Джорджия, они отрывались на вечеринке в викторианском особняке гитариста «R.E.M.» Пита Бака. Тогдашняя жена Бака Бэрри, которая управляла клубом «40 Watt», заметила, что Курт без остановки говорит о вокалистке из «Hole». Когда Кортни случайно поговорила с Бэрри Бак несколько недель спустя, Бэрри поделилась этой интересной новостью.

10 октября Кортни ухитрилась прикарманить билет на самолёт в Чикаго у одного менеджера индустрии звукозаписи. Она сказала ему, что хочет сходить на «Нирвану» в «Metro», но она на самом деле думала, что они играли там два вечера назад; она на самом деле только хотела повидать Билли Коргана. К сожалению, она не сказала Билли, что приезжает. Когда Кортни добралась до его квартиры, там была его подружка. Разгневанная женщина начала швырять из окна обувь, и Билли велел Кортни уйти.

«Хорошо, прекрасно, — рыдала она, — я пойду на «Нирвану». (Она всё ещё думала, что они играли два вечера назад, но она также знала, что Билли ревнует к Курту.) — Где «Metro»?».

Билли неправильно указал ей дорогу, и вскоре она оказалась в дебрях сгоревшего разрушенного гетто. В смятении она оставила часть своего багажа у Билли, и всё, что у неё было, это мешок дамского белья. Она потратила свои последние десять долларов на поездку на такси к «Metro», где оказалось, что «Нирвана» на самом деле играет. «Могу я остаться сегодня

вечером у тебя в гостинице?» — спросила она Курта.

«Почему?».

«Потому что Билли Пампкин выгнал меня, представляешь».

«О Боже, так нехорошо, что ты с ним встречаешься».

«Я больше с ним не встречаюсь. Но да, ты прав». Кортни начала плакать.

«Что случилось?».

«Я не думаю, что кто-нибудь когда-нибудь, типа, меня полюбит».

«Ну, меня тоже никто никогда не полюбит».

«О, хорошо…».

Их взгляды встретились и замерли, и это был решающий момент.

Кортни заставила себя позвонить Билли. Она знала, что с Куртом произойдёт что-то особенное, что-то большее, чем кто-то из них ожидал раньше, и она хотела сперва полностью порвать с Билли. «Я не хочу делать это подло, — сказала она Билли. — Я не собираюсь делать то, что делал ты. Теперь я буду с Куртом, но я могу полететь и встретиться с ним позже, если ты захочешь поговорить с глазу на глаз. Ты хочешь сегодня со мной увидеться?». (Было уже далеко за полночь).

«Сегодня я должен увидеться с братом. Возможно, я увижусь с тобой сегодня вечером».

«Билли, твою мать, я прилетела сюда, чтобы тебя увидеть. Я не вернусь. Я не собираюсь необдуманно отдаваться Курту».

«К чёрту, — сказал Билли. — Просто делай то, что хочешь».

Кортни повесила трубку, вернулась в гостиницу «Нирваны», «Дэйз Инн» на Дайверси, и напилась с ними. Курт примерил кое-что из дамского белья Кортни, этот вид очаровал её вне всякого контроля. Курт делил номер с Дэйвом Гролом, и когда эта свежеиспечённая пара начала шумно заниматься любовью на кровати Курта, Дэйву пришлось уйти спать к звукооператору.

На следующей неделе Кортни пришлось лететь в Германию на концерт. Она послала Курту длинный факс, который начинался с проницательного анализа («Никто не имеет право заставлять тебя чувствовать себя виноватым по поводу того, чего ты заслуживаешь. Я знаю, что тебе нужен кто-то, чтобы заставить тебя чувствовать себя виноватым, чтобы ты мог притворяться, что ты этого не заслуживаешь, потому что ты очень боишься того, на что ты способен, потому что внутри ты на самом деле злорадствуешь, или нет, даже слегка злорадствуешь, ухмыляешься, глупеешь») и разражалась панк-рок-бравадой («Я просто попросила у одной немки сигарету, а она сказала НЕТ. Такая сука, я хочу, чтобы она умерла») до легкомысленного

сожаления («мне жаль, что я не могу замочить, по крайней мере, половину тех людей, с которыми я когда-либо торговалась, потому что это была пустая трата яиц, молока и сливок «Монистат»». Он был подписан: «Твоя Личная Богиня».

Потом она полетела домой, и они стали постоянно жить вместе. В течение следующих двух с половиной лет Курт и Кортни никогда не проводили врозь больше нескольких недель.

Глава тринадцатая

Курт Дональд Кобэйн родился 20 февраля 1967 года в промышленном городе Абердине, штат Вашингтон. Он был первым ребёнком Венди Фрэйденберг-Кобэйн, домохозяйки, и Дональда Кобэйна, механика. Брат и сестра Венди играли в группах, и Курт очень рано заинтересовался музыкой; фотографии, где он молотит на игрушечной гитаре, были сделаны перед самым его вторым днём рождения*.

Ему, маниакальному, непослушному и гиперактивному, в семь лет прописали риталин, а потом успокоительные средства, без особого успеха (возможно, этого, как все думают, пытались достичь его родители и врачи — если они намеревались сделать его более счастливым и «более нормальным» ребёнком, они потерпели неудачу). В следующем году его родители развелись, что, кажется, отправило его в постепенное движение к пожизненной депрессии. «Это разрушило его жизнь, — впоследствии говорила Венди Кобэйн (теперь Венди О`Коннор). — Он полностью изменился. Я думаю, ему было стыдно. И он стал очень замкнутым — он просто держал всё в себе. Он стал очень застенчивым».

После этого развода Курта перемещали от родителя к родителю и, в конце концов, по различным родственникам. Как и Хэнк Харрисон, Дональд Кобэйн отсутствовал эмоционально, если не физически; как и Линда, Венди О'Коннор была слишком травмирована событиями собственной жизни, чтобы заботиться о своём первенце. Курт несколько раз убегал из дома, жил в домах друзей или под мостом, ненавидел школу и часто забивал на неё, учился играть на гитаре, увлёкся роком, а потом панком.

(«Он был тайным дес-рокером, — впоследствии признавалась Кортни. — Кое-что из произведений искусства, которые он покупал, было таким готическим, что это невероятно. Если вы на самом деле слушаете «Нирвану», что-то из этого отчасти похоже на «Bauhaus». Но он никогда бы в этом не признался. Он составлял список своих любимых альбомов, и я даже не видела там «Zeppelin». Или «Devo», или «Bauhaus». Это всё были малоизвестные группы.… Это была одна из наших самых крупных ссор. Я говорила: «Этот список, зачем ты его составляешь?» — это должно было быть в книге Азеррада. Он говорил: «Так ребята будут это покупать». Я говорю: «Ребята будут покупать «Saccharine Trust» и всё такое? Но ты даже больше не можешь крутить эти чёртовы альбомы «Bauhaus», у них такие начёсы»).

Когда в жизнь Курта вошли наркотики, он привык к ним

гораздо быстрее, чем Кортни. Кортни получала удовольствие от наркотиков, но она всегда слишком стремилась держать всё под контролем, чтобы позволить им управлять своей жизнью; она принимала их для забавы, за компанию, потому что они были. Курт принимал наркотики, потому что из-за них он чувствовал себя лучше. Он всегда страдал от неопределённых недугов; у него был хронический бронхит, незначительное искривление позвоночника и таинственные, вызывающие страдания проблемы с желудком, которые будут мучить его до конца дней. Опиаты захватили его. Он пристрастился к перкодану, когда он ещё учился в школе, бросив его без особой боли, потом попробовал героин.

Хотя он приобрёл эту привычку не сразу — в Абердине не было никакой постоянной поставки — это была любовь с первого укола. Он всегда знал, что попробует героин, и как только он сделал это, он понял, что сделает это снова, как только у него будет возможность. К тому времени, когда с ним познакомилась Кортни, он часто кололся.

Прежние подружки Курта плохо реагировали на то, что он принимает наркотики. Трэйси была этим напугана, а Тоби чувствовала отвращение — в здоровой, счастливой Олимпии никто не принимал тяжёлые наркотики, а если и принимал, то не говорил об этом. Кортни приняла это как обычную часть его жизни, особенно когда он рассказал ей, что героин облегчает его боль. Это было то, что она могла понять.

Курт был слабым, с костями, как у птицы, исключительно изящным. Более стройная, чем она была через несколько лет, Кортни всё ещё перевешивала его на добрые десять фунтов. Из-за его пассивного поведения она была очень нежной с ним, почти по-матерински. Она не чувствовала себя такой близкой ни к кому после Джинивы из исправительной школы, Джинивы, едва ли не её возлюбленной, и она убедилась, что между ними двоими была какая-то внутренняя связь. Возможно, её любовь к Курту могла смягчить часть душевной скорби, которую она всё ещё чувствовала из-за Джинивы.

«В той прекрасном чистом номере мы зашли так далеко», — писала она о жизни с Куртом в какой-то безымянной гостинице. — Номер был такой удобный, грязный и крутой. Он сказал мне, что он меня любит, и я знаю, что он любит. Это просто казалось таким нереальным — те ясные глаза прожигали во мне дыры. Из-за этого я хотела защищать его, скрывать его от людей, которые обижали его /использовали его…. Я хочу проводить с ним много времени. Вчера ночью я не могла уснуть, и мне почти снилось, что мы занимаемся любовью, и я

проснулась, крича от боли в ЖИВОТЕ, и мне пришлось его позвать, я чувствовала себя так, будто моё сердце разорвётся, но потом я поговорила с ним, и я была так счастлива. ТАК СЧАСТЛИВА».

К ноябрю 1991 года и «Hole», и «Нирвана» гастролировали по Европе. «Nevermind» уже стал в США платиновым, и «Нирвана», казалось, разваливалась в классическом пути к славе. Говорили, что у Дэйва Грола развилась клаустрофобия и внезапный страх полётов. Крист Новоселич всё время был пьян дорогим бордо. Тощее тело Курта терзали боли в желудке и бронхит; он непрерывно курил, потягивал ликёр и сироп от кашля, его рвало перед концертами.

Когда Кортни могла быть рядом, её присутствие успокаивало Курта. Но она часто испытывала противоречивые чувства из-за того, что она там, чтобы успокаивать звезду, даже если он был любовью её жизни. «Я тоже на 100/-ов знаменита, — писала она. — Я продала около 100/-ов альбомов. Я так раздета, так прибита, я хочу тебя, тебя, тебя, тебя, я хочу обнимать тебя, быть твоей Матерью х Шлюхой, ты будешь моим мужчиной х парнем девушкой девушкой девушкой самые странные 2 девушки в мире. У нас есть деньги. Вашу мать».

С другой стороны, эти отношения (и, возможно, это соревнование) подпитывали её творческий потенциал. Она исписывала целые записные книжки текстами, включая большинство песен, которые впоследствии появятся на «Live Through This». Где-то ко Дню Благодарения в Амстердаме они впервые приняли героин вместе, получая от него искреннее полноценное удовольствие.

Поскольку слава «Нирваны» увеличивалась, ревность Кортни приобрела оттенок страха за Курта. Она видела множество жертв славы, и она не собиралась позволять ему стать таким. 5 декабря, лёжа вместе в постели, они решили пожениться.

Тур «Нирваны» закончился на следующий вечер во Франции. Курт прилетел обратно в Сиэтл и оставался под кайфом, пока Кортни не вернулась домой позже в декабре. Они переехали в лос-анджелесскую квартиру Эрика Эрландсона и пошли покупать обручальные кольца. Кортни купила старинный рубин, Курт — филигранное золотое обрамление.

В том декабре Кортни пережила потерю старого друга. Девятнадцатого числа «Hole» играли в «Whiskey A Go Go». Джо Коул, бывший тур-менеджер «Hole», который снимал первый тур группы, посетил концерт со своим хорошим другом Генри Роллинзом. По пути домой Роллинза и Коула остановили двое

вооружённых бандитов, настроенных совершить грабёж, и Коула застрелили.

Кортни не слышала об этом до следующего вечера. Они с Куртом только что получили его визу для предстоящего японского тура «Нирваны» и зашли в «Hamburger Hamlet», где тусовались многие их друзья. Там была одна подруга по имени Марша с гот-рок-легендой Сьюзи Сью. Кортни никогда раньше не встречала Сьюзи и была готова увлечься, но Марша сказала: «Ты слышала, что вчера ночью случилось с Джо?».

«Нет, а что?».

«Ну, его застрелили».

«С ним всё в порядке?».

«Нет, он мёртв».

Джо Коул был только вторым близким другом, смерть которого пережила Кортни. Первым был Роб Риттер из группы «45 Grave», но это было из-за героина, и каким бы ужасным это не казалось, смерть героинщика никогда не бывает полной неожиданностью. Смерть Джо была другой: случайной, огромной и ужасной. «Live Through This» предполагалось посвятить его памяти.

Эта договорённость о проживании с Эриком продлилась недолго. Вскоре Курт и Кортни жили в ряде гостиниц, как можно дольше оставаясь в постели, принимая коричневый мексиканский героин, который Курту приходилось колоть в руку Кортни — она по-прежнему не могла попасть в собственную вену.

Теперь, когда у Курта было с кем делиться, наслаждаться, заниматься небрежным, ленивым, пропитанным героином сексом, он принимал наркотики больше, чем когда-либо раньше. В стане «Нирваны» вину возложили на Кортни, даже вплоть до предположения, что она пробудила у него интерес к этому наркотику.

«Это было так, — рассказывала Кортни Майклу Азерраду. — «Эй, знаешь, что? Я только продала миллион чёртовых альбомов, я заработала миллион долларов, я собираюсь разделить их с тобой, и давай кайфовать!».

«[Героин] — это наркотик, который делает тебя сонной и счастливой. Это — наркотик, который принимаешь, если находишься в чёртовой пятизвёздочной гостинице и можешь заказать себе в номер всё, чёрт возьми, что хочешь, и ты можешь просто лежать в кровати и вовсю пускать слюни, потому что у тебя в банке миллион баксов. Это — наркотик, который принимаешь, когда хочешь навеки оставаться ребёнком».

Если это объяснение заставило руководство нервничать, интервью Курта и Кортни в апрельском номере «Sassy» 1992 года,

должно быть, их поразило. «За последние несколько месяцев, — начал Курт, — я влюбился, и моё отношение резко изменилось, и я не могу поверить, насколько я стал счастливее, и насколько я даже менее ориентирован на карьеру. Порой я даже забываю, что играю в группе, так я ослеплён любовью. Я знаю, что это звучит смущающе, но это правда. Я мог бы бросить группу прямо сейчас. Это неважно».

Они говорили о викторианском доме, который они планировали купить в Сиэтл, и о ребёнке, которого они хотели иметь.

Это интервью проводилось в январе, когда «Нирвана» была в Нью-Йорке, чтобы записать выступление на «Saturday Night Live». «Мы были навеселе, — впоследствии говорила Кортни. — Мы приняли много наркотиков. Мы купили таблетки, а потом дошли до Элфабет-Сити, и Курт был в шляпе, я была в шляпе, и мы приобрели кое-какие наркотики».

«Люди просто ждали в очереди, — изумлялся Курт. — Адвокаты, бизнесмены в костюмах-тройках, героинщики, босяки, самые разные люди».

Вернувшись в Лос-Анджелесе, они сняли квартиру на Норт-Сполдинг-авеню в районе Фэйрфакса и принялись украшать её кукольными головами, игрушечными обезьянами, шкатулками в форме сердца, сигаретными окурками и граффити. Однажды ночью после ссоры Кортни нацарапала на стене: «МОЙ ЛУЧШИЙ ДРУГ», чтобы напомнить Курту об их истинных отношениях. «Я просто вставал, принимал наркотики, слушал музыку, рисовал и играл на гитаре, — говорил Курт об этом периоде. — Это было восстановление. Я был в туре семь месяцев. Мне нужно было это делать».

«Pretty on the Inside» попал в топ-двадцатку лучших альбомов «Melody Maker», а «Teenage Whore» — в топ-двадцатку синглов в Англии. По стандартам независимого рока, «Hole» были обалденными. Но жизнь с самой успешной рок-звездой в мире могла бы задеть чью угодно уверенность в себе. Кортни боролась с этой дилеммой ещё с Европы. Она гордилась Куртом и думала, что он полностью заслужил свою славу и благосостояние. Но она тоже это заслужила. Она далеко продвинулась в своей собственной решимости и таланте. Она бы провалилась на месте, если бы её стали воспринимать как ту, которая теперь добилась успеха благодаря своим связям.

А потом она на самом деле провалилась на месте.

В конце января она выяснила, что беременна.

Глава четырнадцатая

Будет ли у него две головы? Будет ли он беспомощным? Кортни спрашивала себя, но знала, что она должна родить этого ребенка. Было невозможно, чтобы она могла уничтожить эту смесь Курта и себя самой.

Прежде всего, даже тогда, она знала, что Курт не намеревался прожить долгую жизнь. Она намеревалась привязать его к этому миру по возможности на максимальное количество лет, но его тело было таким слабым и напряжённым, его восприятие своего собственного таланта — таким незначительным, его голова была слишком полна наваждений. Кортни боялась, что если она прервёт эту беременность, у неё, возможно, не будет шанса зачать с ним ещё одного ребёнка.

Тератолог, с которым они консультировались для гарантии, сказал им, что употребление героина в первом триместре беременности не причиняет никакого известного вреда развивающемуся зародышу. («Но скажите это какой-нибудь американской домохозяйке, — говорил Курт. — Вы не можете ожидать, что в это кто-то поверит».) Кортни могла позволить себе принимать его постепенно и легко. Их опасения развеялись, и они решили продолжать детоксикационную терапию и беречь свою Бин («Фасолину») (названную из-за её формы на сонограмме).

Они остановились в «Холидей Инн» и вверили себя заботе детоксикационного врача. Вскоре в ванной появился запах их тяжёлой болезни. Кортни коротала время за написанием длинных писем, включая это, похожее на «Под Стеклянным Колпаком», одной из подруг:

У меня самый лучший вкус в этом городе. Моя спальня персикового цвета. Имитация викторианской. У меня, наконец, есть стёганое одеяло из гагачьего пуха… 27 лет. Я заслуживаю живые цветы…. Я едва могу писать даже это, настолько у меня нет вдохновения. Боже, мне нужна вся та помощь, которую я могу получить…. Вот и мы, грандж-пара с корпоративными правами, и все уже от нас устали. Мы — уже институт. Он — тарелка хлопьев. Очень таинственный…. Я так жутко хочу растирания для шеи, что даже не прочь их перенести.

Кто-то спросил Джэнет [Биллиг, менеджера «Hole»], не ТЕРЯЛА ЛИ Я СВОИ ПРАВА. Я не умею водить…. Я лежу ничком, выжатая, доведённая до отчаяния и опустошённая, я клянусь, подавленная, не мёртвая из-за своего вкуса и любви к ткани и запаху, но почти мёртвая. Это самое лучшее, что я написала за

месяц…. Меня просто жутко рвёт, и я пытаюсь притворяться, что это происходит не со мной. Я люблю его. Мы соединены, как медальон.

Спустя два дня после того, как они прошли детоксикацию, «Нирвана» улетела на гастроли в Австралию. Ища облегчение от приступа боли в желудке, Курт быстро (и, как он утверждал, случайно) снова подсел на опиаты. «Я думаю, что я буду принимать какие-нибудь лекарства от желудка, а врач просто предполагает, что я только недавно избавился от героина, я прохожу детоксикацию, и я в туре, поэтому мне лучше делать то, что делал Кит Ричард, и принимать метадон. В Австралии он называется физептон, и я думал, что это просто таблетки от желудка», — объяснял он Азерраду. Таблетки от желудка, более эффективные — и гораздо более забавные — чем те, которые он принимал раньше.

Кортни присоединилась к туру в Японии. Она купила записную книжку под маркой «AMERICAN FLAVOR» (Превосходная Бумага Для Записей, Узкие Линейки, Эта записная книжка для студентов. У неё различные цели. Приятной жизни в колледже!)» и записывала свои переживания в последние дни перед свадьбой:

Меня тошнит в сверхскоростном пассажирском экспрессе, я сижу рядом с К. Кобэйном. Мучаясь в деликатной манере. Моя слава. ха-ха. Это оружие, поцелуй меня в зад, прямо как утренняя тошнота беременных…. Это личное, но я всё больше и больше ненавижу свой талант, я думаю, что он бесполезен, и мне всё равно. Может, это просто коммерческий эффект от слишком больших продаж и, как полупредполагается, это полуневероятная случайность, но я начинаю думать, что я не могу петь не могу писать что уважение на самом низком уровне, и это не его вина. Боже, как это могло быть…. Не смейте увольнять меня просто потому, что я замужем за РОК-ЗВЕЗДОЙ.

24 февраля 1992 года Курт и Кортни поженились на Вайкики, на Гавайях. Кортни была в прозрачном белом платье, которое некогда принадлежало Фрэнсис Фармер. Курт был в синей пижаме в полоску, на нём были «бусы любви» и плетёный гватемальский кошелёк. У них в руках были одинаковые бело-розовые букеты, но только Курт был под кайфом. («Я был всё-таки не очень под кайфом. Я просто принял немного, просто чтобы меня не тошнило», — сказал Курт Майклу Азерраду.) Церемонию проводила женщина-священник, не принадлежащая ни к одной

конфессии. Присутствовали Дэйв Грол и несколько членов туркоманды «Нирваны». Бросалось в глаза, что не присутствовали Крист Новоселич и его жена Шелли. Кортни терпеть не могла Шелли и запретила ей приходить на эту свадьбу. Крист сказал, что он не придёт, если его жене не рады.

«Это был наш выбор, — утверждалал Шелли Новоселич в «Приходи Как Есть». — Было странно, потому что я знала о том, что происходит, и я знала, что она беременна, и я на самом деле была против того, что она принимает наркотики, пока она была беременна. Возможно, в тот момент она их принимала, возможно, нет. Я не знаю, но все мы предполагали. Я с этим не соглашалась, и я не соглашалась с тем, что Курт был всё время так удолбан, и я просто решила, что не пойду».

Вернувшись в Лос-Анджелесе, Кортни рисовала в своей записной книжке зародыши, писала больше текстов («Plump», со строчками вроде: «Я не мою посуду / Я выбрасываю её в хлев», конечно, должна датироваться этим периодом), и приступила к работе по воссоединению своей группы. И Джилл Эмери, и Кэролайн Рю ушли. Курт порекомендовал барабанщицу Пэтти Скимэл, некогда игравшей в сиэтлской группы «Sybil», которую Кортни и Эрик сразу же решили нанять. Басистка Лесли Харди сыграла несколько концертов и играла на одном сингле, «My Beautiful Son», но «Hole» постоянно прослушивали басисток на всём протяжении её пребывания в группе. Им больше всего понравилась Кристен Пфафф из миннеаполисской группы «Janitor Joe», но она не горела желанием бросать свою работу или свой родной город.

Кортни составляла списки того, что она хотела для их с Куртом викторианского дома в Сиэтле. Лебеди, павлины, пузатые свиньи и решётки с розовыми чайными розами остались мечтами, но они купили глицинию, черепах, водяные лилии, оранжерею для выращивания орхидей и, наконец, двадцатикалиберную винтовку «Remington».

Тем временем в их квартире на Норд-Сполдинг Курт принимал наркотики, запершись в шкафу под лестницей. «Я знал, что я всё время соблазнял [Кортни], - рассказывал он Азерраду. — Я всё время был под кайфом. Мне просто приходилось делать это постоянно. Я не переставал о них думать. Я знал, что если бы я тогда бросил, я бы в итоге делал это снова всё время, по крайней мере, следующие нескольких лет. Я полагал, что из-за этого я просто сожгу себя, потому что я всё же не испытывал ощущения законченного героинщика. Я был всё ещё здоров. Я просто сидел дома, дремал и спал. Я всегда делал что-то артистическое. Я нарисовал много картин и написал много песен».

(Курт уничтожал большую часть своих работ, но его уцелевшие картины, скульптуры и коллажи такие же дикие, как и его голос. Старинная витрина заполнена деревянными фигурами на шарнирах, которые кажутся ожившими, бьющимися в агонии. Викторианская куколка в розовом платье, передняя часть её фарфоровой головы срезана, чтобы показать элементы черепа, включая единственный глаз в середине лба. Холст в золотой оправе с небесно-голубым фоном, и тревожащей пятёркой фигур: кот без передних лап, две тонких, как палки, марионетки, дёргающих за свои нити, крошечный ангел или фея, и призрачная светящаяся фигура без лица. Из низа живота у последней, слева, выходит транспарант, на котором написано: «ГИПЕРПИЛОРИЧЕСКАЯ ФИСТУЛА, ректальный абцесс, ГАСТРОЭНТЕРИТ, конъюктивит, РАЩЕЛИНАПОЗВОНОЧНИКА». И, конечно, вкладыш к «Nevermind», передняя и обратная стороны обложки «In Utero» и передняя сторона обложки «Incesticide».)

В это время он написал большую часть «In Utero» с Кортни в качестве вынужденной слушательницы и иногда — соавтора (она написала часть «Pennyroyal Tea»). Он так и не видел свою группу. Крист жаловался другим на наркоманию Курта. Дэйв хранил молчание и не приходил. Никто не хотел видеть будущих родителей. Они жили в своём собственном тихом мире втроём: Кортни, которая была в отключке, будучи беременной после первого триместра, Бин, слушающая приглушённые гитарные риффы, Курт, просто ловивший кайф.

По-видимому, у него было то, что известно в некоторых кругах как героиновый метаболизм. Он был у Чарли Паркера; он был у Уильяма С. Берроуза. Это система, которая процветает благодаря героину, которая может направлять обычно истощающий силу наркотик на энергию и творчество. «Я был гораздо несчастнее во время всех этих туров, когда меня рвало каждую ночь, я не ел и совершенно не принимал наркотиков, — рассказывал Курт Азерраду. — Я был гораздо большим ублюдком и негативным человеком. Они не могли почти всё время меня преследовать. Я просто смотрел перед собой и концентрировался на том, чтобы меня всё время не рвало, чтобы всем было трудно со мной общаться. Но когда я начал принимать наркотики, я чувствовал себя прекрасно — и счастливым впервые за долгое время».

Той весной у «Нирваны» был спор о гонорарах за публикацию, который почти развалил группу. Первоначально они договорились о делении на три части, хотя Курт написал девяносто процентов музыки. Теперь, когда «Nevermind» был так феноменально успешен, он решил, что хочет большего — и он

хотел, чтобы они имели обратную силу к выпуску «Nevermind». «Я понял, насколько на мне больше давления, и что я заслуживаю чуть большего, потому что я — ведущий вокалист, все эти точки зрения написаны обо мне, мне приходится выносить всё это давление», — говорил он, и казалось, будто он читает литанию.

Для того, кто до этого момента выказывал необыкновенно мало честолюбия или осознания важности имиджа, это невероятные слова. Они кажутся гораздо больше похожими на слова того, кого всегда заводили честолюбие и имидж, и кто теперь был заинтересован в сохранении огромного куска пирога «Нирваны» для своей ещё не родившейся дочери. Курт, в конце концов, получил свои ретроспективные семьдесят пять процентов гонораров «Нирваны» за публикацию. Кортни стала ещё меньше популярна у его товарищей по группе. Потом они все вместе отправились в тур.

Никто, казалось, не думал, что европейский тур «Нирваны» — это хорошая идея, но никто не мог остановить этот ужасный импульс — кроме Кортни. Испытав в Испании лёгкие схватки, она перепугалась, что у неё будет выкидыш. Курт полетел с ней домой. Они приехали, чтобы обнаружить, что у них в ванной прорвало трубу, затопив любимую гитару Курта и кучу его плёнок и записных книжек чёрной густой грязью. Это повергло его в депрессию, и он прекратил метадоновую терапию, которую он проходил, он снова начал колоться.

«Hole» привлекли внимание ведущих студий звукозаписи — включая, к огорчению Кортни, «Maverick» Мадонны. «Интерес ко мне Мадонны был вроде интереса Дракулы к своей новой жертве», — впоследствии говорила она. После интенсивной войны предложений они в итоге подписали контракт со студией «Нирваны», «Geffen», за 1 миллион $. Кортни и Розмэри Кэрролл, её адвокат, потребовали и получили лучшие условия контракта, чем у «Нирваны». Она была на девятом месяце беременности. Ребёнок был здоров. Курт снова обратился в медицинский центр «Cedars-Sinai», обещая, что раз и навсегда бросит наркотики до того, как родится его дочь.

Эрик Эрландсон постоянно следил за Кортни и Куртом в течение тех смутных детоксикационных дней начала августа. «Он полностью спас нам жизнь в течение всего того времени, — вспоминал Курт в «Rolling Stone». — Он был единственной частью реальности, единственным спокойным человеком, который там был как пример того, на что может быть похожа жизнь впоследствии, как только это сумасшедшее дерьмо закончится».

Они ещё испытывали боль, но они возбуждены из-за того, что станут родителями, и предвкушали богатое, творческое будущее.

Потом в продажу поступил выпуск «Vanity Fair» за сентябрь 1992 года, и всё навеки изменилось.

Глава пятнадцатая

«Я не думала, что смогу стать крошечной, раздавленной, изнасилованной или невероятно обиженной историей в этом журнале, — впоследствии говорила Кортни. — Но её мощь была очень сильной. Это было невероятно. Я читала её по факсу, и меня трясло. Я знала, что мой мир закончился. Я была мертва. Вот именно. Конец моей жизни. Мало того, что я собиралась ходить с большим пятном позора, но за любое счастье, которое я испытала, я должна была бороться, до конца своих дней. Так не должно было быть, но я этому подвергалась. Если бы я вообще не принимала наркотики, я бы достаточно соображала, чтобы понять, кто она. Я не была бы откровенной. Я бы поняла, где я соответствую схеме мира «Vanity Fair».

«Она» — это Линн Хиршберг, автор публичного оскорбления из семи тысяч слов под названием «Странная Любовь». Она брала интервью у Кортни в течение нескольких дней в шикарном ресторане, в магазине старинной одежды, даже в квартире супругов в Фэйрфаксе, которую она описала в любовно отвратительных деталях. Она завоевала доверие Кортни, незаметно проскользнув сквозь её монитор туфты. Она написала полностью лишённую юмора статью о женщине, публичная персона которой в значительной степени состояла из сарказма и гиперболы.

Эта статья показала все наваждения Кортни: нелепый, но упорный слух, что она подсадила Курта на героин… сказанное по секрету подозрение, что «Hole» заключили свою сделку с «Geffen», потому что она была замужем за Куртом… и, самое главное, тот факт, что она принимала героин на ранних стадиях своей беременности.

Хиршберг приложила усилия, чтобы намекнуть, что Кортни принимала наркотики долгое время после того, как она узнала, что беременна, возможно, всё ещё их принимает. «Сообщалось, что даже самые толерантные хорошо осведомлённые лица индустрии выражали опасение за здоровье этого ребёнка, и цитировали «одного близкого друга», который говорил, что «мы все беспокоимся за этого ребёнка». (Никто не выражал беспокойство за Курта, который был на наркотиках и уже начал коллекционировать ружья, не считая «кого-то близкого к [«Нирване»]», который говорил: «У Кортни всегда есть тайные планы, а у Курта — нет. Им явно помыкают».)

Даже Кэт участвовала в этом фестивале оскорблений. «Кортни бредит, — цитировались её слова. — Вчера вечером мне

приснилось, что я её убила. Я была очень счастлива». (Хиршберг утверждала, что «Кортни всё это не беспокоит», но спустя год эта необеспокоенная женщина всё ещё повторяла эти строчки в своей записной книжке: «Мне снится, что она мертва, и я просыпаюсь счастливой. Ей снится, что я мертва, и она просыпается счастливой»).

Эта статья была испещрена фактическими ошибками, такими, как «[Курт и Кортни] впервые встретились приблизительно лет восемь назад» (это было менее четырёх лет назад) и «Сообщают, что Курт пил и больше ничего не принимал, пока не встретил Кортни» (Курт редко пил из-за своих проблем с желудком, и то, что он до Кортни принимал опиаты, было хорошо документировано). Но никто не заметил этих маленьких несогласованностей, потому что общий портрет был слишком увлекательным. Хиршберг описала Кортни как «личность-железнодорожную катастрофу: она может быть ужасной, но от неё нельзя отвести глаз».

Потом, конечно, была фотография. Печально известная фотография Мишеля Комте изображала Кортни на последних месяцах беременности, лохматую, в чёрном лифчике и прозрачной стеганой ночной кофточке, первые два пальца её левой руки полуизогнулись в характерном жесте курильщика. Она, кстати, на самом деле курила сигарету во время фотосессии. Редактор «Vanity Fair» Тина Браун велела это заретушировать, но кто-то распространил эту информацию, и вскоре журналы во всём мире старались заполучить оригинальную фотографию.

Кортни и Курт скупили весь тираж за 25 000 $. Кортни хотела подать в суд на Хиршберг и «Vanity Fair», но её отговорили её адвокаты, которые были обеспокоены, что этот судебный процесс только послужит увековечиванием этого скандала.

За две недели до того, как должен был родиться ребёнок, Кортни присоединилась к своему мужу в «Cedars-Sinai».

Курт лишь смутно понимал, что происходит. Детоксикация на этот раз почти убила его. Пока он лежал там, питаясь через капельницу, отрыгивая воздух, и время от времени умоляя об уколе морфия, вокруг него толпились специалисты-гастроэнтерологи, каждый надеялся обнаружить источник его таинственной боли. Пациент с нераспознаваемой болезнью был интересен; богатый пациент с такой болезнью — воистину обворожителен.

Однажды Курт добрёл до палаты Кортни и сел в ногах её кровати, плача от боли. Он сказал, что распускает группу, что они уедут из города, как только родится Фрэнсис. «Двадцать лет в Дакоте, — постоянно говорил он, ссылаясь на Джона и Йоко, —

двадцать лет торчать в Дакоте, я не позволю, чтобы это случилось с тобой».

У Кортни начались схватки рано утром 18 августа 1992 года. Она кое-как вылезла из кровати и всю дорогу проволокла свою стойку из-под капельницы в больничное крыло Курта, а за ней плёлся озабоченный батальон врачей и медсестёр. Она сдёрнула с Курта одеяла и крикнула ему в лицо: «Вставай с этой кровати и давай приходи сейчас же! Ты не оставишь меня делать это одну, твою мать!».

Курт побрёл в родильное отделение и сделал героическую попытку увидеть, как рождается его дочь. «Я рожаю ребёнка, он выходит, а его рвёт, он в обмороке, и я держу его за руку и растираю его живот, пока ребёнок из меня выходил, — вспоминала Кортни. — Это было довольно странно».

Фрэнсис Бин Кобэйн родилась в 7:48 утра. Она весила семь фунтов одну унцию. «Младенец в хорошем состоянии, хорошо ест и растёт в нормальном режиме, ожидаемом от новорождённого, — сообщал пресс-релиз от руководства «Нирваны» несколько дней спустя. — Злонамеренные слухи, что Фрэнсис страдала от каких-то ломок во время рождения, полностью ложны, и фактически сразу после родов она не испытывала никакого дискомфорта».

Ну, разумеется. Но этот пресс-релиз не упоминал того дискомфорта, который испытывали её родители. Курт как раз понял то, что статья «Vanity Fair» могла означать для его семьи, и из-за этого он стал истеричным. В палату Кортни ворвался социальный работник, размахивая экземпляром «Vanity Fair» и обещая отобрать у неё ребёнка. Её собственный врач, Майкл Хорвитц, казалось, получал извращённое удовольствие, показывая ей статью из «Globe». РЕБЁНОК РОК-ЗВЕЗДЫ РОДИЛСЯ ГЕРОИНЩИКОМ», возвещал таблоид. Утверждая, что Фрэнсис испытала «мучительную ломку… дрожь, судороги и мышечные спазмы», эта статья сопровождалась ужасной фотографией мёртвого деформированного наркотиками ребёнка.

Кортни рассказала «Rolling Stone» в конце 1994 года:

На следующий день после рождения нашей дочери [Курт] принёс в больницу оружие. Я сказала: «Я иду первой. Я не могу позволить тебе сделать это первым. Я иду первой». Я держала эту штуку в своей руке и чувствовала то, что говорили в «Списке Шиндлера»: Я никогда не узнаю, что со мной случится. А как насчёт Фрэнсис? Несколько жестоко. «О, твои родители умерли на следующий день после того, как ты родилась».

Я просто начала отговаривать его от этого. Я сказала: «Твою

мать, ты не можешь струсить. Я собираюсь это сделать». Но я заставила его отдать мне оружие, и я велела Эрику его унести. Я не знаю, что он там наврал.

Дэвид Геффен послал им поздравительное письмо, добавив: «Я знаю, что вы расстроены из-за недавней статьи о Кортни и нападках на её личность… У прессы есть способ вредить вашей частной жизни. Вы должны помнить — это всё проходит, и люди быстро забывают о статьях такого типа. Просто пусть ваша жизнь продолжается».

Но никому не позволили бы так скоро забыть об этой статье в «Vanity Fair», меньше всего Кортни и Курту. Адвокат Кортни, Розмэри Кэрролл, полагает, что эта статья убедила Лос-Анджелесский Окружной Департамент Защиты Детей начать против Кобэйнов судебный процесс.

Служба Защиты Детей с остервенением набросилась на Кобэйнов. Кобэйны сотрудничали, пройдя ряд унизительных интервью и осмотров, искали врачей и других лиц, чтобы присягнуть в качестве свидетелей, что они не употребляют наркотики, даже представляли финансовые отчёты, чтобы доказать, какой хорошей будет забота об их ребёнке. Тем не менее, когда Фрэнсис Бин было две недели, Кортни и Курт были вынуждены уступить опеку над ней единокровной сестре Кортни Джэйми.

В течение двух месяцев Курт и Кортни жили в квартире по соседству с Джэйми, пока они боролись за то, чтобы сохранить свою дочь. Они видели Фрэнсис каждый день, но им никогда не разрешалось оставаться с ней наедине. Песня Кортни «I Think That I Would Die» («Думаю, Что Я Бы Умерла»), с припевом: «Кто забрал моего ребёнка» и взрывной строчкой: «Он не ваш — ВАШУ МАТЬ!» датируются этим периодом.

Кобэйнам, наконец, позволили забрать Фрэнсис домой, но только при условии, что они будут часто сдавать анализы мочи, и их будет посещать социальный работник. 22 сентября новый врач Кортни, Роберт П. Фримонт, доктор медицины, написал письмо, констатирующее: «Начиная с 9 сентября 1992 года [Кортни] изредка сдавала анализы мочи, которые были абсолютно чисты. Она посещает консультанта по наркотикам, клинического психолога, посещает реабилитационные встречи в Корпоративном Исследовательском Центре «Уэствуд» и еженедельно обследуется у меня в кабинете. Она, кажется, настроена добиться успеха, и её прогноз очень хорош благодаря вышеупомянутым своевременным мерам безопасности».

Теперь Лос-Анджелес казался враждебным, раненым

весенним расовым беспорядком, полным враждебности. «Я ненавижу Лос-Анджелес, — сказал Курт «Advocate». — Я люблю эту погоду, но я не могу там жить. Многое из этого имеет отношение к ответственности за езду с ребёнком в машине. Люди такие грубые… Я не такой плохой водитель, и я попадаю в аварию почти каждый день». Они начали делать приготовления, чтобы купить дом в Сиэтле.

Но появились и другие обиды и разочарования. В октябре Джулиан Коуп опубликовал объявление на целую страницу по поводу своего нового сингла в избранных торговых точках музыкальной прессы. Материал состоял из длинной обличительной речи, написанной Джулианом, которая провозглашала, среди прочего: «Освободите Нас (Фэнов Рок-Н-Ролла) От Нэнси Спанджен-Зацикленных На Героине «Hole», Которые Цепляются За Наши Величайшие Рок-группы И Высасывают Их Мозги». Впоследствии он сказал журналу «Select»: «Её нужно застрелить, и я её застрелю». Преступление Кортни, конечно, становилось более известным, чем Джулиан.

«Это меня так обидело, — сказала Кортни журналу «Q». — Да, я ненормальная и сумасшедшая, но я не делала ничего неуместного, странного или плохого. Я не понимаю, почему он это сделал. Он — очень толерантный, отличный человек, который выражал мне много сострадания и дал мне веру в себя. Он здравомыслящий, не псих или друид, и мне бы это нравилось, если бы ему нравились мои альбомы. Я просто хотела, чтобы он мной гордился. Я никогда не использовала наши отношения. Это невероятно глупо с его стороны».

В «Q» это выглядело хорошо, но её личная ярость была более выразительной. Она написала Джулиану:

Дорогой придурок,

Представь, что сейчас — 1983, 82 81 и 80 год, ты — подросток, ошмёток белых отбросов и даже отдалённо не эффектный, но ты любишь большую рок-мечту, и это — всё, что у тебя есть…. И ты покупаешь гитару, и она горит, как уголь, в твоей руке, и ты чувствуешь какую-то силу, и в кои-то веки это не сила того, когда тебя высмеивают или к тебе цепляются, это — поверхностная мистическая сила чувства собственного достоинства, сила, чтобы изменить этот чёртов мир это для тебя, сила, чтобы культурно подняться, короче говоря, сила, чтобы спасти мир — ТО, ЧТО ТЫ ДУМАЕШЬ ОБО МНЕ, ДЕЛАЕТ МЕНЯ ТЯЖЕЛОБОЛЬНОЙ, ЧТО ТЫ ВЕРИШЬ ТОМУ, ЧТО ТЫ ПРОЧИТАЛ В ДВУХ СТАТЬЯХ, статьях в журналах, которые, очевидно, ты отчаянно ждал противоположного, что говорят обо мне

множества «журнальных» статей, которые имеют отношение к моей не очень бесполезной работе на этой земле как артистки, и на краткий миг культурной ровне моего чёртова мужа, что ты презираешь Мадонну, но быть настоящим леммингом и мэйнстрим-ИДИОТОМ, чтобы понять, что мои настоящие дни Нэнси начались только как результат того, что я смеялась ей в лицо, а она послала свою подхалимку/лучшую подругу, чтобы уничтожить меня и попытаться запереть меня на 20 лет в Дакоте…

Примерно в это же время Кобэйны обнаружили, что снюхалась пара англичанок, Виктория Кларк и Бритт Коллинз. У Коллинз, помимо рецензий для музыкальных журналов, был небольшой журналистский опыт. Притязание Кларк на доверие состояло в том, что она встречалась с Шэйном МакГованом из «Pogues», и она по-прежнему использовала его имя, чтобы пробиваться везде, куда можно.

Они пытались убедить нескольких друзей и посвященных лиц индустрии, что их книжный проект имеет благословение «Нирваны»; Кларк даже вскользь упоминала, что спала с Дэйвом Гролом. Они взяли интервью у Падающего Джэймса Морланда, о котором мы уже слышали. Один сосед сообщил, что видел женщину, по описанию Кларк, пытающуюся проникнуть в дом Кобэйнов. Это явно было очередное публичное оскорбление. Курт и Кортни запаниковали.

«Если в этой книге выйдет что-нибудь, что причинит боль моей жене, я, чёрт возьми, причиню боль вам», — гласило первое сообщение на автоответчике Виктории Кларк (всего было девять, через двухминутные интервалы). Голос был молодой, хриплый, усталый и озлобленный:

Я люблю, когда меня трахают, я люблю, когда меня шантажируют, я дам вам всё, что вы хотите, умоляю вас. Я стою на коленях, и мой рот широк открыт. Вы не имеете абсолютно никакого чёртова понятия, что вы делаете… вы, маленькие дряни-паразитки… сейчас мне наплевать, что то, что я вам угрожаю, записывается. Я полагаю, что мог бы выбросить несколько сотен тысяч долларов, чтобы вас прикончить, но возможно, сперва я попробую законный путь.

Кортни, Крист и Дэйв тоже оставили сообщения, все в ту же пьяную ночь, но сообщения Курта были единственными, которые Кларк опубликовала в журнале «Select». Согласно источникам, которые слышали всю плёнку, неопубликованные сообщения

содержали такие жестокие описания Кларк и Коллинз, что потенциальные биографы были слишком смущены, чтобы их обнародовать.

Глава шестнадцатая

Как можно скорее Кобэйны вернулись в Сиэтл. Кортни чувствовала, что больше никогда не захочет жить в Лос-Анджелесе, а Курт вообще никогда не хотел там жить. Они купили дом в Карнэйшне, двадцать миль к востоку от Сиэтла, и сняли ещё один в Сэнд-Поинте, к северу от центра Сиэтла на берегу Озера Вашингтон. В этом арендованном доме, где они проводили большую часть времени, была спиральная лестница и балконы, которые напомнили им о Новом Орлеане, городе, который они оба любили. Они приобрели чихуахуа, но все они втроём сразу же так глубоко его возненавидели, что они отдали его мексиканцам-перевозчикам мебели в качестве чаевых.

Для них это было творческое время. Присутствие Фрэнсис внушало им благоговение, делало их глупыми от любви к ней и друг к другу. Они сочиняли и пели ей песни («Фрэнсис Бин, Фрэнсис Бин, самая симпатичная девочка в мире»). Курт сконструировал «стул постоянной заботы» с игрушками и бутылочкой с автоматической подачей питания. Они снимали на плёнку, как она с помощью Курта разматывает целые рулоны туалетной бумаги. Они постоянно играли с Фрэнсис, взволнованные её реакцией на каждый новый стимул. В результате она стала довольно стойкой. Они даже взяли её на «MTV Video Music Awards», где Кортни почти пришлось надрать задницу Экслу Роузу.

Курт впоследствии попытался объяснить этот эпизод на «MTV Awards» «Advocate»:

[«Guns'N'Roses»] фактически пытались нас избить. Мы с Кортни были в зоне питания за кулисами, и проходил Эксл. И Кортни закричала: «Эксл! Эксл, иди сюда!». Мы просто хотели с ним поздороваться — мы думаем, что он — посмешище, но мы просто хотели сказать ему что-нибудь. И я сказал: «Ты будешь крёстным отцом нашего ребёнка?». Я не знаю, что случилось до этого, что его разозлило, но он выплеснул на нас свою агрессию и начал орать как недорезанный.

Вот его слова: «Заткни свою суку, или я выкину тебя на тротуар!». Все вокруг нас просто рыдали от смеха. Она даже не сказала ничего язвительного, понимаешь? И я повернулся к Кортни и сказал: «Заткнись, сука!». И все засмеялись, и он ушёл. И я полагаю, что сделал то, что он от меня хотел — был мужчиной….

Потом, после того, как мы сыграли наш концерт и

возвращались к своему трейлеру, к нам направилась свита «Guns N`Roses». У них на каждого как минимум пятьдесят телохранителей: огромные, громадные, безмозглые чурбаны, всегда готовые ради Эксла на убийство. Они не видели меня, но окружили Криста, и Дафф [МакКэган из «Guns N`Roses»] хотел побить Криста, и эти телохранители стали запугивать Криста. Он, наконец, сбежал, но всю остальную часть вечера была большая опасность, что нас побьют или сами «Guns N`Roses», или их головорезы. Нам пришлось скрыться.

С тех пор каждый раз, когда Эксл играл концерт, он говорил какой-нибудь комментарий обо мне и Кортни. Когда он был в Сиэтле, он сказал: ««Нирвана» скорее останется дома и будет колоть наркотики со своими жёнами-суками, чем будет гастролировать с нами»…. Всё-таки он ненормальный. Я испугался. Я, наверное, не смог бы его побить. Я знаю, что он побил бы меня, если бы у него была такая возможность.

В декабре 1992 года Кобэйны появились на обложке выпуска «Spin» «Год в Музыке». Они все втроём казались чистыми, хрупкими и очень красивыми. Эксклюзивное интервью внутри, которое провёл Джонатан Поунмэн с «Sub Pop», было озаглавлено «Семейные Ценности». В том же номере «Нирвану» назвали Артистом Года, а Эксла Роуза резко критиковали. Курт и Кортни, казалось, прошли через огонь.

«Я много писала, — говорила Кортни. — Примерно через шесть месяцев у [«Hole»] должен быть альбом, а потом тур. У меня не было группы шесть месяцев или около того. Это что-то вроде отрубленной у тебя руки». Этот шестимесячный крайний срок оказался нереальным, но она горела желанием продемонстрировать, насколько она продвинулась.

Однако она не ретушировала сама себя. Когда Поунмэн спросил, повлияли ли беременность и материнство на её артистическую перспективу, она разозлилась от этой мысли. «А что мне прикажете делать, внезапно превратиться в чёртову Мать Терезу? Прикажете писать альбом кантри, потому что я родила ребёнка? За последние несколько месяцев я ощутила больше ужаса войны полов, политического, медицинского и медийного, чем я когда-либо чувствовала за всю жизнь».

Но теперь, полагала она, Фрэнсис было «гарантировано стопроцентное прекрасное детство. Мы знали, что мы можем дать ей то, чего не получили мы — лояльность и сочувствие, поддержку. Мы знали, что мы можем дать ей настоящий дом и баловать её…. Я росла, живя со своим терапевтом, своим сводным братом и бывшим любовником моей матери и т. д. и т. п., и я

просто думаю, что это отстой. Это просто личное предпочтение. Я думаю, когда выходишь замуж, это должно быть Навсегда. Хотя я на самом деле однажды выходила замуж, и это было аннулировано. Я не знаю. Что касается меня, я просто хочу иметь детей от одного и того же человека и жить с одним и тем же человеком».

Возможно, высказывание этого сделало бы это истинным. Возможно, то, что Курт слышал, как она это говорила, сохранило бы ему жизнь. Она уже боялась за него, она всегда боялась за него: он был таким чувствительным, вынужденным постоянно обижаться, вспыхивать и жаждать поддержки. Однажды он нашёл коробку-валентинку от конфет, в которой Кортни хранила свои старые письма от Билли Коргана. Курт ненавидел Билли, отчасти из-за явного таланта Билли, главным образом просто потому, что Билли был первым. В ярости он залез в кровать и за десять минут набросал текст к «Heart-Shaped Box». Эта коробка, в которой хранились письма Билли, появляется в видео «Heart-Shaped Box».

В январе 1993 года «Нирвана» сыграла крайне неудачный концерт в Буэнос-Айресе, в Аргентине. Исполнители, открывающие концерт, «Calamity Jane», были изгнаны со сцены под выкрикивание инсинуаций («Puta madre!») и швыряние предметов. Рассерженная отношением толпы к этой женской группе, «Нирвана» умышленно провалила весь свой концерт.

Курт уехал впервые после того, как родилась Фрэнсис, и Кортни впала в ступор депрессии. Она послала Курту по факсу записку:

ты уехал всего на день, но сегодня прорезался её черепаший зуб, я хочу сказать, что ТЫ МОЖЕШЬ ЕГО УВИДЕТЬ, маленькая жемчужная девчачья бритва справа, где положено, в середине на дне, я проплакала с ней в ванной почти полчаса подряд, а она постоянно поднимала глаза и ухмылялась, глядит и поддерживает, а я рыдала и рыдала и чувствовала себя такой виноватой, что обременяю её, а она потянулась, обняла и успокоила меня! ВЫКРОИЛА ВРЕМЯ В СВОЁМ ПЛОТНОМ СЛЁЗНОМ И КОРЕННОМ ГРАФИКЕ! Сама Королева Нарцисс!..

В феврале Курт появился на обложке «Advocate», самого старого и самого успешного новостного гей-журнала в Соединённых Штатах. В этом интервью репортёр классифицировал Кортни (которая рано ушла) как «рождённую для внимания СМИ, благословенную и проклятую тем, что кажется почти генетически неспособной подвергать себя цензуре».

Курт хотел произвести хорошее впечатление на читателей-

геев, поэтому эта статья в «Advocate» — одно из его самых глубоких, наименее саркастических интервью. Он говорил о тех временах, когда он и Крист писали в Абердине спреем граффити вроде «ГОМОСЕКСУАЛЬНЫЙ СЕКС — ЭТО КРУТО», и «БОГ — ГЕЙ». Он прокомментировал одну из бед своего поколения: «[Мы] не собираемся мириться с той же самой рейгановской ерундой, которой мы подвергались, когда были моложе. Я был беспомощен, когда мне было двенадцать лет, когда был избран Рейган, и я ничего не я мог с этим сделать. Но теперь это поколение растёт, и им за двадцать; они с этим не смиряются».

Он более или менее извинялся за то, что у него не было никаких фактических гей-опытов, говоря: «Я определённо гей в душе, я, вероятно, мог бы быть бисексуальным. Но я женат, и меня больше привлекает Кортни, чем какой-либо другой человек, поэтому нет никакого смысла в моей попытке кутить в этом отношении*. Если бы я не нашёл Кортни, я, вероятно, вёл бы бисексуальный образ жизни. Но я просто нахожу её полностью привлекательной во всех отношениях».

Он также сказал в ходе обсуждения влияния статьи «Vanity Fair» и другой негативной прессы: «У Кортни всю жизнь были неправильные представления о себе. Я говорю с людьми, которые знали Кортни пять лет назад, и она была гораздо более непостоянной, испорченной личностью, чем теперь. Иногда она была безумна. Люди видели её на вечеринках, она просто умоляла о внимании. Я никогда бы не смог предсказать успешный брак с таким человеком несколько лет назад. Этого просто не могло бы случиться».

Конечно, жизнь никогда не была идеальной. В Сиэтле Кортни видела гораздо больше лав-рокеров Олимпии, которых она всегда ненавидела. В контингенте Сиэтла-Олимпии доминировали частично Восставшие Девввшки, группы вроде «Bikini Kill» и частично «кальвинисты», последователи Кэлвина Джонсона с «K Records», который поддерживал порядочную жизнь и непосредственную радость в жизни. Все было пастельным, политкорректным и нечётким. Например, один из любимых способов олимпийцев проводить вечер состоял в том, чтобы организовать потрясающий кейк-уок*. Каждый пёк пирог и вешал на него глупый ярлык вроде: «Пирог с самыми клёвыми приятелями», «Пирог с самыми стрёмными приятелями», «Самый ужасный пирог», «Самый симпатичный пирог». Потом, прямо как на школьном базаре у вас во втором классе, они шествовали по кругу с номерами, пока музыку не останавливали, и кто-то выигрывал пирог. «У меня самый клёвый пирог, чем у всех в этом городе», — решила Кортни и приступила к написанию строчки,

которая будет всегда следовать за ней.

Одним раздражителем была Тоби Вэйл, барабанщица «Bikini Kill» и бывшая подружка Курта. Тоби стала писать Курту, пока Кортни была беременна. По просьбе Курта Кортни просмотрела эти письма и написала в ответ:

… Ты пишешь измазанные помадой полусумасшедшие надуманные любовные письма моему мужу и отцу моего 6-месячного зародыша/дочери. Это так больно, то это письмо вечной любви, то это письмо «давай будем друзьями», то это письмо мне, а потом это такие письма с секретными сообщениями, эта красная нить была таким непрекращающимся безрассудством, чтобы ЗАПИСЫВАТЬСЯ С моим мужем, пока я сижу здесь, лактируя, и этот ответ — нет, нет, нет, нет, и, по крайней мере, я читала твои письма и отвечаю, Курт едва проскакивал 2 страницы, мне пришлось выбирать эти сексуальные яркие моменты.

Тогда Тоби отступила. Но теперь она снова была здесь, и Кортни терпеть не могла её видеть. Ещё одним раздражителем был Кэлвин Джонсон. В 1989 и 1990 годах «K Records» выпустили LP и два сингла группы, которая называлась «Кортни Лав». Одна из её членов, Лоис Маффео, каким-то образом заполучила один из дневников Кортни и отдала его Кэлвину, который, как сообщают, всё ещё держит его под замком в ящике стола.

Кортни позвонила ему и сказала, что этой группе надо сменить своё название. «Кэлвин, люди покупают альбомы Кортни Лав, думая, что это я, а я никогда не говорила, что «я теряла голову почти из-за миллиона парней» — это весьма смущает».

«Леди, — он всегда обращался к ней, употребляя этот саркастический титул, — леди, никто не знает, кто вы!». Потом он повесил трубку.

Вскоре после этого она видела его на концерте «Fugazi», он помогал этой хардкор-группе грузить их аппаратуру. «Кэлвин, — сказала она, подойдя к нему сзади, — ты перестанешь выпускать эти альбомы, или мне пнуть тебя в задницу?».

«Заткнись!», — резко оборвал он и неосмотрительно повернулся к ней спиной. Кортни махнула ногой в туфле на высоком каблуке и попала прямо ему в щель. Возможно, он это почувствовал, потому что «K» больше не выпускала альбомы Кортни Лав, а Лоис Маффео, в конце концов, сменила название своей группы на «Lois». Тем не менее, Кортни записала в своём дневнике: «Лоис, я, возможно, тебе двину, если увижу: мне не нравятся люди, которые делают деньги на моём имени и врут по

этому поводу*. Я верю в удары кулаком».

Чтобы передразнить Восставших Девввшек и кальвинистов, Кортни, Курт и Пэтти Скимэл основали фальшивую группу под названием «Nighty Nite». «Мы притворились, что мы — две сестры из Мэрисвиля, семнадцати и шестнадцати лет, Дотти и Клара. Мы записали это повыше на четырёх треках, и мы сочиняли такие очень глупые песни вроде «Lemonade Nation», «Twister» и «Hello Kitty», просто такую вот хрень. Отослали эти плёнки всем подходящим людям: «Maximumrocknroll», Ким и Тёрстону, «Bikini Kill», «Fugazi», Кэлвину, Слиму Муну. Огромный кайф. «Мы хотим революцию лимонадного народа, и мы хотим её сейчас!..».

В Сиэтле также было нелегко выходить. Курта везде узнавали, и всегда находился какой-нибудь придурок, готовый трахнуться с крутой рок-звездой, чтобы просто узнать, что он сделает. Если с ним была Кортни, она выразительно материлась на этого придурка, что ещё больше смущало Курта. И он был всё ещё одержим плохой прессой и влиянием, которое оно могло оказать на его семью. «Раньше я был забавным человеком, всегда изо всех сил старался посмотреть на более забавную сторону жизни, но я замкнулся в плохом отношении, — рассказывал он Майклу Азерраду. — Я уверен, что это будет просто вопросом времени, потому что эти позитивные вещи — ребёнок и жена — такие классные, они так запечатлены в моей жизни как позитивные вещи, которыми я благословлён и за которые я благодарен, что если люди просто закроют свои чёртовы рты и прекратят эти обвинения, я, возможно, буду в порядке. Но я просто не вижу этому конца. Только вчера вышла ещё одна чёртова статья…».

Эти статьи могли бы быть пагубными, однако они были не совсем безосновательными. Курт начал совершать поездки на Капитолийский холм, главную зону Сиэтла для приобретения героина. Кортни поддавалась искушению всего пару раз. Однако Курт начал развивать свою самую худшую и окончательную привычку.

23 марта 1993 года все обвинения против Кобэйнов были официально сняты Департаментом Защиты Детей в Лос-Анджелесе. У Курта и Кортни уже была законная опека над Фрэнсис; это означало, что им больше не нужно будет терпеть визиты социальных работников или сдавать анализы мочи.

Той весной «Hole» играли на фестивале только для женщин в Лондоне, организованном английской группой Восставших Девввшек «Huggy Bear». (Эрик был допущен в качестве почётной женщины). Кортни испытывала смешанные чувства по поводу этого сексуального сепаратизма, но признавала, что замечательно, когда можешь передаваться по рукам толпы,

доверяя, а не опасаясь насилия пальцами и возможного ранения.

Даже в этом случае она не могла избежать завязывания перебранки с теми, кто был в аудитории — она совершила непростительную (в этой толпе) ошибку, назвав женщину-журналиста «толстой». Как раз перед выходом «Hole» на сцену кто-то сказал Кортни, что в зале присутствует Линда Дафф из «Daily Star». Как поняла Кортни, мисс Дафф была ответственна за печать той фотографии мёртвого деформированного наркотиками ребёнка, которым якобы была Фрэнсис Бин. Кортни отхлебнула водки с грейпфрутовым соком, схватила микрофон и проревела: «Здесь есть женщина по имени Линда Дафф из «Daily Star», и она блондинка, она толстая, и я ХОЧУ, ЧТОБЫ ОНА УШЛА!».

«Ты не имеешь никакого права называть её толстой», — немедленно раздался свист из зала.

«Hole», не ответив, начали свою первую песню. Но прежде, чем песня закончилась, Кортни решила извиниться. В конце концов, полнота была проблемой феминисток, и не было никакой потребности восстанавливать против себя целый клуб женщин, просто чтобы высмеять ещё одну паразитку. К сожалению, это извинение не очень хорошо получилось. «Извините, что я обозвала её толстой. Возможно, то, что люди её так обзывали, сделало её такой извращённой и озлобленной личностью, которой она явно является».

Раздался тот же самый свист. «Извинения недостаточно! Ты вообще не должна была этого говорить!».

Кортни закатила глаза. Это было бесполезно. «СЛУШАЙ, — закричала она, — я не ПОЛИТКОРРЕКТНА, И Я — НЕ ГОЛОС ПОКОЛЕНИЯ, ПОЭТОМУ ПОШЛА ТЫ!!!».

Толпа захлопала, и Кортни гордо подняла свою гитару.

Тем временем «Нирвана» была в Миннесоте, записывая «In Utero» с продюсером Стивом Элбини. Хотя она указывала его группу «Black Flag» в качестве своего раннего источника влияния, Кортни вскоре решила, что Элбини — женоненавистник самого низкого разряда. Он назвал её в печати «сумасшедшим чудовищем в чулках», а она ответила с нетипичной (даже язвительной) сдержанностью: «Стив Элбини думал бы, что я идеальная подружка, только в том случае, если я была родом с Восточного Побережья, играла на виолончели, у меня были бы большие титьки и маленькие серьги колечками, я бы носила чёрные водолазки, имела весь соответствующий багаж и никогда не говорила ни слова».

«Hole» тоже готовились записывать альбом, но у них по-прежнему не было басистки. Они снова пригласили Кристен Пфафф, и на этот раз она согласилась.

Глава семнадцатая

Кортни была готова приступать к работе. Она находила возобновившуюся привычку Курта отвлекающей, приводящей в бешенство, и иногда пугающей.

В мае он пришёл домой как раз тогда, когда у него началась передозировка, и его пришлось отправить в Медицинский Центр Харборвью. В июне Кортни вызвала в дом полицию. Полицейский отчёт гласил: «Подозреваемый Курт Кобэйн и потерпевшая Кортни Лав вступили в спор из-за оружия в доме. Потерпевшая Кортни заявила, что бросила стакан сока в лицо подозреваемому Курту, и что подозреваемый Курт, в свою очередь, её толкнул. Потерпевшая тоже толкнула подозреваемого, тогда подозреваемый толкнул потерпевшую на пол и начал её душить, оставив царапину».

Курта доставили в тюрьму в купальном халате. Он провёл там три часа, прежде чем его выпустили под залог в размере 950 $, который заплатила Кортни. Она, конечно, отказалась выдвигать обвинения; она только надеялась, что полиция могла бы конфисковать оружие, но они этого не сделали. Курт постоянно покупал пистолеты, винтовки, даже «M16». Наличие одного-двух ружей некогда было утешением, барьером против остального мира. Теперь, из-за одержимости Курта, из-за страха Кортни за Фрэнсис и её собственного холодного неравнодушия к таким лёгким орудиям смерти, оружие их разлучало.

Новый состав «Hole» был её спасением. Пэтти Скимэл доказала, что она — один из лучших ударников в рок-н-ролле. Эрик и Кристен Пфафф были влюблены, и их взаимное притяжение добавлялось к силе музыки, особенно живой. У них было больше чем достаточно материала, чтобы записать хороший альбом, и они заказали время на студии на осень.

В июле «Hole» сыграли яркий концерт в «Off-Ramp» в Сиэтле. Потом они уехали в тур по Европе. Кортни немного опасалась по поводу того, что оставляет Фрэнсис с Куртом, но у него была няня, чтобы ему помогать, и он поклялся быть хорошим папой. Она думала, что эта ответственность могла бы заставить его делать так, как он никогда не мог, когда она была рядом.

Курт и Фрэнсис хорошо проводили время, но его мысль о том, чтобы быть хорошим папой, не мешала употреблению героина. Если он пытался завязать в отсутствие Кортни, он был больным, несчастным и в плохом настроении. А так он чувствовал себя прекрасно. Фрэнсис был всего год, давал он рационалистическое объяснение, она была слишком мала, чтобы

понимать или беспокоиться, под кайфом ли он.

«Hole» вернулись из Европы и полетели в Атланту, чтобы начать запись «Live Through This» в «Triclops Studio», в том же самом месте, где «Smashing Pumpkins» записывали «Siamese Dream». Кортни знала, что это будет их альбом-прорыв. «Geffen» бросил на него всю силу своей рекламы. У неё было двенадцать сильных треков, музыканты, которых она любила, и полный творческий контроль. Она выбрала фотографа, модель и стилиста для фотографии королевы красоты на обложке. И она предоставила фотографию самой себя в восьмилетнем возрасте для обратной стороны обложки, с волокнистыми волосами и босой, одетой в свою старую одежду хиппи.

Тем временем «In Utero» дебютировал в чартах «Billboard» под номером один. Пока Кортни была на студии, Фрэнсис сопровождала своего отца в первом американском туре «Нирваны» за два года. Присоединение гитариста Пэта Смира из экс-«Germs» позволило Курту более полно концентрироваться на пении. Перед туром он прошёл детоксикацию, и его боль в желудке не вспыхнула сразу же, как это всегда было раньше.

«Мне нужно было время, чтобы собраться с мыслями и привести их в порядок, — сказал он «Rolling Stone», объясняя, почему «Нирвана» так долго не гастролировала. — [Успех] меня так сильно поразил, и у меня сложилось впечатление, что мне на самом деле не нужно ехать в тур, потому что я заработал целую кучу денег. Миллионы долларов. Восемь миллионов — десять миллионов проданных альбомов — это, как мне казалось, много денег».

К сожалению, Курт понятия не имел, как работают рок-финансы, и теперь его семья нуждалась в денежном вливании, которые мог принести тур «Нирваны». Поскольку его живот его не мучил, он даже мог наслаждаться частью этого тура. Однажды вечером он смог съесть целую пиццу, то, чего он не делал несколько лет. Простые удовольствия полного желудка и компании его дочери были лучше, чем наркотики, по крайней мере, пока.

«Hole» играли концерт в Атланте в ночь на Хэллоуин. «Пришли все эти жуткие пуристы, — рассказала Кортни «Rolling Stone». — Все фэны, но каждый раз, когда мы начинали играть одну из наших поп-песен, они начинали скандировать: «Не делайте этого! Предатели!». Я слышала, как одна девушка говорила другой девушке: «Раньше они были гораздо лучше». И я просто начала разговаривать с залом. Я сказала: «Я выросла, вы — нет, этот пол на самом деле уже не хорош, и знаете что? Всегда найдётся какая-нибудь дерьмовая группой с девушками, которые

не умеют играть». Девушки бросали в меня журналы Восставших Девввшек и всё такое. Я сказала: «М-м-м, я очень рада, что вы здесь, девушки, но взгляните-ка: теперь я могу написать связку»».

К концу тура «Нирваны», пока микшировался «Live Through This», Кортни полетела, чтобы встретить Курта перед началом тура «Hole» с «Lemonheads». Находясь в салоне гастрольного автобуса, она провела интервью с «Rolling Stone» по сотовому телефону, а Курт слушал (и иногда комментировал) на заднем фоне. Это интервью отражает её намерение в то время привести свою жизнь в порядок и прояснить те вещи, которые причинили ей боль.

Какая там была цитата Уолта Уитмена о том, что когда ты умираешь, оставляя плодородный участок травы и счастливого ребенка? Когда ты умираешь, и твоя жизнь проносится у тебя перед глазами, я не думаю, что ты будешь думать о том, как ты ненавидишь какого-то журналиста. Ты будешь думать о тех замечательных вещах, которые ты делала, о тех ужасных вещах, которые ты делала, о том эмоциональном воздействии, которое кто-то оказывал на тебя, и которое ты оказывала на кого-то ещё. Вот те вещи, которые важны. Иметь какое-то эмоциональное воздействие, которое превосходит твоё время, это здорово. Пока ты не испортишь это, будучи недостойной, когда состаришься.

Я надеюсь, что буду достойной. Я знаю, что не буду трогательно увлекаться какой-нибудь ерундой. Я хотела бы иметь очень большой выводок детей и хороший сад и хотела бы выращивать очень классные гибридные розы и иметь много собак, много кошек, получать журнал «Victoria» и иметь чертовски красивый дом! Я не думаю, что хочу сидеть на веранде, попивая виски и напевая блюз. Зная меня, я, возможно, закончу в баре, прося какого-нибудь парня взять мне мартини. Всё ещё обесцвечивая свои волосы в пятьдесят девять лет.

«Нирвана» закончила свой тур выступлением на акустическом рок-концерте «MTV» «Unplugged», записанном в Нью-Йорке 18 ноября. На освещённой свечами сцене к ним присоединилась виолончелистка Лори Голдстон, а Крис и Кёрт Кёрквуды из «Meat Puppets» выступили в качестве гостей на трёх номерах с их оригинального альбома «Meat Puppets II». Почти половина песен на этом концерте была каверами, и голос Курта вёл концерт; в тот вечер казалось, будто он мог выжать ещё более необузданные эмоции из слов других людей, чем он мог это делать из своих собственных.

Когда слушаешь это выступление сейчас, оно похоже на

проект его будущего. «Я не должен думать / Я просто должен это сделать», — полушепчет он на «Oh Me» «Meat Puppets». «Не жди, что я буду плакать по всем тем причинам, по которым тебе пришлось умереть», — предупреждает он (себя?) на «Jesus Doesn't Want Me For The Sunbeam» «Vaselines». Самая жуткая — его версия «The Man Who Sold The World» Дэвида Боуи, духовная песня для начала. Хотя большинство зрителей этого не знали, Курт вложил свой собственный поворот в оригинальный текст: «Я пристально глядел беспристальным взглядом / С мультимиллионерами / Я должен был умереть один / Много-много лет назад…».

И, конечно, несколько его собственных самых печальных строк:

«И я клянусь, что у меня нет ружья …».

«Хорошо есть рыбу, ведь она ничего не чувствует»*.

«Я думаю, я — глупый / Или, возможно, просто счастлив».

Пока Кортни была в туре, «Нирвана» получила заманчивое предложение стать ведущими исполнителями Лоллапалузы 1994 года. Дэйв и Крист хотели это сделать. Курт не хотел; на самом деле он даже не хотел ехать в европейский тур, который «Нирвана» уже наметила на начало 1994 года. Кортни хотела, чтобы он пропустил этот тур и сыграл на Лоллапалузе. Она отправила ему по факсу письмо на трёх страницах, чтобы изложить свои доводы, которое включало страшные предсказания того, что ведущими исполнителями на этом фестивале будут «Smashing Pumpkins», если «Нирвана» откажется. (Курт всё ещё ужасно ревновал к Билли Коргану.)

«Нирвана», в конце концов, согласилась на Лоллапалузу. Но Курту просто было уже всё равно. Его огонь потух, или он убедил себя, что это так. Его желудочное недомогание вернулось, а с ним — сокрушительная депрессия. Он позволил себе поверить, что ему, наконец, может стать лучше. Теперь он знал, что никогда не избавится от этой боли, которую он описал Майклу Азерраду как «жгучая, тошнотворная, как самое худшее расстройство желудка, которое можно себе представить. Ты можешь чувствовать, как он пульсирует, словно у тебя в желудке сердце… Я прямо могу чувствовать, что он весь сырой и красный».

Он начал принимать клонопин, транквилизатор, часто прописываемый артистам от тревоги. И он снова начал принимать героин. Эта комбинация делала его сильным параноиком и вызывала у него отключки, длящиеся часами.

Посреди всего этого Кобэйны подыскивали себе дом. 19 января 1994 года они заплатили 1 485 000 $ за имение на Лэйк-Вашингтон в районе Сиэтла Мадрона. Окружённый высокой живой изгородью рододендронов, серо-гонтовый бутовый особняк

был построен семьёй Блэйн, которые были в числе основателей Сиэтла, в 1901 году. Над передней дверью аркой вились глицинии, а внутри до второго этажа изящно вилась парадная лестница. В самой большой из этих пяти спален было огромное венецианское окно, выходящее на парк напротив, на мерцающее озеро вдали и далёкие завуалированные пики Каскадов. От этого дома было рукой подать до Капитолийского холма, района, где Курт обычно покупал свои наркотики.

В имении было второе здание, первоначально каретный сарай, ныне гараж с маленькой комнатой над ним, которая тоже выходила на озеро. Кортни вскоре превратила эту комнату в оранжерею для орхидей.

В начале февраля, вопреки всем своим желаниям, Курт полетел на самолёте в Европу, чтобы начать европейский тур «Нирваны». Кортни осталась дома, чтобы рекламировать «Live Through This», который был намечен к выпуску в апреле и уже получил предварительную похвалу «Spin», «Rolling Stone», «Advocate», даже «Newsweek».

Руководство «Нирваны» обещало группе лёгкий график в Европе; вместо этого было запланировано тридцать восемь концертов в двенадцати странах, изнурительный маршрут, который продержал их в дороге более двух месяцев. К 16 февраля голос Курта начал пропадать, и он уже был физически и умственно истощён. «Спустя целую вечность я занималась любимым делом со своей группой, — рассказывала Кортни «Rolling Stone». — Он был в Мадриде и проходил по залу. Ребята курили героин с фольги, и ребята говорили: «Курт! Героин!», и показывали ему большие пальцы. Он звонил мне, плача … Он не хотел стать кумиром героинщиков».

Но он на самом деле хотел принимать героин. В Париже он его нашёл. Фотограф Юрий Ленкетт снял Курта под кайфом, положившим ствол ружья себе в рот и притворившись, что стреляет из него, его голова дёргается от воображаемого воздействия. Теперь Кортни была в Лондоне, давая интервью, и когда Курт узнал, что «Smashing Pumpkins» тоже в Лондоне, он стал подозрительным.

Первого марта, в Мюнхене, его голос полностью пропал. У него обнаружили серьёзный ларингит и бронхит, и остальные двадцать три концерта были отложены. Курт полетел в Рим и остановился в гостинице «Эксельсиор». Кортни присоединилась к нему на следующий день вместе с Фрэнсис и её няней, Джекки. Супруги были врозь двадцать шесть дней, рекорд.

Когда Кортни туда добралась, Курт из кожи вон лез, чтобы ей угодить. Он купил ей розы, шампанское, даже кусочек Колизея

как дань её любви к римской истории. Они выпили шампанское и начали целоваться, но где-то по пути Кортни приняла валиум и заснула.

Кортни впоследствии говорила различным СМИ:

Это было просто ужасно. У него были те таблетки [роипнол] … Он был в Словении или одном из тех злачных мест, и я хочу сказать, он никогда не пьёт. Он уже был на болеутоляющих и на чём-то от гриппа. Он просто думает, что он бессмертен…

Я повернулась около трёх или четырёх утра, чтобы заняться любовью, а его не было. Он был в конце кровати с тысячей долларов в кармане и с запиской, в которой было написано: «Ты меня больше не любишь. Я лучше умру, чем переживу развод». Это всё было у него в голове. Во время наших отношений я была вдали от него, возможно, шестьдесят дней. Вообще. Мне надо было быть в туре. Мне надо было заниматься своим делом…. Чёрт побери, чувак. Даже если я была не в настроении, я должна была просто перепихнуться ради него. Всё, что ему было нужно, это перепихнуться. С ним бы всё было в порядке.…

Когда за ним приехала скорая, я избила папарацци. Мы были в Американской Больнице, и этот парень начинает трогать кислород Курта, и он ударил меня в челюсть. А я изо всех сил ударила его по яйцам.

Курт был в коме двадцать часов, и всё это время я была в истерике, я хочу сказать, у него было две трубки в носу и две во рту, какие-то штуки, выходящие из всех имеющихся артерий… Им пришлось колоть ему глюкозу через шею. Все его жизненные функции, включая мочеиспускание, делались при помощи машины.

Я имею в виду, я и раньше видела, что он очень удолбан, но я никогда не видела, чтобы он почти этим питался.

Курт воспользовался большей частью шампанского, чтобы запить пятьдесят таблеток роипнола — нелёгкая задача, поскольку каждая таблетка была в своём собственном пакетике из фольги, и её нужно было разворачивать по отдельности. Сильный транквилизатор, иногда используемый для лечения героиновой ломки, роипнол стал печально известен в Соединённых Штатах (где он по закону недоступен) как «таблетка для изнасилования на свидании». Он легко растворяется в напитке, не оставляя никакого привкуса, а при смешивании с алкоголем он может одурманить на несколько часов.

Курт был в коме, когда прибыл в Многопрофильную Больницу Умберто I. Ему промыли желудок, и его признаки

жизни стабилизировались; потом его перевели в Американскую Больницу за пределами Рима. В течение следующих двадцати часов следовал вызванный СМИ ажиотаж. Действительно ли Курт мёртв? Он сошёл с ума? Была ли это попытка самоубийства? Была ли записка? Никто особо ничего не знал, но все желали размышлять.

Когда он открыл глаза, Кортни была рядом. Он не мог говорить, поэтому она дала ему карандаш и блокнот. Курт написал: «ТВОЮ МАТЬ», потом: «Убери у меня из носа эти чёртовы трубки».

«Ты такой глупый, — шептала она ему позже, устроившись рядом с ним на больничной койке, когда вокруг перестали виться доктора и медсёстры. — Я никогда с тобой не разведусь. Ты сумасшедший».

Курту только что удалили катетер, и эрекция была для него болезненной, но они всё равно занимались любовью. Им пришлось. Они почти потеряли навсегда эту возможность.

«Он не отделается от меня так легко, — вскоре после этого сказала Кортни. — Я за ним и в ад пойду». И она была близка к этому.

Глава восемнадцатая

Разговор, подслушанный на рейсе из Рима в Сиэтл, 12 марта 1994 года:

«Дай мне роипнол».

«Он кончился».

Тишина. Спустя пять минут: «Ну, дай мне роипнол».

«Он кончился, Курт. Он кончился. Я спустила его в чёртов туалет. Его нет».

«Твою мать, лживая сука, дай мне роипнол.… Пожалуйста…».

Когда они вернулись домой, Кортни запретила принимать героин в доме. Курт мог принимать его, если он хочет, сказала она ему, но ему придётся идти в гостиницу. Он пошёл в гостиницу. После того, как это продолжалось две ночи, Кортни так безумно волновалась, что запретила ему принимать героин где-нибудь, кроме дома.

Помимо героина и клонопина Курт начал принимать много кислоты. Никогда не являясь заядлым купальщиком, он совершенно перестал мыться. Он не спал неделю. Он, казалось, совершенно сошёл с ума; всё, что он делал, не имело никакого смысла. Он одевался в охотничью одежду — ботинки, грубый жакет, шапку с отворотами — и бродил вокруг дома с винтовкой. Кортни намеревалась измельчить валиум и добавить ему в питьё, чтобы его тело могло немного отдохнуть. В конце концов, он заснул сам.

18 марта Кортни снова позвонила по 911. Курт заперся в ванной с кучей оружия, и Кортни была уверена, что он собирался покончить с собой. Курт сумел убедить полицейских, что он не хотел покончить с собой, и что он находился в ванной, прячась от Кортни, которая пыталась его побить. В качестве доказательства он показал следы от царапин у себя на спине.

Полиция конфисковала четыре ружья, двадцать пять коробок патронов и бутылку таблеток. Когда полицейские спросили Курта, не хочет ли он пойти куда-нибудь ещё, Курт ответил: «Куда угодно, только не сюда». Он велел им высадить его в центре города, приобрёл наркотики и отправился в своё имение в Карнэйшне, где он провёл остаток уикэнда один.

Однажды Курт нашел тайник почты от фэнов и журналов, которые прятала Кортни — все они были переполнены ссылками на его наркоманию и опасность, которой он подвергался. «Если ты умрёшь, — написал ему один десятилетний мальчик, — как я смогу жить дальше?». Они стали драться из-за этих бумаг, Кортни пыталась их вырвать, Курт разорвал бумаги и бросил их на пол.

«Это дым! — рыдала она. — Это пройдёт!».

«Верно, чёрт возьми, это пройдёт; я больше никогда не буду писать чёртову музыку. Я не собираюсь, на хрен, оставаться здесь и смотреть, как это проходит».

25 марта, в полном отчаянии, Кортни организовала то, что известно в кругах советников по наркотикам как интервенция. В дом пришли Крист Новоселич, Пэт Смир, старый друг Курта Дилан Карлсон и трое менеджеров «Нирваны» и по очереди говорили с ним в течение пяти часов. Все они грозились его бросить, уволить, оставить выбирать между жизнью и смертью. Всё это время Курт сидел с открытыми глазами, но никто не мог сказать, слышит ли он их.

Когда эта сессия закончилась, Кортни убедилась, что это не сработало. Курт просто ждал, когда они замолчат, чтобы он мог пойти и принять наркотики. В тот момент она поняла, что только чудо помешает её мужу покончить с собой.

Наконец, она убедила его обратиться в Центр «Эксодус», детоксикационную клинику в Марина дель Рей, штат Калифорнии, где он был раньше. За Куртом согласились послать скорую, но когда она прибыла, Курт отказался в неё заходить. Санитары выволокли его из дома. Кортни вышла вслед за ними и увидела Курта, окружённого людьми, который плевал в лицо всем, кто к нему подходил, крича своим по-прежнему громким голосом: «ПОШЛИ ВЫ!!! ПОШЛИ ВЫ!!! ПОШЛИ ВЫ!!!».

Один из санитаров из «Эксодуса» отвёл Кортни в сторону. «По закону мы не можем заставить его ехать, — сказал он ей. — Если вы любите своего мужа, вы поедете в Лос-Анджелес, а он последует туда за вами».

Кортни видела, что её ждёт машина. Менеджеры толпились вокруг неё, пытаясь посадить её в эту машину. Она видела белокурую макушку Курта, в ярости мечущегося туда-сюда. Она не хотела ехать, но понимала, что больше не может здесь оставаться, только не сейчас. Возможно, эти люди знали, о чём говорили, и Курт последует за ней в Лос-Анджелес.

«До свидания», — сказала она Курту, когда села в машину, но не думала, что он её слышит.

«Geffen» выпускали «Live Through This» всего через две недели.

Кортни остановилась в гостинице «Пенинсула Беверли-Хиллс», устроив Фрэнсис и Джекки в соседнем номере. В течение следующих нескольких дней Курт звонил несколько раз. Кортни чуть сразу же не полетела домой, но люди, занимавшиеся интервенцией, настаивали, что она не должна этого делать. Курт дремал по телефону, потом у него наступило просветление, и он

сказал: «Да, я приеду и обращусь туда». Вместо этого он несколько дней блуждал по Сиэтлу, неожиданно появляясь в «Linda's Tavern», магазине комиксов «Ohm», в доме своей торговки наркотиками, выглядя больным, голодным, похожим на привидение. «Los Angeles Times» сообщила, что «Нирвана» отказалась от Лоллапалузы, и первой об этом услышала Кортни. Удивительно, она не пришла в ярость; она знала — что бы теперь не случилось, Курт, возможно, больше никогда не будет гастролировать.

30 марта Курт и Дилан Карлсон отправились в «Stan Baker Sports» и купили двадцатикалиберную винтовку «Remington M11». Дилан оформил покупку на себя, заплатив 308.87 $ наличными. Несмотря на тот факт, что он присутствовал на интервенции, Дилан Карлсон говорит, что понятия не имел, что Курт хочет покончить с собой, и поверил ему, когда тот сказал, что хочет оружие для защиты.

Курт вернулся домой и спрятал своё желанное приобретение. Пока он был дома, позвонила Кортни, и на этот раз она убедила его поехать в Лос-Анджелес. Возможно, ему было легче ехать, зная, что у него есть оружие, чтобы к нему вернуться.

Когда Курт прибыл в «Эксодус», Кортни запретили его навещать в течение трёх дней. «Это не пойдёт на пользу вашим отношениям», — сказал ей его консультант. Кортни была в агонии, потому что она не могла увидеть Курта, и ей казалось, что её снова обвиняли в его пристрастии. Она была слишком в отчаянии, чтобы бороться с их мнениями; она только хотела, чтобы они сделали так, чтобы Курту стало лучше. «Я на самом деле слушала взрослых», — говорит она.

1 апреля няня принесла Фрэнсис навестить её отца. Он немного поиграл с ней, потом проводил их и позвонил Кортни из телефона-автомата в холле. «Что бы ни случилось, — сказал он ей, — я хочу, чтобы ты знала, что ты записала очень хороший альбом».

«Ну… что ты имеешь в виду?».

«Просто помни, несмотря ни на что, я люблю тебя». Он повесил трубку. Спустя несколько часов он вышел, чтобы выкурить сигарету, и перелез через стену за больничным садом. Потом он добрался до Международного аэропорта Лос-Анджелеса, купил билет по своей кредитной карточке «American Express» и прилетел обратно в Сиэтл.

Когда Кортни узнала, что Курт перелез через забор, она предположила, что он всё ещё в Лос-Анджелесе. Она заблокировала его кредитную карточку, думая, что он позвонит ей, когда у него кончатся деньги. Она устроила телефонный

крестовый поход, звоня рок-звёздам, чтобы достать номера телефонов торговцев наркотиками, звоня торговцам наркотиками, объезжая их дома, чтобы убедиться, что Курта там нет.

В Сиэтле Курт сразу же поехал домой. Утром 2 апреля он недолго говорил с бывшим нянем Фрэнсис, Майклом «Кэли» Дьюиттом, гостившим в доме. Впоследствии Кэли рассказал детективам, что у Курта был болезненный вид, но он не говорил ничего чересчур странного.

Повидавшись с Кэли, Курт взял такси до центра города, чтобы купить двадцать пять патронов для винтовки в «Seattle Guns». В 8:40 утра он пытался позвонить Кортни, но был блокирован гостиничным коммутатором, хотя она велела им удерживать все звонки, кроме звонков от её мужа.

Последние несколько дней Курта — это тайна, полная противоречивых историй и сомнительных обнаружений, неправдоподобных утверждений и слишком рьяных опровержений.

5 апреля он вернулся в опустевший дом. Он взял Чим-Чим и спрятал эту крошечную пластмассовую обезьянку в секретном месте, где Кортни найдет её спустя несколько месяцев. Он оставил телевизор включённым. Он достал винтовку и поднялся по девяти видавшим виды деревянным ступеням в оранжерею над гаражом, где он запер одну створку застеклённых створчатых дверей и подпёр табуретом ручки другой.

Глядя на мрачное озеро Вашингтон, Курт выкурил шесть сигарет, попил рутбир и нацарапал записку «Бодде», воображаемому другу его детства. Потом он принял тройную дозу героина и прежде, чем это могло вывести его из строя, он взял ствол винтовки в рот и спустил курок.

Шум был страшный, но тишина была бесконечна.

На протяжении следующих двух дней гости, рабочие и посыльные входили и выходили из дома и сада. Никто не заглядывал в оранжерею; для этого не было никакой причины, поскольку снизу её нельзя было рассмотреть. Наступила ночь и окутала развалины; рассвет сверкал на их холодной поверхности.

Утром 7 апреля Кортни была арестована в «Пенинсуле Беверли-Хиллс». Она позвонила вниз и попросила дозу бенадрила, спросонья проговорившись, что она думает, что у неё, возможно, аллергия на новый препарат. Портье вызвал охранника. Посчитав, что Кортни «возбуждена», этот полицейский по найму вызвал скорую и полицию. Конечно, Кортни была возбуждена: «Что вы, чёрт возьми, делаете? Где мой бенадрил?». Она стала ещё более возбуждённой, когда несколько полицейских

ворвались в номер и начали рыться в её вещах. Ей казалось, что во время этого обыска исчезла больше чем одна драгоценность.

Дежурным офицером был детектив Баткис. Он сообщил, что они обыскали «номер Кортни, забрызганный рвотой и кровью» и нашли шприц, блокнот с рецептами и маленький, причудливо завёрнутый пакетик, в котором было вещество, которое, как они предположили, было героином. (Это оказался индуисский пепел удачи виббхути, который Розмэри Кэрролл подарила Кортни). Баткис обвинил её в том, что она была «нетрезвой в городе Беверли Хиллс» и отправил её в больницу «Сенчури-Сити», где врач сказал, что она не под кайфом.

Тем не менее, когда Дэвид Геффен узнал об этом инциденте, он позвонил Кортни и убедил её пройти реабилитацию. Она нехотя согласилась с его пожеланиями; возможно, все бы оставили её там к чёрту одну. И, возможно, Курт появится. Но она ужасно боялась за него. Им с Куртом всегда снились одни и те же сны — не один к одному, но так или иначе переплетённые. Но последние две ночи Кортни вообще не видела снов.

Она проснулась в «Эксодусе» 8 апреля и включила телевизор на больничный канал, записанные на плёнку парящие птицы, грохочущий прибой и другие успокаивающие образы, положенные на музыку нью-эйдж. Она собиралась пощёлкать каналами, когда вошла Розмэри Кэрролл. Розмэри сразу же мельком глянула в телевизор, потом посмотрела на неё. По этому жесту и по лицу Розмэри Кортни поняла.

Она подумала, что Курт был найден мёртвым от передозировки. Несмотря на оружие, она всегда думала, что случится именно это.

«Как?» — сказала она, просто чтобы убедиться, и Розмэри ей рассказала.

Глава девятнадцатая

Она лежала в крови, смотрела в небо и хотела говорить с ним вечно. Ты там, там, где-то там, чёрт возьми? Ты теперь ангел? Твою мать …

Её консультант в «Эксодусе» пытался воспрепятствовать её отъезду, но это было всё равно что помешать землетрясению. Они полетели в Сиэтл на «Лир джете», Кортни, Фрэнсис, Розмэри и няня Джекки, и съёжились на заднем сиденье лимузина за двадцать минут поездки из аэропорта «Си-Так» до дома. Тело Курта убрали тем утром, спустя несколько часов после того, как его обнаружил электрик, и кто-то собрал осколки его черепа. Но никто не смыл кровь. Кортни всем запретила это делать.

Она поднялась по лестнице в оранжерею, вероятно, испытывая больше страха, чем Курт, и встала в дверном проёме. Кровь была огромным пятном Роршаха, в котором она могла увидеть перед собой всё одиночество мира, и всё, что чувствовал Курт, через что она была не в состоянии пройти. Она встала на колени и опустила в неё руки. Потом она растянулась в крови Курта, видя то, что не видел он, вползание ночи и холодную синь рассвета, дождь, мелко бьющий в окна стеклянной крыши, бесчувственное солнце. Она то спала, то пела. И всегда, всегда, она искала его и не могла его почувствовать.

Мысль о Фрэнсис подняла её с пола. Она поискала в комнате какие-нибудь следы Курта и нашла единственный немытый клок волос, соединённый клочком скальпа. Она принесла его в дом, вымыла и мылась сама столько, сколько она могла выдержать. Потом она надела один из свитеров Курта, залезла в кровать и глотала любые наркотики, который ей приносили.

У неё было немало. Нескончаемый поток людей тёк в спальню и из спальни, утешая, тараща глаза, воруя вещи. Она окружила себя людьми, которым она доверяла — Кэт Бьёлланд, Венди О'Коннор, Дин Мэттисен. Однако за следующие несколько дней исчезли почти все свитера Курта. Впоследствии она обнаружила, что в её спальне нашли двух репортёров из национальных журналов, пытаясь заставить её говорить.

Кортни помнила очень немногое из этого. Джекки привела Фрэнсис, но двадцатимесячная девочка был слишком мала, чтобы понять то, что происходит. Она только знала, что это было что-то волнующее, вроде дня рождения или Рождества. Она не понимала, почему её мать не может перестать плакать.

В какой-то момент Кортни пошла посмотреть на тело Курта. Его глаза были зашиты. Труднее всего было расстаться с его

руками. Она всегда думала, что они очень красивые, и они её так многому научили: вели её по струнам гитары, дико ощупывали её в полночь, били её. Его руки были по-прежнему красивы. Кортни сделала с них слепок. Позже в тот день тело Курта было кремировано.

Кортни записала плёнку, которую будут крутить на публичной поминальной службе по Курту, состоявшейся 10 апреля в Сиэтл-центре, в парке возле Спейс-нидл. В этот серый воскресный день собралось семь тысяч фэнов, большинство из них очень молодые и крайне травмированные: рыдающие, поющие, вырезающие на своём теле имя Курта.

«Я действительно не знаю, что сказать, — говорил им надломленный голос Кортни. — Я чувствую тот же самое, что и вы. Если вы думаете, что сидеть в этой комнате, где он играл на гитаре и пел, и не чувствовать, что это такая честь — быть рядом с ним, вы сумасшедшие».

«Тем не менее, он оставил записку. Она больше похожа на письмо грёбаному редактору. Я не знаю, что случилось. Я имею в виду, это случилось бы. Но это могло бы случиться, когда ему было бы сорок. Он всегда говорил, что он переживёт всех и проживёт до ста двадцати лет».

«Я не буду читать вам всю записку, потому что всё остальное — не ваше собачье дело. Но кое-что в ней — для вас. Я не думаю, что прочесть это — значит, унизить его достоинство, считая, что она адресована большинству из вас». Её голос был усталым, замогильным. Она глубоко вздохнула. «Он — такой придурок. Я хочу, чтобы все вы очень громко сказали: «Придурок»».

Толпа повиновалась.

Она стала читать слова Курта. «Понять эту записку будет довольно легко. Все предупреждения из 101 урока панк-рока за эти годы, начиная с моего первого знакомства с [ним], скажем так, этика, связанная с независимостью и вовлечением всего вашего сообщества, оказалась стабильной. Я не испытывал волнения как от прослушивания, так и от создания музыки, наряду с тем, что я всё-таки писал уже слишком много лет. Я не могу выразить, насколько я чувствую себя виноватым в этом. Например, когда мы находимся за кулисами, зажигаются огни и начинается безумный гул толпы, не меня это не действует, точно так же, как это было с Фредди Меркьюри —».

Кортни засмеялась, отчасти из-за выбора Куртом звёзд, отчасти смутно вспоминая о том, как была на вечеринке в Ливерпуле и собиралась будить Робин, потому что появился Фредди Меркьюри.

«— который, казалось, любил и наслаждался любовью и

обожанием» — Курт, тогда какого чёрта? Ну, и не становился бы тогда рок-звездой, придурок — «это то, чем я полностью восхищаюсь и завидую. Дело в том, что я не могу вас обманывать, каждого из вас. Это просто нечестно по отношению к вам или ко мне. Я не представляю худшего преступления, чем насаживать людей, притворяясь и делая вид, что я оттягиваюсь на все 100 процентов».

«Нет, Курт, а я не представляю худшего преступления, если бы ты просто продолжал быть рок-звездой, раз ты так чёртовски ненавидел это. Просто остановись, чёрт возьми».

«Иногда я чувствую себя так, словно я должен запускать таймер перед выходом на сцену. Я пытался делать всё, что в моих силах, чтобы быть благодарным за это, и я благодарен. Боже, поверь мне, я благодарен. Но этого недостаточно. Я ценю то, что я и мы затронули и развлекли многих людей. Я, должно быть, один из тех самовлюблённых людей» — Кортни снова рассмеялась, более отрывисто и горестнее, — «которые ценят что-то только тогда, когда остаются одни. Я чересчур чувствителен».

«Ойййй».

«Мне надо быть слегка безразличным, чтобы снова вернуть энтузиазм, который у меня был когда-то в детстве. В наших последних трёх турах я стал намного больше ценить всех тех людей, которых я знаю лично, как и фэнов нашей музыки. Но я по-прежнему не могу справиться с неудовлетворением из-за чувства вины и сочувствия, которые я испытываю по отношению к каждому». Голос Кортни дрогнул от слёз. «Во всех нас есть что-то хорошее, и я думаю, что просто слишком люблю людей» — Так почему же ты просто не остановился, чёрт возьми? — «настолько, что я чувствую себя крайне, чертовски ужасно. Несчастный, маленький, чувствительный, неблагодарный, Рыба, чувак-Иисус». Да молчи уж, ублюдок. «Почему бы тебе просто не получать от этого удовольствие? Я не знаю».

«Дальше он говорит мне кое-что личное, и это никого из вас не касается; кое-что личное для Фрэнсис, что никого из вас не касается»*… «Мне повезло, очень повезло, и я благодарен. Но когда мне исполнилось семь лет, я стал ненавидеть всех людей вообще, потому что людям кажется, что жить так легко, потому что у них есть сочувствие» — сочувствие? — «думаю, только потому, что я слишком люблю и слишком жалею людей. Спасибо вам всем с самого дна моего пылающего, вызывающего тошноту желудка за ваши письма и участие в последние годы. Во мне слишком много от эксцентричного, капризного человека, и во мне больше нет страсти, так что помните —».

Голос Кортни стал резче. «И не запоминайте это, потому что это — грёбаная ложь. «Лучше сгореть, чем угасать». Боже, ты придурок.

«Мир, любовь, сочувствие»,

«Курт Кобэйн».

«Тут есть ещё немного личного, и это вас никак не касается. И просто помните, это всё ерунда. Но я хочу, чтобы вы знали одну вещь. Та ерундовая «жёсткая любовь» восьмидесятых — она не работает. Она не настоящая. Она не работает. Я должна была позволить ему, все мы должны были позволить ему иметь свою нечувствительность, мы должны были позволить ему иметь то, от чего его желудку было легче, мы должны были позволить ему иметь это вместо того, чтобы пытаться снять с него кожу. Идите домой и скажите своим родителям: «Даже не пытайтесь пробовать на мне эту ерундовую жёсткую любовь, потому что она не работает, чёрт возьми». Вот что я думаю».

К этому времени она рыдала, но она сумела закончить. «Я лежу в нашей постели, и мне действительно очень жаль, и я чувствую то же, что и вы. Мне очень жаль, ребята. Я не знаю, что я могла бы сделать. Мне жаль, что я не здесь. Мне жаль, что я слушала других людей. Но я слушала. Каждую ночь я сплю с его матерью, и я просыпаюсь утром и думаю, что это он, потому что их тела — в некотором роде одно и то же».

«Теперь мне надо идти. Просто скажите ему, что он — придурок, хорошо? Просто скажите: Придурок, ты — придурок». И что вы его любите».

Её грудь воспалилась, её лицо опухло от слёз. Её живот скрутило от чувства вины и тошноты. Она с трудом пришла на панихиду для семьи и друзей Курта, на которой присутствовали главным образом посвящённые лица индустрии звукозаписи. Кортни читала отрывки из Книги Иова, Книги Озарений и письмо Курта. Позже в тот вечер они с Кэт посетили Сиэтл-центр, где несколько усталых скорбящих всё ещё толпились со свечами. Кортни раздала этим преданным людям часть одежды Курта.

На следующий день вышел «Live Through This».

Глава двадцатая

«Live Through This» — богато текстурированный альбом-коллаж, полный странных сопоставлений: резкий и мелодичный, саркастический и болезненно искренний, милый и уродливый. Его тексты изобилуют образами расчленения, беременности, рождения, молока, болезни*, наготы. «Spin» как его только не называл — от «радостного взбалтывание кишок» до «первого замечательного на сто процентов распроданного манифеста восставших девввшек».

Конечно, всё, что все слышали через несколько недель после его выпуска, это упоминания о Курте, реальные и воображаемые. Невозможно было слышать, как Кортни поёт: «Если ты переживёшь это со мной, я клянусь, что умру за тебя», не испытывая трепета ужасной неизбежности. Впоследствии она сказала Курту Лодеру с «MTV»: «Это не я — экстрасенс, а мои тексты».

Самой странной из всех была песня, которая не вышла на альбоме, оригинал «Rock Star». Когда этот трек решили удалить, было слишком поздно менять иллюстрации. Её заменили песней, которую назвали «Olympia», но название «Rock Star» вышло на обложке. Настоящий текст «Rock Star» такой:

Как бы тебе понравилось быть рок-звездой?
Классно быть рок-звездой
Я думаю, что ты бы лучше умер
Но держу пари, что ты хотел бы пробовать.
Как бы тебе понравилось быть в Нирване?
Жутко весело быть в Нирване
Как бы тебе понравилось быть в Нирване?
Я думаю, что ты бы лучше умер.

В мае «Hole» планировали ехать в американский тур. Никто не удивился, когда они его отменили. Вместо этого Кортни осталась в Сиэтле. Она писала музыку с Кэт — ужасный, сырой, катартический материал. «Она была единственным человеком, с кем я действительно могла играть, кроме Курта, — впоследствии говорила Кортни. — После всех этих лет у нас с Кэт всё ещё есть наше взаимопонимание. Это чёртово волшебство». Однажды они впустили кучу ребят из парка напротив, который стал неофициальным местом поклонения Курту. У одного парня была гитара, и Кортни, Кэт и ребята отправились в оранжерею и спели

все три альбома «Нирваны» так громко, как могли.

Она сделала западающую в память фотосессию, одевшись в старинный балетный костюм. Эти фотографии Марка Селиджера появились в номере «American Photo» за май/июнь. «Мы отправились в красивый особняк в Чикаго, — говорила Кортни в сопровождающем тексте. — Марк — мой любимый фотограф, потому что он точно знает, как заставить меня чувствовать. Это было сразу после смерти моего мужа. Я стала одержима ангелами и балеринами, изящными и красивыми вещами, не от мира сего. Я воспользовалась всеми своими занятиями балетом в девятом классе, чтобы сделать (плохо) фотографии на пуантах. Я постоянно плакала почти каждые пятнадцать минут, поэтому у меня был кошмарный макияж. Я хотела быть лебедем из «Лебединого Озера» и бить крыльями, упасть и исчезнуть. Марк снял это на плёнку».

Кортни преодолела май, оставаясь в движении. Весна в Сиэтле невероятно красивая, полная жизни. Эта красота вызывала у неё отвращение. Перед тем, как уехать из дома она поместила часть пепла Курта под скульптурой Будды в спальне, а часть закопала под отростком плакучей ивы в переднем дворе. Потом она упаковала своё свадебное платье и оставшуюся часть пепла в рюкзак в форме плюшевого медведя, полетела в Нью-Йорк и совершила паломничество в Намгьяльский буддистский монастырь в Итаке.

На досмотре в аэропорту охрана открыла рюкзак. «Что это?», — спросил он, увидев зернистый беловатый порошок.

«Это мой муж», — сказала ему Кортни.

Кортни провела две недели на шероховатых холмах Итаки, сделавшись печально известной среди владельцев городских магазинов («Ithaca Guitar Works» по-прежнему демонстрирует один из её сигаретных окурков, испачканный пурпурной помадой) и каждое утро принимая участие в церемониях монахов по освящению пепла. Наконец, рюкзак был открыт, и пепел высыпался на стол бледным облаком, которое дрейфовало вокруг их голов. «В тот день мы вдохнули немного Курта», — сказал сопровождающий. Пепел поместили на алтарь в монастыре.

Когда Кортни уехала с Итаки, две горстки пепла Курта остались у монахов. После того, как процесс освящения был закончен, пепел смешали с глиной и сформировали в цацы, или буддистские мемориальные скульптуры.

Кортни полетела в Лос-Анджелес, чтобы посетить «MTV Movie Awards» с Майклом Стайпом, её первое появление на публике после смерти Курта. В остальных случаях она продолжала прятаться дома с Фрэнсис, которая начинала понимать — и

протестовать — против того факта, что её отец не возвращается. У неё были приступы гнева, которые заканчивались долгими душераздирающими рыданиями. Она звала его ночью. Однажды, при посещении музея, она увидела гобелен с Иисусом и назвала его папой. Кортни пыталась делать единственную вещь, которую никто не сделал для неё, когда она ей было больно в детстве: она говорила с Фрэнсис честно, так, чтобы Фрэнсис могла понять. Она сказала, что папе пришлось уйти, и она не знает, почему, но теперь он — ангел, и он наблюдает за ними. Снова и снова она говорила Фрэнсис: «Папа по-прежнему любит тебя».

Во время её периода отшельничества Кортни также проводила много времени в Интернете. Дженнифер Финч послала ей подержанный портативный компьютер, и Кортни приступила к поиску в Интернете упоминаний о самой себе, чтобы посмотреть то, что все о ней говорят, потом начала участвовать в обсуждениях на «Америка Онлайн». Она ужасно печатала, что позволяло читателям предполагать, что она была всё время удолбана; иногда её бессвязные посты читались как норма работы, поэзия.

Многие из её постов были язвительными мыслями по поводу восставших девввшек Олимпии:

Лоис маффео — 32, средний возраст членов bk [«Bikini Kill»] — 25–29, самый забавный момент на la hapter встрече «вд»; от 36-лтней учительницы в колледже штата в Риверсайде и, я полагаю, дипломированного бухгалтера, «забирал свои слова назад», она сказала, ничего себе, можем мы работать на суку, шлюху, дрянь и т. д. замечание по поводу барабанщицы bk мисс вэйл; «ким гордон достатчно стара, чтобы быть моей матерью». да, если б она тебя родила, когда ей было 11. извини, что разбиваю тви крошечные иллюзии.

[Курт] очень боялся, что его насадят и трахнут в зад психопаты вроде мэрилу*, тобивэйл и кэлвина/кэндэсс девввшки этой оригинальной диеты — люди, которые использовали его имя, чтобы заключать контракты с ведущими студиями звукозаписи, претендуя на соавторство «teen spirit» замысловатой поп-песни, когда вышеупомянутые претенденты не могут настроиться, писать или продемонстрировать какие-то пышки музыкальной изобретательности.

Одному клеветнику она написала:

В том-то и дело, придурок, я хочу быть там в полном одиночестве на центральной сцене в Лолле, 43.000 человек, и

были удолбанные, покрытые кровью пивомочой помидоров твоей собственной слюной и мочой. Дэйв, массовое побитие камнями, историческое не? я представляю… вы смотрели бы друг другу в глаза или перед собой, в своего рода дионисийском массовом гипнозе? так, как я видела девушку, передаваемую по кругу во время «Rape Me» в Огдене штат Юта, с края сцены, они все смотрели перед собой… когда рвали её рубашку, лифчик, брюки даже несколько гранджевого вида — трусики — когда стали кромсать её груди… руки с обеих сторон — её лицо всё перекосилось от крика — и все эти мужчины пялились — И СМОТРЕЛИ ПЕРЕД СОБОЙ — мои глаза следили, за особенно жестокой кромсающей титьку рукой за её владельцем — грандж-панк-рокером с лицом ребёнка — в тот момент я схватила Новаселича, крикнула и показала — он прыгнул в толпу, и Курту пришлось включать в зале свет — я могла только точно указать на того симпатичного мальчика, а та девушка была окровавленной и истеричной — её груди и живот выглядели так, словно были порваны шакалами и Голодными Призраками, из самого холодного ада бардо.

Другие посты нападали на Хэнка Харрисона, который сам находился в «AOL», и он пользовался ею, чтобы наказать Кортни за отказ позволить ему встречаться с Фрэнсис. Хэнк утверждал, что он напишет откровенную книгу о Курте и Кортни, книгу, которая раскроет то, что на самом деле случилось с Куртом.

Кортни написала:

этот человек спятил, и это заходит далеко за пределы обычной частной вржадыэто не личные отношения, просто этот совершенно трогательный факт, что он использует aol, чтобы поднять свою обычную мелкую торговлю мелкое воровство; просто акей grateful dead, если мои факты правильные, он утверждает, что год руководил их благотворительными акциями, довольно неопределённое описание работы, но в последний раз когда я проверяла он всё ещё продавал ботинки dead 60-х на задней полосе relix gold mine и иногда rolling stone, и он выпустил 2 неавторизированных книги об этом коротком и спорном годе, писал от лица посвящённого, когда на самом деле он редко имел дело с этой группой, я знаю, что я должна пожалеть его, потому что он старый, и вы бы подумали, что он успокоится, научился какому-то смирению, научился делать со своими мозгами что-то положительное, и он, конечно, остроумный человек, но это просто неправда, он просто совсем рехнулся, он был в 60-х, и он

по-прежнему там, и его самолюбие того же размера, сумасшедший, и как полагает большинство людей, опасный… я дома, в окружении очень необходимой 24 часа охраны, так удручает, что нам это НУЖНО, новая изгородь из электрической проволочной сетки с датчиками, ротвейлер немецкая овчарка и щенок чау-чау для бин. я бы хотела добавить, что толстыйпапа также известный как биопапа пытался войти в дом и сад, он сказал эрику моему гитаристу что я сказала что он может приходить, так же как и «санкционировать» своё прекрасное Явление Джеральдо, КАК СТРАШНО, ПУБЛИЧНЫЕ ЧИТАТЕЛИ AOL?

Он сказал, что за последние два месяца он спас 2000 жизни, да верно как говорится если только, те, кто мне писали, хотели покончить с собой … я заперта во рву с самым ужасным забором, который можно купить за деньги, и это больше не очаровательные простодушные РЕБЯТА ТЕПЕРЬ ЭТО ДОПУСТИМО крайне безумные люди… те кто пишт ТЕ письма, те, кто в крови, сатанисты,

записка всем вам, биографы;

ВЫ ВСЕ ПИШЕТЕ МНЕ ОДНО И ТО ЖЕ ПИСЬМО

И В ЭТОМ ОТНОШЕНИИ ВЫ ВСЕ МУЖИКИ. жаль, что я не могу показать вам всем то стандартное письмо, которые вы посылаете, слегк угрожающим тоном: «Эта книга БУДЕТ написана банально, а я — тот парень, который сделает это безоговорочное заявление, как будто вы думаете где-нибудь между задеванием чувствительной струнки и провоцированием меня чем-то неверным вы можете радостно броситься в офис предполагаемых издателей, и на всей физиономии будет написано «Я ЕЁ ПОЙМАЛ», ничего себе, как негры-писатели без всяких фактических контрактов на публикацию однако вы должны получить несколько намёков от биопапы, нет ничего, что вы можете мне сделать, чтобы выведать ответ, положительный (как у азеррада) или лучше отрицательный — вроде настоящего публичного фиаско Кларк*коллинз кторый объясняет эти подобострастные провакаивные заявления… я не так глупа, как думают многие из вас, для меня это пройденный этап, если я стукну вас по голове, ну тогда я просто даю вам всем острый бульварный фураж вам придётся учреждать ваши маркетинговые кампании, и если я открываю вам мой дом и сердце, меня обуют, без всяких, да мальчики, эту книгу НАПИШЕТ КОРТНИ

И так будет 300 и мне крису и дэйву сё равно, мы пройдём через это так что нам всё равно Мне всё

Раааааааааааааааа

ВВВВВНОООООООПОНЯТНО?

Мне нечего терять ффффффффффффффффф
в м м м м м м м
мммммммммммммммм
ммммммммммммммммм
ммммммммммммммммм
мм

перерыв и осенью поехать в тур. Кристен Пфафф хотела уехать на летние каникулы в Миннеаполис, навестить старых друзей и сыграть несколько концертов со своей старой группой, «Janitor Joe». «Я в значительной степени это объяснила, — сказала Пфафф одному репортёру месяцем ранее. — Я сказала [своей группе]: «Слушайте, если вы хотите, чтобы я была счастлива и вменяема, мне просто надо вернуться домой».

Вечером 15 июня 1994 года у неё была маленькая прощальная вечеринка в своей квартире на Капитолийском холме. Когда все ушли, она набрала ванну, вколола себе героин и заснула в ванне.

На следующее утро Эрик нашёл её сползшей в холодную воду, голова и руки повисли по краям ванны, чёрные волосы свисали всклокоченным занавесом. Она умерла от передозировки. Кристен было двадцать семь, столько же, сколько было Курту.

Похороны Кристен были хрестоматийным примером двух культур, которые были не в состоянии общаться. Её отец, Норм Пфафф, чувствовал, что её сиэтлские друзья были необщительными и равнодушными. Он неправильно понял то, что, возможно, было огромным покровом вины за глянцем безразличия.

«Её друзья из Миннеаполиса выразили мне свои искренние соболезнования, и я встречал некоторых из них до её смерти, — сказал он музыкальному обозревателю Джиму Уолшу из «St. Paul Pioneer Press». — И я просто сравнивал это с той реакцией, которую я видел от людей в Сиэтле. Честно говоря, особого контакта не было. Я говорю примерно о двух-трёх людях. Поэтому этот комментарий, возможно, был не полностью справедлив. Но просто, к примеру, Эрик был на собрании после похорон и даже не сказал мне ни слова. И в то же время я не говорю, что Эрик не заботился о Кристен, но для меня была заметная разница в реакции.

Он не добавил, что эти миннеаполисские друзья были способны быть высокоморальными, в то время как сиэтлцы ужасно боялись, что миннеаполисские друзья правы: их город убил Кристен.

«Разве вас не смущает, что Сиэтл славится гранджем, капучино и героином?» — спросила Кортни городских полицейских после смерти Курта. Но на похоронах Кристен её не было: семья попросила, чтобы другие члены «Hole» не присутствовали, и только Эрик не подчинился этому запрету. И как бы Кортни ни любила Кристен, она чувствовала, что у неё осталось очень мало скорби по кому бы то ни было; она была истощённой, оцепеневшей.

Вместе она, Эрик и Пэтти решили не распускать группу. Они начали прослушивание басистов. Когда Билли Корган порекомендовал Мелиссу Ауф Дер Маур, двадцатидвухлетнюю девушку из Монреаля, Кортни была настроена скептически. «Билли мне все уши прожужжал об этой отчаянной девчонке, которая действительно умеет играть, а я говорила: «Да, верно, ты предоставляешь ей эту девичью свободу», потому что Билли — в некотором роде свинья, — говорила она впоследствии. — Но я подумала, что испытаю её, и я её слегка преследовала, и то, что я подумала, что круто, что она отказалась».

«Это такая вещь, которая нравится, — ответила Мелисса. — Это было заманчиво. Да, я была просто, типа, в своём пространстве, в своей жизни, со своей группой [«Tinker»]. Я была на Семинаре Новой Музыки, раздавая свои демо-кассеты и сводя свои семидюймовки. Я сказала: «Ничего не выйдет, у меня своя жизнь — что, вы думаете, что я хочу оставить свою жизнь?»».

Но харизма Кортни снова была неотразима; она полагала, что поездка в тур, работа, было единственной вещью, которая её спасёт. Чтобы сделать это, ей нужна была Мелисса. И, в конце концов, она получила Мелиссу, которую это всё по-прежнему не волновало: спустя две недели после её прослушивания, оказавшись перед восьмидесятитысячной аудиторией на Фестивале в Рединге 1994 года, Мелисса прокомментировала: «Я ничего не чувствовала. Я думала: «Это просто отражение того, что я собираюсь делать со своей жизнью»».

Кортни рассказывала о том концерте 26 августа на Рединге как о «хаотическом». Она была в золотом платье и, казалось, она пошатывается. «О да, я так чёртовски отважна, — огрызалась она на толпу. — Давайте просто притворимся, что этого не было. О, да. Для меня это вроде хобби». Толпа тоже ответила ей враждебностью, а пресса её высмеяла.

На следующий день, прокомментировала она, «это настроение по отношению ко мне было подобно поклонению богини на грани того, чтобы закидать меня камнями до смерти. Это было очень странно, и я это игнорировала. Я не знаю, чего они хотели, но я это игнорировала. На самом деле, я знаю, чего они хотели, и я не собиралась им это давать. Это было странно. Обычно в каждый чёртов раз, когда я играю, кто-нибудь говорит: «Покажи нам свои титьки». Я была на самом деле к ним готова. Я была в своём бюстгальтере с толстой прокладкой. Мы просто вышли и сыграли компактный концерт… Чего они хотели? Чёртов кавер «Teen Spirit»? Я этого не понимаю. Действительно ли люди были до странности любопытны? Я думаю, что они хотели, чтобы я заплакала, а я не буду».

И она не плакала. Кортни была подавлена гораздо больше, чем она когда-либо была, но она начинала выкарабкиваться из глубин.

Потом она встретила замечательного человека, чтобы он снова сбросил её прямо вниз.

Глава двадцать первая

Альбом «Nine Inch Nails» 1989 года «Pretty Hate Machine» имел такой же непредвиденный огромный успех, как и «Nevermind» два года назад. Эта музыка, неистовый сплав индустриального, гот- и синт-попа, была полностью написана Трентом Резнором. Он также пел и играл на большинстве инструментов. В своих текстах Резнор анализировал утраченную любовь, порицал уродство человеческого состояния и сурово критиковал себя за то, что жив. Даже Курт, который обычно ненавидел всё популярное, слушал «Pretty Hate Machine» и говорил что-то вроде: «Эта песня могла бы быть такой замечательной, если бы на ней не было синтезатора».

Сам Трент Резнор был странным красавцем, угловатым и бледным, со впалыми глазами, такими же глубокими, как у Курта, но далеко не такими невинными. У него была длинная, чёрная, как смоль, копна волос, обрамлявшая его худощавое лицо, преувеличивая его бледность. Он записал свой второй полнометражный альбом, «Downward Spiral», в доме в Лос-Анджелесе, где семья Мэнсонов зарезала пять человек (включая восходящую звезду «Долины Кукол» Шэрон Тэйт) и писала на стенах их кровью.

В сентябре «NIN» попросили «Hole» сыграть у них на разогреве на нескольких концертах в их туре «Downward Spiral». «Hole» согласились на этот тур. На первом концерте, в Кливленде, Кортни угрожали смертью. «Подошёл начальник полиции и сказал мне, что он не хочет, чтобы я играла, — сказала она. — Я говорю: «Это от девушки, это ерунда». Кроме того, если кто-то должен застрелить меня на сцене, что за хорошее примечание к истории рок-н-ролла».

Трент впоследствии утверждал, что на том первом концерте Кортни была «совершенно пьяной, чёртовой дурой», и она это признаёт. По словам других свидетелей в туре, это не остановило его от того, чтобы ею увлечься. Однажды вечером он пригласил её в свой номер, сказав, что у него есть для неё кое-что (впоследствии в «Detail» он будет утверждать, что это был отвар из трав для её горла).

«Я могла надрать Тренту задницу за честность, — прокомментировала Кортни после этого тура. — Или, по крайней мере, высказаться об этом. Я патологически конкурентоспособна с мужчинами. У «Nine Inch Nails» были огни и техника; я так боялась, что мы будем подлизываться, но вышло очень гладко. Слишком гладко, по-моему. Я довольна, что это был просто короткий тур. Я начала запутываться, внутренне.

«Было забавно играть с некоторыми образами, потакать той аудитории. Я дошла до того, что надела на сцену чёрное, чего я никогда в жизни не делала. А потом я делала своё дело, как одержимая. Каждую чёртову ночь я завивала волосы в локоны. Я каждую чёртову ночь делала свою чумовую вещь «Малышка Джейн, твою мать». В Миннеаполисе я надела платье, которое было такое узкое, и туфли, которые были пять дюймов высотой, что я едва могла нырнуть со сцены. Потом я дошла до самых лучших отзывов — я полагаю, за то, что была женственной. Я не могла хорошо двигаться, и я была сдержанна, что соответствует отличной рецензии. Это довольно неприятно».

Она не конкретизировала эти «слишком гладко» или «запутываться, внутренне», но многие люди вокруг неё полагали, что это имеет отношение к Тренту.

«Hole» продолжали свой тур. Во время осенних концертов 1994 года Кортни проклинала толпу, крестила её, плюясь водой, и бросала в них кукол. Если они вели себя хорошо, она иногда приводила на сцену Фрэнсис, чтобы на неё посмотрели. Она экспромтом придумывала новые тексты к старым песням, изменив строчку из «Miss World» на «Я — та девушка, которую Вы знаете / Та, что должна была умереть», или строчку в «I Think That I Should Die» на «Я хочу его / Его больше нет». Она ныряла со сцены почти каждый вечер, опираясь на ощупывающие руки толпы, её глаза были широко раскрытыми и безучастными, её конечности окостенели, поскольку её одежда была порвана, а тело избито. Видеть, как Кортни ныряет со сцены, теперь было похоже на наблюдение за женщиной, исполняющей болезненную епитимию.

В сентябре Кортни высказала своё мнение Курту Лодеру с «MTV», что слишком быстро вернулась к работе после смерти Курта. «Я думаю, что ожидается, что я должна буду близко подходить к шторам, и, ты знаешь, колоть наркотики или ещё что-то, понимаешь, пять лет. Но я не хочу это делать. Видишь ли, у меня есть ребёнок, я должна зарабатывать на жизнь… это единственное время, когда я чувствую себя очень хорошо».

Она также говорила о постоянном присутствии в её жизни покойного мужа. «Я знаю, что где бы он ни был, многое рассеялось, но главная вина осталась позади. И он должен сделать так, чтобы его достоинство, и его истинное «я», были восстановлены. И он мог быть настоящим сварливым подонком, но это было частью его силы. Ты знаешь, не говоря ни слова он мог заставить весь зал чувствовать себя как дерьмо… И у него также было сильное самолюбие, типа: «Ты идёшь ко мне». Но у него не было ни единой частички самомнения рок-звезды, и он

нуждался в этом».

Теперь самомнения рок-звезды было много в жизни у неё. Как будто каких бы то отношений у неё не было с Трентом, было недостаточно, она, или тот, кто писал в Интернете под её именем, попала в очень неприятную историю онлайн. 4 сентября под её именем было размещено следующее сообщение:

Уххх… грол ПРИМКНУЛ К «PEARL JAM». это, без сомнения, будет опубликовано, но мне наплевать на хрен, к вашему сведению, Курт всё равно не разговаривал с Дйвом Искариотом более года пошёл он, да, пошёл ты дэйв, ябуду твим чёртовым кошмаром Йоко ты грёбаный предатель… Спасибо за то что даже не позвонил после Рима, спасибо за то, что был козлом теперь ты являешься частью списка неугодых богатеев; компания элбини, майк Д (включая Силву), Хиршберг и эта возлюбленная Тина Браун — получай эти лицензионные платежи «Jeremy», дэйв, Твою мать, почему бы тебе просто не примкнуть к этому грёбаному культу… Боже ты ПОДЛЫЙ и КК проусто пожал бы плечами, я уверена, он бы всё равно даже не удиевился … мне нравится делать это в этой Пустоте, лучше чем вообще ещё раз с тобой разговаривать я иду со Стайпом на вручение наград, давай, наконец, оправдаем все эти слухи, ошёл ты дэйв, играй в баскетбол с джеффи, ладно? придурок.

Два дня спустя появилось ещё одно сообщение:

привет кэрол [женщина, которая отправляла её сообщения], это Кортни… Я не слышала о том, что Дэвид Грол Примкнул к «Pearl Jam», и даже если он примкнул к нимэто на самом деле его жизнь и его дело, я в последнее время заметила постинги, которые наши, не мои — распространяемые тобой — япо нимаю, что я дала тебе полное разрешение делать это — но как мог кто-то использовать мою электронную почту, я имею в виду, что мой пароль довольно очевиден — не надо ОСОБОГО УМА, чтобы это понять… за послеедние 24 часа 2 человека, которых я уважаю — тот, кого я очень люблю и ценю, обвинил меня в том, что я вру — ты знаешь это чувство — когда ты чего-то не делала. Ну я не отправляла тебе о том, что Дэйв Грол Приимкнул к «Pearl Jam», и я не буду довольно бесклассовой, чтобы всё равно сделать это — честно говоря мне на самом деле всё равно — это его жизнь. В любом случае СМИ вчера только и говорили об этом, и я не нуждаюсь в этом, и Дэйв тоже, я люблю Дэйва. Я люблю Криста. Теперь они рассердилисьна меня они думают, что я сделала эту вещь — и они думают, что я вру, я не вру и я бы хотела чтобы ты

помогла мне в этом разобраться потому что нет ничего более расстраивающего и в этом отношении МУЧИТЕЛЬНОГО, чем заставлять людей думать, что ты делала такую штуку которую ты не делала, отправь это рядом с факсом постинга Кортни — или удали это, если можешь, или помоги мне выяснить, кто это сделал — хорошо Кэрол спасибо, мне очень жаль, что это случилось, эта подпись Безумная Кортни меня тоже очень разозлила, приблизительно 8–9 дней назад ты послала мне постинг, который я якобы послала тебе, который я не писала, я не ответила, потому что он был безобидным — я думала, что оно больше высмеивает мой сумасшедший попахивающий Джойсом безбашенный «стиль» письма — также я получила фэнзин под названием «Безумная Лав», в котором были мошеннические постинги — не многие, но некоторые — пожалуйста впредь согласовывай со мной перед тем, как заходить в сеть, если это что-то такое же езумное и разрушительное, как это — кстати Дэйв был очень лоялен после Рима, мне не нужно, чтобы люди, которых я люблю, называть меня лгуньей, поскольку это заставит меня скорее презирать их — и я не хочу никакого дерьмового сумасшедшего гнева — спасибо, Кэрол…. Кортни

В итоге стало невозможно разобраться, какие посты действительно были от Кортни, а какие нет — у неё на самом деле было несколько имитаторов. Но считается, что она действительно написала этот (недостоверный) пост о том, что Дэйв Грол примкнул к «Pearl Jam», потом передумал.

Тем временем, они с Трентом встречались сперва в Новом Орлеане, потом в Лос-Анджелесе. В этом разросшемся городе ангелов их отношения умерли внезапной, ужасной смертью.

Вместе в гостинице «Сансет Маркиз» (или, как впоследствии называла её Кортни, «Маркиз де Сансет»), они подрались. По словам одного человека из штата «Hole», эта драка была из-за «того, что Трент сделал нечто очень плохое, о чём Кортни никогда не говорила». Трент якобы на несколько часов покинул номер, потом вернулся перед самым рассветом и обвинил Кортни в том, что она рылась в его вещах, что разнесла номер, во всём, кроме того, что она сварила его любимого кролика.

У них произошла шумная ссора, и Кортни повернулась, чтобы уйти. То, что она увидела, когда открыла дверь, высосало весь её огонь, разрушило её более основательно, чем что-то ещё, после вида крови Курта на полу оранжереи.

Возле номера Трент поставил двух телохранителей — двух «головорезов», как впоследствии на них ссылались посты Кортни на «AOL». Её сердце упало, когда она поняла, что это то, что

Трент о ней думал. Он относился к ней, как к равной, коллеге, другу. Но в итоге он позвал головорезов, чтобы от неё избавиться, точно так же, как она слышала, он делал с поклонницами, от которых он уставал.

Она уехала из гостиницы, поехала в другую, зарегистрировавшись под псевдонимом, и приняла снотворное. Когда она проснулась, пустая сторона кровати рядом приветствовала её, как старый друг.

В СМИ уже появились слухи об их романе. Теперь «People» завладели историей в «Сансет Маркиз», только по их версии Кортни нанесла этой гостинице ущерб на сумму четыре тысячи долларов, и Трент её побил, оставив синяки. Вскоре Кортни рассказала свою собственную версию событий в своей папке «AOL»:

«мерзкийтрахальщикмерзкийтрахальщикмерзкийтрахальщик, что я заплатила кровью и позором за этого мерзкого трахальщика». Она рассказала об обстановке за кулисами на типичном концерте «NIN», утверждая, что поклонниц передавали по кругу, унижали, оскорбляли и даже насиловали, часто даже не приближаясь к самому «крысёнышу». Она насмехалась над его серебристым «Порше». Когда люди забрасывали её вопросами о Тренте на сцене, она говорила что-то вроде: «Nine Inch Nails»(«Девятидюймовые Гвозди»)? Больше похоже на «Three Inch Nails» («Трёхдюймовые Гвозди»).

(По слухам, ещё одна известная поп-дива ещё больше пострадала от рук Трента. Согласно одному источнику, «они встретились в Лос-Анджелесе, она бросила из-за него своего приятеля, у неё были ключи от его дома в Новом Орлеане. Однажды она отправилась туда, а все замки были сменены. Она позвонила по телефону из своей машины, а номер был изменён. Потом она стояла там на тротуаре, задаваясь вопросом, что же, чёрт возьми, происходит, а Трент велел двум телохранителям выйти и бросить её в её машину. Я полагаю, что он возбуждается, оскорбляя сильных женщин»).

Когда просочился слух об активности Кортни онлайн, Трент ответил в прессе утверждением, что никакого романа вообще никогда не было. Кортни вышла из себя, потому что «я не буду её приятелем», сказал он, и: «Этого просто не было — этого романа века».

Для Кортни это было таким же большим ударом, как и те головорезы в «Сансет Маркиз». То, что между ними произошло, было достаточно ужасно — но чтобы это отрицать? Ничто не могло быть равнодушнее. Она усилила свои разглагольствования по Интернету, и её папка «AOL» стала вещью нездоровой

притягательности, вроде посмертного разворачивания.

И, как любое длительное разложение мертвечины, оно привлекало мух. В ноябре на «AOL» появилась некая присутствующая в сети по имени Саша (также известная как S23, Taran и под несколькими другими псевдонимами) и начала яростно нападать на Кортни и любого, кто осмеливался сказать о ней доброе слово. Саша членораздельно выражалась, была злобной и безумно любила/ненавидела Трента Резнора. Она побуждала Кортни открыть больше деталей о закулисном убожестве «NIN», говоря, что Кортни «обещала» это сделать. Когда Кортни отказалась, Саша стала очень активной сторонницей теории заговора Тома Гранта.

Какое-то время Кортни думала, что Саша — это на самом деле Сумасшедшая Эми, бывшая подружка Трента, которая разыскала её после разрыва, притворилась, что подружилась с ней, и получала садистское удовольствие от разоблачения всевозможной лжи Трента Кортни во время их отношений. В онлайне циркулировали слухи, что на самом деле Саша — это Кэт Бьёлланд, Мэри Лу Лорд или даже Дженнифер Финч.

(В следующем году Саша отправила угрозу смертью ещё одному члену «AOL». Некоторые люди говорят, что она также послала такую угрозу Кортни по её личной электронной почте. Папка «Hole» была закрыта, Сашу выгнали из «AOL», и Кортни наняла адвоката, чтобы её найти. По словам этого адвоката, который, кажется, действовал как частный детектив, Саша была скучной личностью. Толстая готка лет тридцати пяти, она жила со своими родителями в мрачном пригороде Сан-Франциско. Она хвасталась в онлайне о путешествиях, которые она собиралась совершить в Прагу, Рим и Японию, но подагрическое состояние её ног мешало ей проходить длинные расстояния. Она, казалось, полностью жила посредством своей Интернет-персоны. Саша, или некто, использующий её имя, всё ещё активна в Сети; её едкие посты можно найти в группе «Usenet» «alt.fan.courtney-love»).

Той осенью «Nine Inch Nails» отменили выступление в Мэдисон-скуэр-гарден. История из стана «NIN» была такой, что гитарист повредил руку. Неофициально говорили, что Трент отменил этот концерт, потому что он услышал, что там будет Кортни. Она планировала присутствовать — вместе с Эваном Дэндо, Эриком и его новой подружкой, актрисой Дрю Бэрримор. Слух был таким, что Трент ожидал, что она придёт за кулисы и устроит сцену. Каждое новое сообщение казалось более тщательно разработанным, чтобы вонзить ей нож в сердце, но она обнаружила, что привыкла к этому, всего чуть-чуть. Она задавалась вопросом, есть ли что-нибудь, к чему она не могла бы

привыкнуть.

В конце 1994 года она начала собирать саундтрек к фильму «Девушка Из Танка, который был (ужасной) экранизацией британского комикса о панк-супергероине будущего и её приятеле-кенгуру. Этот саундтрек включал песни Бьорк, Веруки Солт и «Hole», которые пожертвовали «Drown Soda», записанную вживую на «Би-Би-Си».

Как раз перед Рождеством, пока «Nine Inch Nails» всё ещё были в туре, любимая собака Трента упала с пятидесятифутовой ограды на концерте и погибла. Говорили, что когда Кортни услышала эту новость, она проплакала весь день, но не могла найти в себе силы, чтобы сказать кому-нибудь, что её так ужасно расстроило.

Она провела Рождество дома с Фрэнсис, которая выздоравливала после ветрянки.

В начале 1995 года «Hole» гастролировали по Австралии, где заявление, которое Кортни часто делала о самой себе, было ещё раз доказано.

«Я просто показываю палец, и к нему липнет дерьмо».

Глава двадцать вторая

Сидя в австралийском полицейском участке, Кортни сочиняла следующее письмо «Qantas Airways»:

Я только что сошла с рейса 627 из Брисбена в Мельбурн, где я летела первым класс на месте 1F. В настоящее время я задержана полицией Виктории из-за незначительного и жалкого инцидента, спровоцированного одной стюардессой, которую звали Вероника Мэхони. Я с самого начала нашла её поведение необычным. А. Она выдвигала всем в первом классе обеденные подносы, вообще их не спрашивая. Б. Когда я отказалась обедать, она стала слегка недружелюбной без видимой причины.

Я только что провела 2 1/2 часа в комнате для больных в Брисбенском Аэропорту. У меня растяжение поясницы, ишиас, а также я в настоящее время совсем больна с высокой температурой и простудой. Я положила ноги на подпорную стенку, а также подушку себе под спину. Поскольку я регулярно летаю первым классом, я обычно сижу на месте 1G у прохода — с подпорной стенкой. И это нормальное поведение. Она поспорила со мной по этому поводу и сказала, что я, А: оскорбляю других пассажиров (ноги на стене — оскорбление пассажиров?) и Б: вызываю проблему с безопасностью, потому что эта стена была перед каким-то охранным/защитным «устройством» (на самом деле она перед кейтерингом).

Я — знаменитость, и в этот момент она заметила на полу журнал («Rolling Stone»), где я была на обложке. Это случалось со мной много, много раз — где-нибудь между тем, чтобы просто быть знаменитостью и природой моей звёздности — рок-певицы. Однако я, за 28 лет полётов, НИКОГДА не сталкивалась с проблемами в моей деятельности в полёте, а также со стюардессой, такой назойливой, противной и совершенно отвратительной. Иногда людям нравится ссориться/вступать в конфронтацию со знаменитостями. Это даёт им ощущение их собственной значимости — я не ясновидящая, но с того момента, как она увидела этот журнал, её отношение становилось всё более и более отвратительным. Пассажир рядом со мной даже высказался по этому поводу.

Она велела мне опустить ноги. Я сказала: «почему?». Она сказала те 2 вещи, которые я сказала вам. Я сказала: «Я никогда об этом не слышала» — она повторила: «Опустите ноги вниз» — с самого начала, ни «пожалуйста», никакой «вежливости», никакой приятной манеры сообщить мне, что это, возможно,

неподобающе. Просто противно и грубо. Я сказала: «НЕТ, у меня болит спина, и я никогда не слышала об этом правиле». Она сказала (и, я повторяю, чрезвычайно грубым тоном): «Опустите их, или я сделаю так, что вас арестуют в аэропорту». Я разозлилась и сказала: «Давай на хрен»…

Следующий час или около того полёт был прекрасен. Без всяких препирательств. Я, в конце концов, убрала ноги, когда моя спина перестала так болеть. Когда мы добрались до Мельбурна, казалось, будто там была кавалерия! Я увидела как минимум 6, возможно, и больше должностных лиц — охрана и полиция. Меня на данный момент задержали более чем на час и произвели полный личный досмотр. (К счастью, полицейские, которые его проводили, примерно в 2000 раз более вежливы, чем та стюардесса).

Я не нарушала закон, напиваясь, подравшись или грубя, за исключением грубости по отношению к этой исключительно противной стюардессе. Я готова ПОСПОРИТЬ, что в течение часа это будет на проводе «Associated Press». И я также готова поспорить, что это будет исходить не от этих полицейских, а от самой этой стюардессы.

Я слышала о пьяных людях, курящих сигареты и траву в самолётах, мочащихся за пределами кабин. Нехорошие вещи. Я ПОЛОЖИЛА СВОИ НОГИ НА СТЕНУ ПОДПОРНОЙ СТЕНКИ!! и в результате меня оскорбили почти ни за что. Ваша авиакомпания всегда были хорошей. Я переправляю своих служащих и всем об этом сообщаю.

Вы превратили это в «уголовное дело», и в вашем отчёте ваша стюардесса откровенно лгала, т. е. что я подняла руку, будто чтобы ЕЁ УДАРИТЬ… или что я заперлась в туалете и не выходила. Это всё — откровенная ложь… Меня невероятно оскорбили.

Оказалось, что она нарушила закон: якобы говорить «хрен» на австралийском самолёте было запрещено. Её освободили после внесения залога.

Когда тур закончился, Кортни полетела в Японию, чтобы посетить буддийский монастырь в Нагойе. В ночь перед её паломничеством её начал прошибать холодный пот. На следующий день в монастыре священник велел ей избавиться от всей ненависти. Она решила пробовать.

Вернувшись в Штаты, Кортни позвонила Тренту. Он касается их разговора в апрельском номере «Details» за 1995 год: «Она казалась весьма искренней, желая помириться. И я не хочу войны между нами. Я сказал: «Если ты хочешь это остановить, останови

это»… У неё есть хорошая черта, и именно это я сегодня понял. Она — явно офигенная личность».

Но он уже сказал несколько отвратительных вещей о Кортни автору «Details», а также повторил своё отрицание их сексуальных отношений. Всё это было включено в статью, и Кортни отказалась от своей миссии мира. В ближайшие месяцы о Тренте упоминали в стане «Hole» как о паразите.

Весной 1995 года Кортни купила дом за 400 000 $ для Венди О'Коннор, матери Курта. Она снялась в нескольких маленьких киноролях: официантка в «Чувствуя Миннесоту» с Киану Ривзом; фанатка живописи по прозвищу Биг Пинк в «Баскии», одноимённом биографическом фильме о вундеркинде Энди Уорхола Жане-Мишеле Баскии. Она понимала, что «Live Through This» не в состоянии номинироваться на премию Грэмми, несмотря на единодушные шумные одобрения критиков и продажи, приближающиеся к миллиону. Эту острую боль смягчило приглашение занять главную нишу в туре Лоллапалузы 1995 года, с ведущими исполнителями «Sonic Youth».

Она также нашла новую лучшую подругу: Аманду ДеКадене, тусовщицу из Британии, чей брак с Джоном Тэйлором из «Duran Duran» затмил её собственный блестящий имидж. «Аманда — трахальщица звёзд, — говорит один старый друг Кортни, — а Кортни просто была очередной звездой. Неважно, что она была девушкой, неважно, что у них никогда не было секса. Аманда примазалась к ней, как трахальщица звёзд». Кортни впоследствии блокировала Аманду как источник энергии, охарактеризовав её как «патологическую».

В марте, ещё во время стадии их медового месяца, они посетили церемонию вручения премии Оскар в диадемах и длинных платьях из белого шёлкового шармёза, целовались на камеры и вообще забавлялись, позоря самих себя. На одной из таких вечеринок после церемонии они посетили столик Квентина Тарантино, и Кортни оказалась рядом с Линн Хиршберг.

«Я поднимаю Оскара, — рассказала она впоследствии чикагской радиостанции «WKQF», — и они очень тяжёлые, потому что они покрыты свинцом, а поверх — золотом. Можно было начисто размозжить кому-нибудь голову. Я говорю: «Кого я ненавижу в этом зале?». Вдруг такой слабый голосок пищит: «Тебе не нравлюсь я» … И она удрала и спряталась под столиком Мадонны, Эллен Баркин и Джоди Фостер, и они пинали её под столом. Джоди Фостер курила сигары, тушила об неё и кричала: «Держи ответ, сука!» … Ударь я её кулаком, они бы просто сказали: «Вот опять Кортни за своё». Но я сохранила самообладание».

Как будто этого инцидента — и того факта, что у Хиршберг был рак — было недостаточно, чтобы удовлетворить чувство кармы Кортни, с ней связался «Vanity Fair» по поводу того, чтобы сделать статью с иллюстрацией на обложке. Интервью проводилось не внештатным сотрудником, а пишущим редактором Кевином Сессамсом, который её обожал.

Обложка «Vanity Fair» за июнь 1995 года не могла быть более буквальным извинением за статью 1992 года. Изящно накрашенная, с мечтательным лицом, в облегающем платье персикового цвета и с крыльями ангела с белыми перьями, Кортни была снята выходящей из декоративной золотой картинной рамы. Этот материал сопровождался несколькими её полуобнажёнными портретами, и одним изящным с Фрэнсис Бин, уставившейся в камеру, в её огромных проницательных глазах явно отражалась душа её отца.

«Американцы на самом деле очень хотят моей смерти, — сказала Кортни Сессамсу. — Они хотят, чтобы я умерла. Я умирать не собираюсь».

Той весной «Hole» совершили краткий тур по Европе. В Амстердаме пресса сообщила, что Кортни танцевала шимми на балконной опоре, чтобы выгнать враждебно настроенную оппонентку в клубе «Paradiso». Один голландский Интернет-сёрфер, который утверждал, что был в зале, дал другую версию событий. Этот человек сообщил, что та девушка постоянно кричала: «Ты убила Курта!», а когда другие последовали её примеру, Кортни отложила свою гитару.

«Хорошо, — как сообщают, сказала она. — Здрасьте, приехали. Ну-ну. Вы, девушки, срёте на меня, вы не врубаетесь в чёртов концерт … Ты бесишься, потому что думаешь, что я трахала Трента? Ты бесишься, потому что думаешь, что я трахала Эвана? Ты бесишься, потому что я вышла замуж за Курта? Ну, тебе не повезло, ты — жирная уродливая готка. Сходи подрочи. Курт ненавидел этот чёртов город. Я ненавижу этот город. Сходи подрочи! В следующий раз сходи на «Nine Inch Nails».

«Ты заплатила чёртовы деньги за этот концерт, ты, чёртова сука!», — как сообщают, вмешалась Мелисса Ауф Дер Маур.

Вернувшись в Штаты, Кортни очень обстоятельно удовлетворяла предполагаемое желание американской публики своей смерти. Той весной и летом она принимала много таблеток: перкодан, валиум и много, много роипнола. На рейсе 11 июня из Нью-Йорка в Сиэтл во внезапной депрессии, она проглотила сразу три. Её помощнику пришлось помогать ей выйти из самолёта и усаживать её в такси. К тому времени, как они приехали домой, Кортни была без сознания, не реагировала и, казалось, едва

дышала. Помощник вызвал скорую, которая быстро доставила её в Медицинский Центр Харборвью. Ей промыли желудок, её признаки жизни отслеживали в течение двенадцати часов.

К тому времени, как в два часа на следующий день её выписали, она не могла выкинуть из головы музыкальную тему из «Долины Кукол». Это был только наполовину несчастный случай.

Глава двадцать третья

Ходили слухи, что «Hole» откажется от участия в Лоллапалузе, но Кортни была там в день открытия, 3 июля, «с затуманенными глазами» и «болезненным лицом», согласно «Rolling Stone».

Лоллапалуза началась в 1991 году как странствующий фестиваль музыки, искусств и различных субкультур. Он был основан Перри Фарреллом, тогда вокалистом «Jane's Addiction». Состав участников 1995 года пока был самым эзотерическим, включая «Pavement», Бека, «Cypress Hill», «Jesus Lizard», Шинэйд О`Коннор (которая рано выбыла из-за беременности), и «Bikini Kill», так же, как и «Hole». Даже ведущие исполнители, «Sonic Youth», больше являлись уважаемой культовой группой, чем рок-легендой.

В самый первый день этого шестинедельного тура Кортни попала в неприятную историю. В своём гастрольном дневнике для «Spin» она написала:

[Кэтлин Ханна из «Bikini Kill»] была самым злейшим врагом моего мужа в мире, той, кто не остановится ни перед чем, чтобы нас раздражать… Именно после нашего выступления — перед «Sonic Youth» — а я на сцене разговариваю с Беком, подходит Эрик и говорит: «Сзади тебя Кэтлин. Ты должна дать ей конфет и взбесить её». И она была там, типа ухмыляясь мне. Я бросила на пол свой свитер, а она типа прошептала: «Где ребёнок? В туалете с капельницей?». Я просто вышла из себя. У меня в руке были «Скиттлз» и пара «Тутси Роллс». Я просто подбросила их в воздух и закричала: «БАААААААААААА!». А потом она меня толкнула, а потом я ей влепила. Это всё произошло за пять секунд. Нас схватили такие большие телохранители, и нас разняли, и она кричала и визжала всякие разные вещи про меня, а я смеялась над ней, типа: «Иди корми чёртовых бездомных или ещё кого». Я думаю, что у меня ещё был мешок тостад, смешанных с конфетами, поэтому повсюду шёл дождь из леденцов и тостад. К.Х. сказала, что я напала на неё, и что я была на наркотиках, и у меня был психоз; знаете, все те вещи, которые могут понравиться деревенщинам в Пеории. Потом она пошла в номер «Sonic Youth», сплетничала и рассказала им эту совершенно преувеличенную безумную историю о том, как я совершенно неожиданно на неё напала и ударила, когда на самом деле у меня, между прочим, было девять или десять свидетелей…

К.Х. не получила никаких повреждений. Я только собиралась её ударить. Все в моей компании действительно чувствовали к ней отвращение, как и те, кто это видел, потому что несколько человек слышали то, что она сказала. Она оскорбляла мою дочь очень, очень подло и отвратительно. Я на самом деле намеревалась дать ей конфету и уйти.

Кэтлин Ханна предъявила обвинения в нападении, и Кортни в итоге приговорили к году тюрьмы, отложенному при условии, что она будет посещать «уроки управления гневом» и воздержится от драк в течение двух лет»*.

Но Кортни вскоре избавилась от своей агрессии. Большую часть тура она была подавлена, много спала, смотрела фильмы на заднем сиденье своего автобуса, после концертов так сильно пичкая себя лекарствами, что на её одежде, постельном белье и даже на её коже стали появляться дыры от сигаретных ожогов, как тогда, когда она была героинщицей. Она не могла спать без своих таблеток, а когда она слишком долго бодрствовала, начинала думать о Курте.

В последний день июля кто-то бросил на сцену патрон от винтовки в самом разгаре выступления «Hole». Патрон приземлился у ног Кортни. Когда Кортни наклонилась и подняла его, группа перестала играть.

«Это то, что вы хотите? — спросила Кортни, пристально глядя в зал. — Хорошо. Здрасьте, приехали. Спасибо». «Hole» ушли со сцены. Друзья, которые навещали Кортни в туре, сообщали, что она казалась одинокой и подавленной.

Кортни закончила свой гастрольный дневник:

Лолла помогла мне очнуться от своего оцепенения. Я была зомби в течение 18 месяцев. Так долго в моём браке и после я была в изоляции, не обращая внимания ни на что, кроме моего самого тёмного гедонизма и самых тяжёлых времён. Если я когда-нибудь соберусь писать этот новый альбом, я должна буду снова почувствовать своё сердце. Я вернулась к терапии (меня убедила Шинэйд), и я также нахожусь на ужасной диете с помощью личного тренера для того фильма, на который я пробуюсь. Это всё, наконец, привело меня в порядок — это не зарядка, это дисциплина. Я, наконец, возвращаюсь из страны агорафобии, пытаясь очиститься от своего сарказма ко всем, кто когда-либо обижал или эксплуатировал Курта. Интересно, ударить кого-то кулаком считается очищением? Да, точно, считается.

«Тот фильм, на который я пробуюсь» был её первой съёмкой в

большом кинофильме. Режиссёр Милош Форман увидел ранние кадры «Чувствуя Миннесоту», и был так впечатлён, что попросил Кортни пройти пробы для его следующей картины. «Народ против Лэрри Флинта», с продюсером Оливером Стоуном, был историей восхождения издателя «Hustler» к скандальной репутации, его судебного процесса против цензуры и последующего покушения на его жизнь, после чего он стал прикован к инвалидному креслу. Вместе с актрисами Патрисией Аркетт, Мирой Сорвино, Рэйчел Гриффитс и Джорджиной Кэйтс Кортни пробовалась на роль жены Лэрри, Алтеи Лежер Флинт. В семь лет, когда она увидела, как её отец застрелил её мать и её бабушку с дедушкой перед тем, как направить оружие на себя, едва достигнув совершеннолетия, когда она встретила Лэрри, Алтея должна была прожить в ходе фильма шестнадцать лет.

Форман попросил Кортни приехать и встретиться с ним в «Сансет Маркиз» в Лос-Анджелесе. Она не возвращалась туда со времён Трента, со времён той драки. Она собрала всю свою силу, всё своё обаяние и намеревалась вернуть потерянную территорию.

Согласно «Premiere», Милош Форман понял, что он хочет на эту роль Кортни прежде, чем она пересекла номер. «Она — это такое замечательное сочетание, — сказал он, — великодушная, хрупкая, любящая, решительная и упрямая».

Когда Форман показал кинопробы Алтеи своему давнему другу, драматургу и президенту Чешской республики Вацлаву Гавелу, Гавел сказал ему, что подходит только Кортни. Оливер Стоун был столь же лестным: «Было ясно, что у неё была первобытная энергия. Тебе нужен кто-то с отвагой до небес [чтобы играть Алтею]. У неё есть отвага, у этой женщины».

Сам Лэрри Флинт не был так уверен: он благоволил Эшли Джадд для роли своей покойной жены. И у страховщиков фильма были сомнения в выборе неопытной актрисы с такой известной наркотической историей.

«В течение двух месяцев я была Алтеей и не была Алтеей, и была, и не была, — рассказывала Кортни «Premier». — Это было даже не столько из-за меня, сколько из-за этого багажа. Я думаю, что они действительно думали, что в своём трейлере я собиралась делать пивные пирамиды. Приведу местных наркоманов, употребляющих крэк, и буду стоять на ушах».

В итоге Кортни, Стоун, Форман и Вуди Харрельсон пожертвовали 100 000 $ с каждого за отдельный «авантюрный» страховой полис. На протяжении съёмок Кортни приходилось раз в неделю сдавать анализ мочи. Она могла принимать лекарства, прописанные ей — валиум, иногда перкодан и странный

антидепрессант — но больше ничего.

«Я сказала: «О, чёрт с ним, — впоследствии прокомментировала она, снова в «Premiere». — Это, типа, моя алая буква. Мой маленький крест, который надо нести. Я ответственна за это на каком-то уровне, и я не могу притворяться, что забыла… [Но] теперь я всё испортила другим людям. Им всем теперь нужно сдавать анализы».

Той осенью «Caroline Records» выпустили «Ask For It», EP «Hole» из живых песен и сессий Джона Пила с Радио «Би-Би-Си». Этот EP был остатком по договору от сделки, которую они заключили с «Caroline Records», прежде, чем они подписали контракт с «Geffen». На пустой обложке, выбранной, как всегда, Кортни, была изображена пара бескровных разрезанных запястий, распростёртых на полу ванной. «Ask For It» включал каверы песен «Velvet Underground», «Wipers», «Germs» и даже «Beat Happening» Кэлвина Джонсона, отчасти в полудружеском «пошли вы на…».

Кортни снимала интервью с Барбарой Уолтерс, которое передали позже в том году. Аккуратно одетая в розовый костюм от Тьерри Мюглер, она несколько раз разражалась слезами, когда Уолтерс засыпала её вопросами. Она была на наркотиках? Прямо сейчас? Будучи беременной? Она принимала наркотики на глазах у Фрэнсис? Она винила себя в самоубийстве Курта?

«Это была опера, — впоследствии расскажет Кортни «Vogue». — Та женщина — Жуткая Искусительница. Это было больше чем опера — это был Гран-Гиньол. Это был кровавый театр, а я играла главную роль, вот и всё. Я играла Леди Макбет, ничего? Перед двадцатью миллионами человек, куда ты пришла. Оттуда тебе придётся идти дальше».

В октябре «Hole» играли «Violet» на «MTV Video Music Awards». На шоу после вручения премий, пока Курт Лодер брал интервью у Мадонны, Кортни вмешалась, и перед камерой произошла очень необычная беседа.

Курт Лодер [Мадонне]: У тебя выходит альбом баллад, верно?

[Мы слышим, как Кортни кричит на заднем плане: «Мадонна!»].

Мадонна: Да, «Something To Remember», нечто для медленных танцев.

КЛ: Нечто для медленных танцев?

М.: Нечто сам знаешь про что.

КЛ: Это отражает новую медленную танцевальность в твоей жизни или…

М: Можно сказать, что это — гм… отражение этого…, но это

также …

[Мимо головы Мадонны со свистом пролетает компакт-пудра.]

КЛ: Привет, Кортни! Это — Кортни, всеобщая любимица. Заходи.

М: Мы должны позволить ей войти? Нет, не надо, пожалуйста. Не надо.

КЛ: Да, заходи. Входит Кортни.

[Кортни показывают у подножия сцены, усмехающуюся и всё ещё бросающую косметику в Мадонну.]

М: Прямо сейчас Кортни Лав позарез нужно внимание. Она бросила в меня свою пудреницу.

КЛ: Я просто постою здесь…

[Кортни выходит на сцену.]

Кортни Лав [Мадонне]: Привет, как поживаешь?

М: Хорошо.

КОРТНИ [пожимая ей руку]: Чё делаешь?

М: Я здесь откровенничаю.

КОРТНИ: О, я, я мешаю?

КЛ: Нет, нет, у нас есть для тебя несколько вопросов. Это ваше первое знакомство?

М: Нет, нет, мы встречались.

КОРТНИ: У нас было несколько встреч.

КЛ [Мадонне]: Ты видела выступление «Hole»?

М: Я его не видела.

КОРТНИ: Она его не смотрела.

КЛ: Не похоже, что она его не смотрела, она, наверное, просто его пропустила.

М: Тем не менее, я видела репетицию.

КОРТНИ: У нас есть свой «Maverick», знаешь… [таинственный, но явно язвительный намёк на студию звукозаписи Мадонны, «Maverick», которая хотела заключить контракт с «Hole»].

М: Меня, меня заставили пройти по лабиринту Радио-Сити. Я его не видела.

КОРТНИ: Меня заставили сказать Деннису Миллету, чтобы он говорил на тон ниже ради меня и Дрю [Бэрримор], не придираться ко мне и Дрю. Я обычно без памяти влюбляюсь в намеки.

М: Почему?

КОРТНИ: Ну, я жила здесь [в Нью-Йорке] — да, я жила — и мой друг делал звук на «Saturday Night Live», и я обычно заходила в гримёрку и глазела на него. Знаешь, потому что он был забавный, а мне нравятся забавные парни, которые умнее.

М.: Мне тоже.

КОРТНИ: Я в таком восторге от этой рок-звёздной штуки. Но ты даже не играешь рок-звёзд. Как сказал бы Майкл Стайп, ты идёшь в народ, верно?

М: Да.

КОРТНИ: Да, знаешь, это как работаешь в больнице, а потом встречаешься с водителем скорой. Это как: «Я хочу быть хирургом, я хочу быть главным хирургом, чёрт возьми, я хочу свою больницу!». Поэтому я встречаюсь с другими хирургами, а они все придурки. Поэтому я, возможно, должна взяться за медсестру-волонтёра.

М.: Я думаю, что тебе нужно уйти из больницы.

КОРТНИ: Нет, чёрт побери, мне здесь нравится. Красивая одежда… хорошие деньги.

М.: И много доступных наркотиков.

КОРТНИ: Много доступных… э, да.

М.: Фиг с ним, у кого лучшая обувь? У меня Гуччи.

КОРТНИ: Я знаю, что это Гуччи.

М.: А у тебя —?

КЛ [показывая свои ботинки]: У меня из детёныша пони …

КОРТНИ: Это отстой!

М: Ребятам из «PETA» твои ботинки не понравятся.

КЛ: Мне всё равно.

КОРТНИ: Это отстой, они очень неполиткорректны. Это на самом деле анти-«PETA». Мы можем покупать кожу, но ты не можешь покупать меха. [Мадонне] Я ходила на Правду или Вызов» с Куртом, когда мы впервые встречались, и он говорит: «Боже, это — ты».

М: Правда?

КОРТНИ: Я думаю, что это было похоже на сцену, когда Уоррен говорит: «Что не должно быть на камере?». [Пока Кортни всё ещё говорит, Мадонна встаёт, чтобы уйти.]

КЛ: Ну, Мадонна убегает. Это закончилось хорошо.

М: Пока.

КЛ: Ну, Кортни, спасибо.

КОРТНИ: Мне нравится хороший выход. Я вас, ребята, достала? Вы, типа, говорили об астрофизике и всё такое? [кричит] Пока, Мадонна… Я тебя достала? Ты на меня злишься? Клянёшься Богом?

[Показывают, как Мадонна уходит, качая головой и выглядя разозлённой.]

В ноябре Кортни поехала в Орландо, штат Флорида, чтобы иметь дело со сфабрикованными обвинениями двух фэнов,

которые утверждали, что она побила их в толкотне перед сценой во время концерта. Даже судья нашёл это смешным, заметив, что их ушибы были не хуже, чем кто-то мог разумно ожидать получить на «панк-рок-концерте». (В марте 1997 года она предъявила иск округу Ориндж за гонорар адвоката в 27 000 $, часть из которых были потрачены на оплату психиатра, прослушивание «Live Through This», просмотр видео и чтение её статьи в «Vanity Fair» — новой.)

В декабре она привезла свою группу в Новый Орлеан, чтобы записать большую часть их третьего альбома. Ранее в том году Кортни смотрела несколько домов в Парковом квартале, и всерьёз рассматривала его покупку. Тот факт, что Трент Резнор уже жил в Парковом квартале, её не удерживал. Впервые она посетила Новый Орлеан с Куртом, и они оба любили этот город. Здесь у неё были друзья: романистка Энн Райс, уроженка Нового Орлеана; гитарист «R.E.M.» Питер Бак, у которого тогда был дом во Французском квартале; и члены глэм-гот-группы «Marilyn Manson», которая время от времени вторгалась в город.

Переключив внимание прессы заявлением, что они сняли «особняк напротив Энн Райс» (у Райс есть несколько домов в этом городе), «Hole» переехали в дом на Луизиана-авеню возле Сент-Чарлза. Спустя несколько дней после их приезда Кортни и Пэтти Скимэл были избиты закулисными охранниками при посещении концерта «Green Day» на «UNO Lakefront Arena».

«Меня схватили за руку и завернули её за спину, — рассказывала Кортни новоорлеанской «Times-Picayune». — Потом меня схватили за волосы. Они постоянно затыкали мне рот руками. Мою голову стукнули о стальную опору один, два, три, четыре раза. В то время как это происходило, один парень копался в нижнем белье. Вы так не трогаете человека, знаменитость или нет». После того, как они вытащили её из-за кулис, «один из них сказал: «О, вы — Кортни Лав, извините, всё это — большая ошибка». Как будто только потому что я — это я, со мной нельзя было так обращаться, но если бы это была не я, тогда можно».

Кортни отделалась ушибами и порванной губой. Более беспокоило то, что у Пэтти болело запястье, но рана оказалась лёгкой.

Они писали музыку, был маленький пожар (в комнате Кортни) из-за её привычки засыпать с зажжёнными свечами), и выходили очень редко. Кортни боялась увидеть Трента, а другие были равнодушны к Новому Орлеану. К тому времени, как они уезжали, как раз перед Рождеством, Кортни не была уверена, что ей по-прежнему также нравится этот город. Она была тронута

тёмными миазмами, которые висят над этим городом, напугана его чарами вуду. Она отказалась от планов покупки дома, сославшись на свою причину, что Новый Орлеан был плохим местом, чтобы воспитывать детей.

«Я хочу ведьм и вампиров!», — сказала она новоорлеанскому агенту по недвижимости ещё весной. С этим всё ещё могло быть в порядке, но на такое количество призраков она не рассчитывала.

Глава двадцать четвёртая

В начале 1996 года в Мемфисе, штат Теннеси, начались съёмки фильма «Народ Против Лэрри Флинта». Кортни придерживалась строгой диеты без углеводов и потеряла огромное количество веса для фильма. «Это была самая странная диета в мире, — рассказывала она «Premier». — Мясо, помидоры, тунец, «Crystal Light», «Джелло», яичные белки и соевый сыр». Её внешность волновала некоторых людей, но она пожимала плечами и позволяла им волноваться; ей пришлось стать изможднной семнадцатилетней девушкой, поэтому она едва ли могла выглядеть здоровой.

«Если кто-то заплатит мне много денег, чтобы я весила сто фунтов, и если для этого будет серьёзное основание, и я не раскручиваю анорексию, я это сделаю», — говорила она впоследствии. Но она также признавалась: «Когда становишься такой худой, начинаешь чувствовать себя уязвимой. Ты уменьшаешься, буквально».

Слухи о длительной интрижке с Гэвином Россдэйлом, вокалистом нирваноподобной британской поп-группы «Bush», прекратились, когда она стала встречаться с ещё одной звездой — Эдвардом Нортоном. Когда он уехал со съёмок, чтобы снимать сцены для другого фильма, она играла с Фрэнсис и много читала. На её мемфисской книжной полке были биографии Элизабет Тэйлор, Джэка Николсона, Барбры Стрейзанд, Джэнис Джоплин и Милоша Формана, а также «Полное Собрание Стихотворений» Энн Секстон, «Первая Любовь, Последнее Помазание» Йэна МакЭвана, «Клуб Адского Огня» Пита Страуба и не один, а два экземпляра книги доктора Лоры Шлезингер «Десять Глупых Вещей, Которые Делают Женщины, Чтобы Испортить Свою Жизнь».

Её диета и очередная плохая привычка — просто забывать о сне — появились в течение нескольких трудных дней съёмок. В течение многих лет, и особенно после смерти Курта, наркотики помогали ей заснуть. Поскольку Кортни стала воздерживаться от препаратов для фильма, она часто проводила сорок восемь часов или больше без сна. Большая часть того, что критики приняли за влияние химических препаратов на её поведение («невнятная речь», «нетвёрдая походка» и т. д.), если и оно и присутствовало, может быть в значительной степени приписано потере сна.

В общем, тем не менее, согласием на съёмки в «Лэрри Флинте» было то, что Кортни Лав собиралась сыграть замечательную Алтею. С ней было нелегко работать, особенно

если вы работали в отделе грима, и её иногда приходилось вытаскивать из складной кровати в её трейлере. Но когда она представала перед камерой, она загоралась. «Когда мы только начинали, Кортни ни хрена не знала о съёмках фильмов, — говорил помощник продюсера. — Первая неделя была, типа: «О-о». Потом после этого она всё это изучила. Она знала освещение, ракурсы, всё».

Технарям нравилась её способность усваивать реплики и хронометраж. Милошу Форману, тем не менее, нравилось её явно электрическое присутствие перед камерой и её взаимное притяжение с Вуди Харрельсоном. В примечаниях, сопровождающих их книгу с рабочим сценарием, сценаристы Скотт Александр и Лэрри Карашевски высказались по поводу её способности к импровизации: «На Алтею прослушивалась масса актрис, и им давали [сцену, где новая стриптизёрша Алтея знакомится с Лэрри].

… [сцену] предложения руки и сердца… и [ту сцену, когда] Лэрри говорит Алтее, что он заново родился. Милош чувствовал, что Алтея была неукротимым, ужасным персонажем, и он поощрял непосредственность…. Таким образом, когда пришло время Кортни Лав играть эти три сцены в фильме, она использовала свои версии проб. Милош хотел безумного реализма между Вуди и Кортни, поэтому он использовал две камеры, позволяя им играть в режиме реального времени. Это было не в точности то, что мы написали, но это было ярко».

В Мемфисе было очень холодно. Компания разместила Кортни, Фрэнсис Бин и няню Фрэнсис в типовом роскошном пригороде, клёвом, со сборными домами. Однажды, когда они снимали сцену, где разъярённая толпа протестует против появления на суде Лэрри, поблизости устроилась местная бригада теленовостей и снимала съёмку. Новости в тот вечер сообщили, что на самом деле массовка протестовала против фильма!

Кортни обрадовалась, когда съемки переместились в Лос-Анджелес — пока они не добрались до тех сцен, где Лэрри и Алтея начинают колоть героин. В бутафорской были фальшивые шприцы с фальшивыми иглами, фальшивая чёрная смола, всё, кроме кайфа. Она должна была колоть Вуди, потом перевязывать свою собственную вену резиновой трубкой, колоться и отрубаться. Эта сцена глубоко её тревожила, но Вуди и его давняя подружка, Лора Луи, помогли подробно её проинструктировать, пока Фрэнсис играла с их трёхлетней дочерью Дени.

Кортни провела большую часть времени на экране обнажённой или полуодетой, танцуя на сцене, резвясь в горячей ванне с двумя женщинами, в кровати с Вуди.

«Кортни действительно будет большим сюрпризом, — рассказывал Харрельсон «Detour» после того, как съёмки фильма были окончены. — Она очень хороша, очень «в моменте» и очень реальна. Милош очень упорно боролся, чтобы сделать так, чтобы это с ней произошло; он очень её хотел. Она дикая, чёрт возьми, она дикая. Знаете что, если я поработаю ещё двадцать лет моей жизни, я надеюсь быть так же хорош, как она сейчас, на своей первой большой съёмке. Вы не поверите, как невероятно, как захватывающе на неё смотреть. Я видел её в предварительно смонтированных материалах — это не просто предположение. Она действительно захватывающая. Она предназначена для этого и очень профессиональна. Несомненно, она чертовски сумасшедшая, но она также одержима и очень сконцентрирована».

Он говорил почти то же самое в «Us», но добавил историю о том, как ходил с ней на «Смерть Коммивояжёра». «Она не спала до этого целую ночь, но я до последнего этого не понимал. Она спала с того момента, как поднялся занавес — до того, как поднялся занавес — до конца пьесы. Не считая того, когда она просыпалась во время антракта… Голова запрокинута, рот открыт — а её ноги! В начале второго акта её ноги просто внезапно перешли на сиденье перед ней, и её [пробуждение] было большой суетой, а потом она снова заснула, и они снова поднялись… Я был очень обеспокоен».

Она провела следующие несколько месяцев, написав больше текстов и путешествуя со своим новым приятелем, Эдвардом Нортоном. Консервативный, остерегающийся СМИ молодой человек, выпускник Йельского университета, свободно говорящий по-японски, Нортон ценил интеллект Кортни больше, чем её дикость. «Я думаю, что она действительно родилась, чтобы сыграть [Алтею], - сказал он «Premier». — Когда встречаешь таких людей, как Кортни, которые в некотором смысле культурно культовые, что можно сказать об очень немногих людях, действительно видишь расстояние между манипуляцией прессы с образом человека и подлинной сущностью этого человека. Существует огромное количество приблизительной гиперболы, которая не вдаётся в сложности жизни и личности человека. Встреча с ней была в этом отношении настоящим уроком».

В мае «Seattle Post-Intelligencer» сообщил, что она снесла оранжерею, где Курт покончил с собой, потому что она стала жуткой достопримечательностью. Фэны «Нирваны» во всём мире

протестовали против разрушения «дома Курта» и поносили Кортни, будто она сделала это импульсивно. На самом деле город раскопал старые топографические документы, демонстрирующие, что часть особняка Лав-Кобэйна вторгается в Виретта-Парк — а именно, часть подъездной дороги и примерно половина оранжереи — и потребовали возврата земли. Вместо того, чтобы снести это здание, Кортни пришлось переехать на другую сторону особняка и отреставрировать как дом для гостей.

Также в мае кто-то передал на сиэтлскую радиостанцию «107.7 End» плёнку, где Курт и Кортни поют дуэтом «Asking For It». Эта плёнка была со студийных сессий «Live Through This», во время которых Курт пел подпевки на нескольких песнях. Ещё в 1995 году, обсуждая влияние Курта на свою собственную музыку, Кортни сказала: «У меня всегда было ощущение, чтобы помещать текст поверх каждой ноты. Я многому научилась у Курта о пространстве, и многому о гармониях. На всём [«Live Through This»] есть гармонии… Курта, его можно услышать на «Pee Girl»…».

В неавторизированной и нелестной биографии Кортни, изданной в 1996 году, автор Мелисса Росси процитировала слух, что Курт написал большинство или все песни на «Live Through This», и что по-прежнему существует демо-кассета, где он их играет и поёт. Хулители Кортни привели в качестве доказательства этого слуха плёнку «Asking For It», хотя эта версия песни была явно не с такой демо-кассеты; она была студийного качества.

На самом деле эта версия «Asking For It» была записана, потому что Кортни надеялась выпустить её синглом, и она знала, что фэнам понравится услышать их с Куртом вместе. После его смерти она отказалась от этой идеи.

В июле 1996 года на саундтреке к фильму «Вороны: Город Ангелов» появился кавер «Hole» «Gold Dust Woman» «Fleetwood Mac», и различные источники сообщили, что новый альбом «Hole» — предположительно называющийся «Celebrity Skin» («Кожа Звезды»), потому что, как сказала Кортни, «я так многого из этого коснулась» — был записан.

Говоря публично об этом альбоме, Кортни рассказала о песнях об абортах, о членовредительстве, о том, как она представляет свои собственные похороны в Новом Орлеане, о рок-звёздах, изменяющих своим жёнам, о сексе. «Трудно писать о сексе, — сказала она «NME», — и… об отношениях с Куртом… Я знаю точно, как я хочу, чтобы это звучало: я строила это у себя в голове, как круг. Я хочу, чтобы верхняя часть была страстной, «Crazy Horse», «Harvest». Полоска в середине — настоящий Алан

Маулдер, с сильным стилем написания песен. Как то, что Билли [Корган] делал с «Siamese Dream», но примерно так. Текстурированный, супертекстурированный. Нижняя часть, я хочу, чтобы она была самой грубой, «Black Sabbath» проводит пробы… наигрубейшая, глубокая и тяжёлая».

У неё были свои тексты — у неё всегда были свои тексты — но песни не совпадали. В июле Кортни взяла перерыв от проекта и обратилась в реабилитационный центр в Пенсильвании, предположительно из-за зависимости от валиума. По слухам, Эдвард Нортон поставил ей ультиматум: завязывай, или расстанемся. В качестве любопытной части своего реабилитационного плана, она поселилась у актрисы Дрю Бэрримор, когда вернулась в Лос-Анджелес для продолжения работы над альбомом.

Однако музыка отошла на задний план, когда в декабре 1996 года вышел «Народ Против Лэрри Флинта». Слух создавался несколько месяцев, и игра Кортни превзошла все ожидания. Рецензии были переполнены удивлением и энтузиазмом».

«Игра Лав — изумление, — сообщала «Newsweek». — Забавная, раскрепощённая и почти пугающе живая перед камерой, она — сама «естественность». «Spin» неистовствовал: «Её Алтея — едкая, подобострастная, благоразумная шлюха, и каждый раз, когда Лав улыбается той чумовой улыбкой, камера заглатывает её целиком». Даже сам Флинт выразил сдержанное одобрение: «Милош увидел в Кортни то, что больше никто не видел, и он зафиксировал это на плёнке. Я был просто потрясён ею в этом фильме. Милош сделал из неё абсолютное совершенство».

«Us» утверждал, что «Лав локазалова[-ла] скорбящее сердце фильма без дешёвых слёз и [взяла] ноту чистого, откровенного изящества». «New York Times» объявил Кортни «потрясающей Алтеей». «People» отметил, что «он[а] — единственный человек в этом радужно безобидном фильме, которая выглядит так, будто ей нравится секс, и чем грязнее, тем лучше». Она получила номинацию на «Золотой Глобус» прежде, чем «Лэрри Флинт» даже вышел в кинотеатрах; впоследствии она завоевала награду Кинокритиков Нью-Йорка, Кинокритиков Бостона и Золотой Спутник лучшей актрисе второго плана в большом кинофильме. Теперь люди говорили о номинации на Оскара. Кортни не могла этому поверить — её начинали одобрять взрослые.

Она начала соответственно приводить в порядок свой имидж. Январский «Vogue» представил «Большое Преображение Кортни Лав»: четыре страницы с этой звездой, одетой в наряды от Версаче, Дольче & Габбана, Альберты Ферретти и Валентино, говорящей что-то вроде: «Я только недавно научилась покупать

одежду. Когда у меня не было денег, я отоваривалась в магазине поношенной одежды, и я всегда точно знала, что покупать. Потом я заработала деньги, перестала там отовариваться и стала покупать в моллах. Я внезапно больше не знала, что покупать».

Когда у неё брали интервью на шоу «Today», она отказалась отвечать на вопросы о наркотиках из-за того, что это шоу «демографическое». Ведущий упорствовал. Убедившись, что камеры включены, исключительно вежливая Кортни встала и начала уходить со съёмки. Она добилась своего, не произнеся ни одного «вашу мать».

Все эти хорошие манеры ошеломили СМИ. Вскоре она попала в заголовки газет из-за своего «нового имиджа», своей «очистки», своего «преображения». Конечно, всё это рассматривалось как просчитанный коммерческий ход; никто, казалось, не принял во внимание тот факт, что она на самом деле могла находиться в процессе взросления.

Её не номинировали на Оскар, как предсказывали глянцевые журналы, но она на самом деле появилась в качестве ведущей, волосы в аккуратном блондинистом пучке, элегантно одетая в серебристое платье от Версаче. И она вела себя прилично — никаких поцелуев с девушками или угроз журналистам, как она делала с Амандой ДеКадене два года назад».

За несколько месяцев до этого события «Brandweek» попросил женщин по всей Америке перечислить голливудских знаменитостей, ожидаемых на Оскаре, чувство моды которых они больше всего уважают. Кортни поместили на третье место в этом списке. Эта реакция (и возможно, наряд от Версаче) побудила этот журнал провозгласить её образцом для подражания, ту, что прошла через огонь, не опалив своей одежды высокого класса:

Тонкая элегантность [наряда] Лав в вечер вручения Оскара, возможно, показалась некоторым резким отходом от её гранджевого облика или хуже — признаком конформизма, но ничто не может быть дальше от правды. Её заявка на модность была одинаково сильным и честным высказыванием о многих сторонах её личности. Для многих женщин в нашем опросе Лав представляет собой олицетворение честности, смелости и индивидуальности. Они уважают то, как она очень уверенно выражает себя через свою одежду и свою внешность. И они полагают, что она выбирает ту одежду, которую она носит, потому что она позволяет обнаружиться её истинным цветам.

Да, теперь взрослые её любили.

Глава двадцать пятая

В начале 1997 года Кортни выставила свой сиэтлский дом на продажу и переехала с Фрэнсис в Лос-Анджелес. После того, как Служба Защиты Детей пыталась отобрать Фрэнсис у них с Куртом, Кортни думала, что Лос-Анджелес будет хранить слишком много плохих воспоминаний для того, чтобы когда-нибудь снова здесь жить. Теперь Сиэтл был полон плохих воспоминаний, а её возлюбленный и большинство её друзей были в Лос-Анджелесе.

Она рассказала прессе, что продаёт особняк на Лэйк-Вашингтон, потому что слишком много ребят приходит поклониться святилищу смерти Курта, что было, по крайней мере, частично правдой. Она уехала из Сиэтла с чистой совестью: она улучшила свои острые отношения с Кристом и Дэйвом, и Фрэнсис могла летать и гостить у бабушки Венди или дедушки Фрэнка всегда, когда захочет.

Дом был продан в мае, как сообщают, почти за запрашиваемую цену 2.9 миллионов $. Покупатели были обязаны подписать договор, обещая не превращать особняк в музей или достопримечательность для туристов. Этот договор также предусматривал, что когда Кортни устроится в Лос-Анджелесе, она сможет вернуться и забрать плакучую иву, под которой была захоронена часть пепла Курта.

Курт. Её драгоценное воспоминание и её проклятие. Работа над новым альбомом «Hole» не шла. Слух, что Курт написал «Live Through This», был необоснованным, но Курт помогал ей бесчисленными способами; это было бы смешно для кого угодно, только не для музыкантов, которые прожили вместе два с половиной года.

Её группа стала вялой от ничегонеделания. Кортни отчаялась когда-либо ассимилировать песни и написать так, как она хочет. Она била себя по голове от недостатка мастерства. Она была истощена. А потом позвонил Билли Корган.

Начиная с конца их отношений, Билли достиг твёрдой славы альт-рока с «Siamese Dream» и его продолжением «Piesces Iscariot», но он не был этим удовлетворён. В конце 1995 года «Smashing Pumpkins» выпустили эпопею «Mellon Collie and the Infinite Sadness», который стал самым продаваемым двойным CD всех времён. Но в 1996 году, когда они гастролировали по США, у них возникло затруднение: клавишник, гастролировавший с ними, умер от передозировки героина, когда кололся с ударником «Pumpkins», Джимми Чэмберлином. Несколько дней спустя Билли сообщил, что Чэмберлин уйдёт из группы и обратится в

реабилитационный центр. «Pumpkins» наняли нового ударника и продолжили тур.

Теперь Билли звонил, сказав, по существу: «Знаешь что, я думаю, что ты очень устала, и я думаю, что ты очень нуждаешься во мне, и я — твой друг, и я хочу, чтобы ты воспользовалась мной, чтобы помочь написать альбом».

Никогда и через миллион лет Кортни не подумала бы, что она позволит Билли связываться со своей музыкой. Но он очень хорошо её знал. Он знал, как сказать как раз всё, что надо. И она действительно устала, и она сходила с ума от предварительной работы над альбомом. Она попросила его приехать.

Билли стал хорошим пианистом, и вместе он, Кортни и Эрик разобрали и перестроили несколько песен, которые она уже написала. Часть его задачи состояла в том, чтобы изменить то, что Кортни называла своим «коммунистическим» отношением к музыке, часть наследия «Sonic Youth», порыв сделать хорошую ноту плохой. Билли убедил её, что неплохо находиться под влиянием того броского, цепляющего, классического попа, который она слушала в детстве. «Сядь и послушай «E.L.O.», если это — то, что нужно, — увещевал он её. — Что бы это ни было, тебе нужно воспользоваться этой попсой».

Потом появилась ритм-секция, и Билли поработал и с ними, убеждая их столкнуться со своей собственной попсой. Она никогда не видела Эрика таким цветущим, и даже Пэтти, рок-пуристка, в какой-то момент отложила свои барабанные палочки и сказала: «Боже, это попса, но мне это нравится!».

«Это не попса! — спорила Кортни. — Или если это так, это хорошо. Знаете что? Вся музыка, которую я когда-либо любила, в какой-то степени была оптимистической музыкой. Ты можешь записать какую-нибудь вещь для многих людей, сделав её классной и симпатичной, и заставить её выйти за пределы имиджа и багажа».

Билли улыбнулся. Как всегда, она уловила суть идеи и согласилась с ней, сделав её полностью своей собственной.

Прежде, чем Билли соединился с «Hole», он и Мелисса Ауф Дер Маур работали вместе над альбомом Рика Оказека. «У Мелиссы самое невероятно крутое чувство мелодии, — говорила Кортни, — но она на самом деле отвязная, и у неё всё получается, потому что она «крутая» и играет «круто». Но это не настоящее мастерство. Поэтому она провела месяц, работая с Билли на Рика Оказека, и вернулась образованной. Та песня, которую она написала, великолепна».

Оказалось, альбом был о Калифорнии, с одной язвительной валентинкой Сиэтлу. Кортни хотела назвать его «Reason To Be

Beautiful» («Повод Быть Красивой»), что, казалось, хорошо соответствовало её трилогии названий. Но Билли предложил назвать его «Malibu». «Он такой калифорнийский, он очень в стиле «Beach Boys», он такой чумовой, ты на самом деле должна подумать об этом», — настаивал он. Кортни понравилась эта идея.

В некотором смысле было такое ощущение, будто «Hole» пропустили свой третий альбом и сразу принялись за четвёртый. Это не был «Celebrity Skin» (хотя Кортни на самом деле написала песню с таким названием), она на самом деле не была о Курте (после того жуткого предвидения в текстах на «Live Through This» это казалось бессмысленным), и это был, по всей вероятности, альбом посткинозвезды. Но не пресыщенным. Когда она прокрутила это демо Майклу Стайпу, он похвалил его за отсутствие цинизма. «Цинизм — это зло», — ответила Кортни.

Чтобы напомнить себе об этом, она сводила Фрэнсис посмотреть вживую «Улицу Сезам» в следующий раз, когда они были в Нью-Йорке. Фрэнсис смотрела это шоу с сосредоточенным вниманием, но когда оно кончилось, она непринуждённо развалилась на своём сиденье и сказала: «Теперь мы можем пойти за кулисы?».

О, пресыщенное дитя рок-н-ролла, — подумала Кортни. Конечно, они могли пойти за кулисы, и они познакомились с Элмо, и этот ребёнок «почти пяти лет», который встречался с большинством самых популярных рок-звёзд в Западном мире, испытал благоговение перед этой знаменитостью.

Ещё одной большой страстью Фрэнсис были феи. Когда Кортни спросила, почему, Фрэнсис объяснила свою феминистическую теорию фей: все они были девушками, и они никогда не должны были выходить замуж, если не хотели.

С её ребёнком всё будет хорошо. Это было самой важной вещью, и это, казалось, осуществлялось. Кортни пыталась максимально оградить Фрэнсис от чересчур обожающей публики. Она никогда не встречалась с теми, кто хотел обидеть Фрэнсис, но юные фэны в особенности глазели на эту маленькую девочку голодным, жадным пристальным взглядом. Фрэнсис очень это ощущала, и если это продолжалось слишком долго, она закрывала лицо руками и начинала кричать: «Прооооочь от мееееееня» во всё своё удивительное горло.

Этот пристальный взгляд был вампирическим, думала Кортни, буквально вампирическим; те ребята смотрели не на саму Фрэнсис, они искали в ней её родителей. Кортни иногда ловила себя на этом. Не делать это было трудно; Фрэнсис с каждым годом становилась всё больше похожей на своего отца.

В мае «Hole» пригласили на репетицию «Fleetwood Mac» для «MTV Unplugged». Кортни была взволнована — эта группа, и особенно Стиви Никс, воплощала всё, что она любила в усеянном блёстками, вульгарно-гламурном мире поп-музыки. Вот почему она выбрала «Gold Dust Woman» для саундтрека «Вороны: Город Ангелов» — для неё Стиви Никс была этой Женщиной В Золотом Сиянии.

О самой репетиции Кортни сказала: «Даже самые пресыщенные люди в моей группе начали плакать. Это было безумно. Это — настоящий урок трансцендентности популярной музыки. Те трое людей открывают рты, они вместе поют, и ты — в 1977 году». Когда её представили группе после репетиции, она чувствовала себя как Фрэнсис, встретившаяся с Элмо, только не такой уравновешенной.

Билли ориентировочно пообещал продюсировать этот новый альбом, но после того колоссального количества времени, которое он уже провёл с «Hole», он был истощён. Кортни понимала, что он сделал всё, что мог, и что это было очень много: она была навеки ему благодарна. В июне 1997 года «Hole» отправились в студию с Майклом Бейнхорном, который продюсировал «Soundgarden» и «Red Hot Chili Peppers», но был из современного классического/эмбиентного окружения музыкантов вроде Джона Кэйджа, Филипа Глэсса и Брайана Ино.

«Он не интересуется этой убедительностью, — говорила Кортни о Бейнхорне, — ради этой вещи «плохая нота за плохой нотой», которая уничтожила большую часть моего поколения как композиторов… Я так потрясена этим альбомом, потому что по-своему он проходит через каждую без исключения вещь, к которой я должна обратиться, однако он по-прежнему удивительно хорош…

«Это вроде ложки сахара, помогающей лекарству раствориться, с самыми крутыми хуками, приложенными к нескольким очень противным вещам». Которые, если задуматься об этом, вообще были точной метафорой для жизни Кортни.

Слухи о её предстоящем браке с Эдвардом Нортоном продолжали возникать в таблоидах, но из-за отвращения Эда к вниманию СМИ они отрицали свои отношения в прессе и взяли за правило появляться отдельно на мероприятиях, которые они посещали вместе. Кортни планировала больше сниматься, когда у неё будет время, но в обозримом будущем посвятить себя своей группе. Эдвард был занят своей собственной работой над фильмом и проявлял очень мало интереса к миру рок-н-ролла, который был прекрасен для Кортни. У неё было достаточно много приятелей-рок-звёзд, возможно, на несколько жизней.

Она не хотела говорить, что счастлива — она боялась счастья как состояния застоя — но её жизнь была более мирной, чем когда-либо раньше.

Сможет ли Кортни Лав со своим ядерным характером и своей склонностью к мелодраме сделать так, чтобы этот мир сохранялся? Она надеялась. И на этот раз она была вполне уверена, что сможет.

Библиография

1. Книги

Alexander, Scott, and Larry Karaszewski, The People vs Larry Flynt (The Shooting Script). Newmarket, 1996.

Azerrad, Michael. Come As You Are: The Story of Nirvana. Doubleday, 1994.

Carver, Lisa Crystal. Rollerderby: The Book. Feral I lotto, 1996.

Editors of Rolling Stone. Cobain. Rolling Stone Press, Little, Brown, and Company, 1994.

George-Warren, Holly, et al., The New RollingStone Enciclopedia of Rock & Roll. Fireside/Rolling Stone,1995.

Goldman, Albert. The Lives of John Lennon. Bantam, 1988.

Humphrey, Clark. Loser: The Real Seattle Music. Feral House, 1995.

Juno, Andrea. Angry Women in Rock: Volume One. Books, 1996.

Karlen, Neal. Babes in Toyland: The Making and Selling of a Rock and Roll Band. Random House, 1994.

O'Brien, Lucy. She Bop: The Definitive History of Women in Rock, Pop, and Soul. Penguin, 1995.

Raphael, Amy. Grrrls (Viva Rock Divas). St. Martin's, 1995.

Rossi, Melissa. Courtney Love: Queen of Noise. Pocket, 1996.

Spungen, Deborah. And I Don't Want to Live This Life. Ballantine, 1983.

Wilson, Susan. Hole: Look Through This. UFO Music Books Ltd., 1995.

II. Периодические издания

Allman, Kevin. "The Dark Side of Kurt Cobain." The Advocate, February 9, 1993.

Arisen, David. "Naked Ambition." Newsweek, December 23, 1996.

Atkinson, Michael. "American Gigolo." Spin, December 1996.

Cirver, Lisa. "Mary Lou Lord." Rollerderby, issue 17, summer 1995.

Cohen, Jason. "Hole Is a Band, Courtney Love Is a Soap Opera." Rolling Stone, August 24, 1995.

Cooper, Dennis. "Love Conquers All." Spin, May 1994.

Cummins, Kevin. "I Don't Want to Have a Lot of Enemies When I Die." New Musical Express, April 29, 1995.

DesBarres, Pamela. "Rock & Roll Needs Courtney Love." Interview, March 1994.

Dickinson, Amy. "Kurt Cobain's Final Tour." Esquire, February 1995.

DuNoyer, Paul. "Courtney Love." Q, August 1995.

France, Kim. "Rock-Me Feminism." New York, June 3, 1996.

Fricke, David. "Life After Death." Rolling Stone, December 15, 1994.

-. "Smashing Pumpkins." Rolling Stone, November 16,1995.

Gliatto, Tom. "The People vs. Larry Flynt." People, January 20, 1997.

Grad, David. "Love — That's All He Needs." New York Press, May 29, 1996.

Harrison, Andrew. "Love and Death." Select, April 1994.

Heath, Chris. "The Art of Darkness." Details, April 1995.

Hirschberg, Lynn. "Strange Love." Vanity Fair, September,1992.

Howell, Peter. "Cobain-Love Duet Surfaces on Seattle Radio Station." Toronto Star, May 15, 1996.

Katz, Alyssa. "Satellites of Love." Spin, June 1996.

Kelly, Christina. "Kurt and Courtney Sitting in a Tree," Sassy, April 1992.

Lipsky, David. "Junkie Town." Rolling Stone, May.10, 1996.

Love, Courtney. "Summer of Love (Lollapalooza 1995' tour Diary)." Spin, December 1995.

Maslin, Janet. "Larry Flynt, His Epiphanies Showing," New York Times, October 12, 1996.

Millea, Holly. "True Love?" Premiere, February NV.

O'Neill, Tom. "Woody Harrelson." Us, July 1996.

Poneman, Jonathan. "Family Values." Spin, Dec. 1992.

Pouncey, Edwin. "Top Hole." New Musical Express, September 14, 1991.

Sessums, Kevin. "Love Story." Vanity Fair, June, 1995

Spera, Keith. "Singer Courtney Love Says Arena Guards Abused Her." Times-Picayune (New Orleans),

December 8, 1995.

Sutherland, Steve. "Love Resurrection." New Music Express, April 17, 1993.

Travers, Peter. "Oscar's Love Affair." Us, January 1997. True, Everett. "Foreign Orifice." Melody Maker, June 8, 1991.

"Pretty on the Inside." Melody Maker, August 24, 1991.

Turner, Jim. "Sporting Woody." Detour, June/July 1996.

Tyaransen, Olaf. "Love Story." Hot Press, November 15, 1995.

Weisbard, Eric. "Sympathy for the Devil." Spin, February 1996.

Wiederhorn, Jon. "Lollapalooza." Rolling Stone, August 24, 1995.

Williams, David E. "Our Man Flynt." Film Threat, Feb¬ruary 1997.

Wilson, Amy RaNae. "Hole's Patty Scheme]." Deneuve, December 1995.

Woods, Vicki. "A Labor of Love (Courtney Love's Major Makeover)." Vogue, January 1997.

Ziccardi, Donald. "Love: American Style." Brandweek, April 25, 1997.

III. Песни и Альбомы

Bowie, David. "The Man Who Sold the World." Tintoretto Music/ Screen Gems — EMI/Chrysalis Songs, BMI, 1970.

Hole. "Retard Girl." Sympathy for the Record Industry, 1990.

"Teenage Whore." Pretty on the Inside, Caroline,1991.

-. "Violet," "Miss World," "Plump," "I Think That I Would Die," "Gutless." Live Through This,Geffen/DGC, 1994.

Meat Puppets. "Oh Me." Meat Puppets 11, SST, 1983. Nirvana. "Come As You Are," "Something in the Way." Nevermind, Geffen/DGC, 1991.

"Dumb." In Utero, Geffen/DGC, 1993.

MTV Unplugged in New York. Geffen/DGC, 1994. The Vaselines. "Jesus Doesn't Want Me for a Sunbeam."

EMI-Blackwood Music on behalf of EMI Music Publishing Ltd./ Complete Music Ltd., administered by Incomplete Music Inc., BMI, 1987.